

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 3 (47)

2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Королев А. С.</i> Пределы Руси в представлении Константина Багрянородного	3
<i>Иноземцев И. Н.</i> Роль русской колонизации в процессе формирования локальных сообществ Пензенского края (на примере села Кера Нижнеломовского района)	15
<i>Полякова Е. П.</i> Аптечное дело в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в.	25
<i>Кознова И. Е.</i> Большевики и крестьянство в годы нэпа: мобилизуя память о революции.....	33
<i>Уразова С. А., Гарбуз Г. В.</i> Отношение региональных коммунистов к экономическим реформам в начальный период нэпа	44
<i>Сухова О. А.</i> Аграрная политика ВКП(б) в 1930-х – начале 1950-х гг.: выбор историографической модели	52
<i>Ефремов Е. Н.</i> Государственная политика РСФСР и Российской Федерации в отношении Русской православной церкви и мусульманской общины в 1990–1993 гг.....	62
<i>Дюков А. Р.</i> К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ-НКВД	74
<i>Королева Л. А.</i> Агитация и пропаганда в СССР в начальный период Великой Отечественной войны (по материалам Пензенской области).....	90
<i>Островская И. В.</i> Общественные объединения православных Крыма и Севастополя 1991–2014 гг.: разнообразие и специфика деятельности	98

РЕЦЕНЗИИ

<i>Митрофанов В. П.</i> Новая монография по истории раннепетровской Англии.....	107
--	-----

UNIVERSITY PROCEEDINGS VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 3 (47)

2018

CONTENTS

HISTORY

<i>Korolev A. S.</i> The borders of Russia in the view of Constantine Porphyrogenitus	3
<i>Inozemtsev I. N.</i> The role of Russian colonization in the process of formation of local communities in the Penza territory (by the example of the village of Kera of Nizhnelomovsky district)	15
<i>Polyakova E. P.</i> Pharmacy business in Ufa province in the late XIX – early XX centuries	25
<i>Koznova I. E.</i> The bolsheviks and the peasantry in the years of NEP: mobilizing the memory of the revolution	33
<i>Urazova S. A., Garbuz G. V.</i> The attitude of regional communists to economic reforms in the initial period of NEP	44
<i>Sukhova O. A.</i> The agrarian policy of the AUCP(b) in the 1930s – early 1950s: choosing a historiographical model	52
<i>Efremov E. N.</i> The state policy of the RSFSR and the Russian Federation regarding the Russian Orthodox Church and the Muslim community in 1990–1993	62
<i>Dyukov A. R.</i> On the issue of acceptability of using the investigative testimony obtained by OGPU-NKVD	74
<i>Koroleva L. A.</i> Agitation and propaganda in the USSR during the initial stage of the Great Patriotic War (by the materials of Penza region)	90
<i>Ostrovskaya I. V.</i> Public Associations of Orthodox Crimea and Sevastopol in 1991–2014: the variety and specificity of activities	98

CRITICAL REVIEWS

<i>Mitrofanov V. P.</i> A new monograph on the history of Early Stuarts' England	107
--	-----

УДК 94 (47)

DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-1

А. С. Королев

ПРЕДЕЛЫ РУСИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблемы истоков Руси, происхождения имени и народа русов относятся к категории наиболее дискуссионных. Целью статьи является выяснение территориальных пределов Руси в первой половине X в. в свете информации византийских источников и русско-византийских договоров.

Материалы и методы. Тема предполагает анализ и сравнение данных из сочинений византийских авторов X в. Константина Багрянородного и Льва Диакона и материалов русских летописей, содержащих информацию по исследуемой проблеме.

Результаты. Автор проанализировал информацию византийских источников о занятиях и местожительстве русов, их отношениях со славянами в первой половине X в. с целью установления пределов древней Руси.

Выводы. В результате исследования удалось доказать, что в представлении византийских авторов Русь в первой половине X в. включала в свой состав города, расположенные на среднем Днепре и его притоках.

Ключевые слова: древняя Русь, славяне, Византия, Константин Багрянородный, Киев, Лев Диякон, русско-византийский договор, печенеги.

A. S. Korolev

THE BORDERS OF RUSSIA IN THE VIEW OF CONSTANTINE PORPHYROGENITUS

Abstract.

Background. The problem of the origins of Rus', the origin of the name Russia and the Russian people are the most controversial. The purpose of this article is to clarify the borders of Russia in the first half of the tenth century, based on the information from Byzantine sources and Russian-Byzantine treaties.

Materials and methods. The theme involves the analysis and comparison of the writings of the Byzantine authors of the X century Constantine Porphyrogenitus and Leo Diaconus and materials of Russian Chronicles that contain information on the studied problem.

Results. The author evaluated the information from the Byzantine sources on the occupation and residence of the Russian, their relationship with the Slavs in the first half of X century with the aim to clarify the borders of ancient Russia.

© 2018 Королев А. С. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

Conclusions. As a result of the research the author managed to prove that in representation of the Byzantine authors Russia in the first half of X century included the cities located on the middle Dnieper and its tributaries.

Key words: ancient Russia, Slavic peoples, Byzantium, Constantine Porphyrogenitus, Kiev, Leo Diaconus, Russian treaty with Byzantium, Pechenegs.

Свод источников по начальному, дохристианскому, периоду русской истории, который имеется в распоряжении исследователей, за последнее столетие не претерпел заметных изменений. По существу усилия ученых направлены на их переиздание, описание, комментирование и, в случае с иностранными источниками, создание более качественного перевода. Выводы же делаются посредством повторного анализа и интерпретации информации, которая всем давно известна. Отсюда и периодическое возвращение исследователей к идеям и концепциям, когда-то уже бывшим популярными, а затем, при смене очередного поколения в науке, эту популярность утратившим. Примером такого «возрождения» могут служить известные приливы и отливы «антинорманизма» и «норманизма». Ученых то охватывает желание увеличить размеры своей «источниковой базы» – оно выражается в усилении романтического отношения к источнику, зачастую в доверии ко всякому тексту, где что-либо говорится о Древней Руси (сторонники этого направления, как правило, любят рассуждать о «презумпции невиновности источника»), то все вдруг ударяются в безудержный скепсис (и тогда возвышают голос те, кто любит порассуждать о недопустимости «потребительского отношения к источнику»). Примерами тут могут служить споры о татищевских известиях и возможности использования в качестве источника русских былин или скандинавских саг.

Периодически, если в русских и иностранных источниках содержатся противоречащие друг другу (а иногда и взаимоисключающие) сведения, исследователи спорят о том, кому следует доверять больше – «нашим» или «не нашим» (это заметно на примере описания русско-византийского конфликта 970–971 гг.). И здесь каждое новое поколение исследователей отличается по своему восприятию текстов. Из иностранных источников самыми загадочными остаются арабские известия о русах. Известно, что никто из арабских авторов на Руси не бывал, информацию они получали через вторые-третьи руки, при этом, стремясь сохранить в как можно большей полноте доставшиеся им сведения, восточные авторы из века в век переписывали друг у друга и давно устаревшие, противоречащие новым сведения. В результате у исследователя, пытающегося совместить сведения восточных источников с данными русских летописей, иногда возникает ощущение, что речь в них идет о каких-то разных народах и странах. Иногда исследователи вспоминают о сомнительности таких источников, как «Кембриджский документ» или «Киевское письмо» иудейской общины, но продолжают их активно использовать.

В отношении византийских источников таких сомнений, как правило, нет (печально известная история с фальшивой «Запиской греческого топарха», тянувшаяся почти два века, – исключение). Византийские авторы не испытывали недостатка в информации о русах, с которыми постоянно контактировали, их сведения о Руси, как правило, точные, ясные и полные. Особое

место среди них занимает знаменитый трактат «Об управлении империей» византийского императора Константина Багрянородного, составленный примерно в 948–952 гг. Это важнейший источник по русской истории первой половины X в., несмотря на то что этот текст не содержит описания хода исторических событий, происходивших на Руси (в отличие от нашей «Повести временных лет» или «Истории» византийца Льва Диакона). Повествование про Олега, Игоря, Ольгу и Святослава, которое имеется в «Повести временных лет», было записано полвека (как минимум) спустя и, если не считать позднее внесенных в текст русско-византийских договоров, представляет собой переложение устных преданий со следующими отсюда характеристиками достоверности текста. Неудивительно, что картины, которые рисуют летописный текст и сухие юридические статьи договоров, часто противоречат друг другу. Яркое повествование Льва Диакона – это рассказ не очевидца, а тенденциозного современника, зачастую (сознательно и нет) приносившего в жертву своему восприятию (отдаленному от предмета описания четвертью века) исторические реалии русско-византийского конфликта начала 970-х гг. Константин Багрянородный также тенденциозен, ему были неприятны русы, однако уровень его информированности о Руси зачастую выше, чем у составителей «Повести временных лет», а желание дать как можно более достоверное описание предмета, продиктованное прагматическими задачами книги (точнее, своеобразной энциклопедии), заставляло автора (группу авторов) не слишком отклоняться от истины. Поэтому для нас важно понять, как Константин Багрянородный представлял себе страну русов (или, в его написании, росов), в том числе ее территориальные пределы.

Более всего информации о Руси содержится в 9-й главе трактата, которая начинается с рассказа о том, как «приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милински, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно кривитеины, лендзанины и прочие Славинии – рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как все эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам» [1, с. 45, 47]. Купив и оснастив «моноксилы», русы «в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, спускаются в Витичеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр» [1, с. 47]. Во время этого плавания самым опасным участком являются днепровские пороги, при проходе через которые каравану русов еще и угрожает нападение «пачинакитов» (печенегов). Завершается глава описанием зимнего «образа жизни» русов: «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно – в Славинии вервианов, друговитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав» [1, с. 51]. Затем по-

вторяется ежегодная процедура с покупкой «моноксиллов» у славян-«пактитов» (союзников) русов и плаванием в Византию.

Константин Багрянородный четко разделяет русов и славян-пактитов. В гл. 37 он расширяет список этих пактитов, а заодно еще раз проясняет характер их отношений с русами, сообщая о том, что «фема» печенегов «Иавдиертим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами» [1, с. 157]. Итак, все славяне – ультины – уличи, вервианы (или дервленины) – древляне, друговиты – дреговичи, кривитеины – кривичи, северии – северяне и загадочные лензанины (лендзанины) – это не русы, а их данники. Константин Багрянородный дает исчерпывающий перечень славянских народов, обитавших в бассейне Днепра. Исключение составляют лишь загадочные летописные поляне, столицей которых был Киев (определяемый в «Об управлении империей» как главный город русов). Полян в трактате нет. Зато в описании царственного автора появляются лензанины, неизвестные по русским летописям.

Из текста понятно, что славяне своих торговых караванов в Византию не отправляют. В то же время к флотилии русов присоединяются моноксилы из Милиниски (Смоленска) и Чернигоги (Чернигова). Первый, как известно, располагался в земле кривичей, а второй – в земле северян. Получается, что города русов никак не связаны с окрестным славянским населением. По существу, Константин Багрянородный считает русов населением городов, экономически связанных с Византией и подмявших под себя местное славянское население, которое было лишено возможности напрямую контактировать с византийцами.

В гл. 42-й вполне определенно сказано: русы живут «в верховьях реки Днепр...», отплывая по этой реке, они прибывают к ромеям» [1, с. 173]. Эти «верховья», сравнительно со всей протяженностью Днепра до впадения в Черное море, указаны географически верно – от Милиниски до Киавы. Четкое привязывание пределов Руси к Днепру следует и из приведенного «годового цикла жизнедеятельности» русов: во-первых, моноксилы поступают от славян, в землях которых располагаются водоемы, соединенные с Днепром; во-вторых, оживление в речном сообщении начинается в апреле, когда Днепр в районе Киева вскрывается ото льда [2, с. 264]; в-третьих, сборным пунктом для судов назначается Витичев, а на сбор дается два-три дня.

Загадочным представляется упоминаемый в трактате «Немогард», в котором княжил Святослав Игоревич. Мнение, что «Немогард» – это Новгород, считается едва ли не общепринятым (см., например: [3, с. 726]). Из него, кажется, логично следует вывод, что традиция сажать старшего сына на княжение в Новгороде, точно утвердившаяся в XI в. в роду Рюриковичей, берет свои истоки с середины X в. Внимание исследователей привлекло и упоминание о «внешней Росии». На закате советской эпохи Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин в комментарии к 9-й главе труда Константина Багрянородного дали краткий обзор «толкований» этого «выражения». Во-первых, «внешняя Росия» может быть понята как земли славян (в которых располагались перечисленные города), подчиненные Киеву, т.е. «Росии внутренней» (термин устанавливается в качестве оппозиции к «внешней Росии»), откуда русы выходят для сбора дани. Другой вариант – Росия «внешняя» (Новгород, где княжил Святослав) и «внутренняя» (Киев) – два основных пункта пребыва-

ния русов (А. Н. Насонов, В. А. Мошин). Следующая версия: «внутренняя Россия» – это Русь «в узком смысле» (земля полян), а «внешняя» – Северная Русь, граница которой проходила между Новгородом и Смоленском (М. Д. Приселков, Б. А. Рыбаков). Кроме того, выделение «внешней России» могло быть проявлением не русской, а византийской географической традиции: «внутренняя Россия» – это ближайшие к Византии земли (Приднестровье), а «внешняя» – более отдаленные (Новгородская земля) (А. Поппэ) [1, с. 308–310]. Сами Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин, как бы подводя итог, признали «наиболее убедительным» предположение А. Поппэ, а «наиболее вероятным» объяснением появления словосочетания «внешняя Россия» в «Об управлении империей» – то, что «Константин следовал “эгоцентрическому” принципу выделения внутренней и внешней частей описываемого региона (по отношению к описываемому), а не собственно древнерусской традиции» [1, с. 309, 310]. Таким образом, идентификация Немагарда как Новгорода, казалось, получала дополнительное подкрепление.

Недавно А. В. Назаренко справедливо усомнился в таком понимании выражения источника, заметив, что «если быть непредвзятым, оно допускает одно-единственное толкование»: все упомянутые в трактате императора города – Новгород, Смоленск, Любеч (?), Чернигов и Вышгород – входили во «внешнюю Русь» [4, с. 419]. Толкование же коллег он сопоставил с идеей А. В. Соловьева, который еще в 1938 г. предложил понимать смысл выражения Константина Багрянородного не как «внешнюю», а как «дальнюю Россию». По мнению А. В. Соловьева, «дальняя Россия» включает всю территорию от Новгорода до Киева. «Ближняя Россия», в трактате не упомянутая, – это «русские поселения в Тавриде, на Босфоре Киммерийском» [5, с. 136; 6, с. 24]¹. А. В. Назаренко обратил внимание на то, что А. В. Соловьев был чуть ли не единственным исследователем, указывавшим на невозможность отделить в списке русских городов Константина Багрянородного Русь «внешнюю» от «внутренней». «От гипотезы А. В. Соловьева, – пишет А. В. Назаренко, – было взято факультативное, а безусловное – отброшено. В результате возник гибрид его догадки с упомянутым расхожим представлением, сводящимся к тому, что под “внешней Русью” Константин будто бы имел в виду более удаленную от Царьграда Новгородчину, а под “внутренней” – более близкое Среднее Поднепровье с Киевом при границе между ними где-то в районе Смоленска». И «приговор» этой «новой разновидности старой идеи... остается в силе: она по-прежнему находится в противоречии с источником, из комментария к которому родилась» [4, с. 420]. После этих слов тем более странно звучит общий вывод исследователя. А. В. Назаренко считает, «что Киев вовсе не случайно не назван при перечислении городов “внешней Руси”: будучи стольным городом князя и княжеского рода, он как раз и составлял “внутреннюю Русь”, где находилась резиденция “архонтов” Руси *in corpore*» [4, с. 422].

Но в источнике Киев не стоит «отдельно» от «перечня» русских городов. Из текста трактата следует, что от «внешней России» отделен лишь Константинополь, куда прибывают моноksилы из городов русов. То, что по пути

¹ К сожалению, работа А. В. Соловьева 1938 г., опубликованная в Брюсселе, для меня недоступна.

к Константинополю они «сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас», откуда в зимнее время выходят в «кружение» «со всеми росами» их «архонты», вовсе не предполагает отделение Киева от остальной «Росии», подобно Витичеву, который византийский автор называет «крепостью-пактиотом росов». Наконец, вряд ли Вышгород, располагавшийся на расстоянии 20 км от Киева и принадлежавший, как следует из «Повести временных лет», жене киевского князя Игоря Ольге, относился к какой-то другой Руси [7, с. 29].

Получается, что в представлении Константина Багрянородного «внешняя Росия» состоит из городов, разбросанных по Днепру. О том, какие территории включала в себя «Росия внутренняя», в тексте трактата императора не сказано ничего. М. А. Шангин и А. Ф. Вишнякова (кстати, придя к правильному выводу, что в тексте «Об управлении империей» термин «внешняя Росия» относится и к Новгороду, и к Смоленску, и к Любечу, и к Чернигову, и к Вышгороду, и даже к Киеву) решили, будто Киев «выделен только для того, чтобы показать, что русские из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода приходят на собственных моносилах, киевляне же, не имея своих лесов, – на покупных». Исходя из этого, исследователи предлагали попросту исключить из текста источника слово «внешняя», сочтя его появление там результатом ошибки, допущенной переписчиком [8, с. 97]. Вряд ли следует принять это предложение, ведь кроме Константина Багрянородного словосочетание «внешняя Русь» («ар-Русийа внешняя») встречается и в арабских источниках (например, в труде ал-Идриси (XII в.) «Развлечение страстно желающего странствовать по землям» (кстати, тоже без противопоставления ей «внутренней Руси»)) [9, с. 209].

Как мне представляется, имеет смысл еще раз присмотреться в гипотезе А. В. Соловьева, которую А. В. Назаренко сходу отверг в силу ее «экзотичности». Проблема существования когда-то близ Керченского пролива (Боспора Киммерийского) Приазовской (Тмутараканской) Руси существует в исторической науке уже два столетия, ей посвящено много литературы. В настоящее время в отечественной историографии возобладал скептический подход – начиная с 1960-х гг., большинство авторов исходит из того, что Приазовская Русь – это научный миф, и в его изучении пришло время поставить точку. Мнение это продиктовано тем, что раньше конца X – начала XI в. поселений славян в Приазовье и Крыму не выявлено. Исходя из этого, исследователи ныне считают предпочтительным связывать появление русов в Приазовье с походом Святослава на хазар или походом Владимира на Корсунь (Херсон) (обзор историографии см.: [10, с. 88–102]). Этот скепсис замечен и в отношении А. В. Назаренко к гипотезе А. В. Соловьева. А между тем, исходя из отрицания присутствия русов в Приазовье и Крыму ранее второй половине X в., невозможно объяснить сообщение ал-Мас'уди (ум. 956 г.) о том, что море Найтас (Черное море) – это «Русское море, никто кроме (Русов) не плавает по нему, и они живут на одном из его берегов» [11, с. 130]. Кроме того, в русско-византийском договоре 944 г. есть статья «О Корсунской стране», обязывающая русов мешать набегам на Херсон черных болгар, появляющихся со стороны степей [7, с. 25]. Для выполнения этого обязательства русы должны были находиться где-то недалеко от Корсунской страны – в Крыму, на восточных или северных берегах Азовского моря. Об этом же косвенно свидетельствуют и статьи договоров 911 и 944 г., в которых говорится, что русы

обязуются помогать кораблям византийцев, потерпевшим кораблекрушение [7, с. 19, 25]. Речь здесь также идет, скорее всего, о происшествиях на море – близ берегов Черного или Азовского морей.

Обращают на себя внимание и некоторые странности в описании русов и соседних с ними народов, которые встречаются не только в сочинении Константина Багрянородного, но и в «Истории» Льва Диакона. Так, во 2-й главе своего трактата Константин Багрянородный пишет: «[Знай], что пачинакиты стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб. [Знай], что и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами» [1, с. 37]. А далее содержится непонятное утверждение: «Ведь они (русы – *А. К.*) покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в Росии не водилось» [1, с. 39]. М. В. Бибилов, комментируя этот текст, пишет об ошибочности информации Константина Багрянородного, которую тот получил, «вероятно, от византийского купца, а не от болгарина или печенега, знавших лучше реальную ситуацию» [1, с. 283, 284]. Для выяснения характера этой информации уместно привести сообщение из 4-й главы трактата, в которой император вновь возвращается к теме полезности союза с печенегами, отмечая, что, «пока василевс ромеев (византийцев – *А. К.*) находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки (венгры – *А. К.*) не могут нападать на державу по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей», потому что печенеги, «связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю» [1, с. 39]. В. П. Шушарин следующим образом датировал источник данной информации: «Запись этих сведений Константина осуществлена, несомненно, до 895 г., когда мадьяры перешли через Карпаты и начали осваивать Среднее Подунавье, так как о каких-либо нападениях печенегов на здешние места обитания мадьяр неизвестно» [1, с. 286]. Значит, сведения Константина Багрянородного были довольно неоднородны и содержание трактата зачастую отражало информацию, отстающую от времени его составления не менее чем на полвека.

В 6-й главе трактата император сообщает: «[Знай], что и другой народ из тех же самых пачинакитов находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами, и исполняют поручения как их, так и василевса и в Росии, и в Хазарии, и в Зихии, и во всех тамошних краях» [1, с. 41]. Речь идет о Причерноморье – и племя печенегов другое, и рядом с ними Херсон, Хазария, Зихия – группа адыгских племен на побережье Черного моря. Но здесь же оказывается и Росия, хотя, как мы знаем, в другом месте трактата местожительство росов-русов привязывается к Днепру. Эту путаницу усугубляет информация из 37-й главы, целиком посвященной печенегам: «Пачинакия делится на восемь фем, имея столько же великих архонтов... Восемь фем разделяются на сорок частей, и они имеют архонтов более низкого разряда. Должно знать, что четыре рода пачинакитов, а именно фема Куарцикур, фема Сирукалпей, фема Вороталмат и фема Вулацопон – расположены по ту сторону Днепра по направлению к краям [соответственно] более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов.

Остальные же четыре рода располагаются по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно фема Гиазихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы соседит с Туркией, фема Харавои соседит с Россией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране России местностями, с ультинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами. Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании – на шесть дней, от Мордии – на десять дней, от России – на один день, от Турки – на четыре дня, от Булгарии – на полдня, к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе» [1, с. 156, 157]. Остается неясным, что за печенеги живут в полудне пути от Болгарии, а какие – близко к Боспору? Неясно также, почему в этой главе фема Харавои, которая «соседит с Россией», относится к «западным и северным краям», а фемы, расположенные «напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов», – к иному региону? Ведь, согласно информации из 6 главы, рядом со всеми этими странами располагалась одна и та же группа печенегов.

Итак, в тексте «Об управлении империей» местожительство русов определяется то в Причерноморье, то в Поднепровье. Причиной этому могло стать то, что у составителей трактата относительно местонахождения Руси были разные информаторы или при его написании была использована разновременная информация. Замечу, что Лев Диакон в своей «Истории» описывает, как император Иоанн Цимисхий во время войны с русами потребовал, чтобы князь Святослав «удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору» (Керченскому проливу). Позднее император Иоанн еще и напомним Святославу, как его отец Игорь после неудачи в походе 941 г. добрался до Киммерийского Боспора лишь с десятком лодок [12, с. 55–57]. Кроме того, Лев Диакон постоянно называет киевских русов «таврами» или «тавроскифами» – еще один намек на то, что их страна расположена на Боспоре Киммерийском. А рассказывая о сражении русов и византийцев под Великим Преславом (в 8-й книге своего труда), Лев Диакон сообщает: «Скифы (всегда) сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и не упражняются в этом деле. Поэтому они не выдержали натиска ромейских копий, обратились в бегство и заперлись в стенах города» [12, с. 70, 71]. Ниже (в 9-й книге) он описывает, как во время сражения под Доростолом русы «впервые появились... на конях. Они всегда прежде шли в бой в пешем строю, а ездить верхом и сражаться с врагами (на лошадях) не умели... Ромейские копья поражали (скифов), не умевших управлять лошадьми при помощи поводьев. Они обратились в бегство и скрылись за стенами» [12, с. 75]. Лев Диакон лично не участвовал в том болгарском походе, а значит, сообщая такие данные, он следует традиции изображения русов народом, которому будто бы были неизвестны кони, коровы, овцы и пр., а их страна находилась где-то в Причерноморье. О поселениях русов в другом месте этот менее информированный, сравнительно с Константином Багрянородным, автор, похоже, не знал. В отличие от Льва Диакона, император располагал информацией, полученной от лиц, общавшихся с русами лично, а потому и помещал Россию в Поднепровье. Но и традиция представлять русов обитателями областей близ Керченского пролива, не знавшими скота, все равно отразилась в «Об управлении империей», что, кстати, свидетельствует о ее устойчивости и, следовательно, длительности.

Возможно, прояснить возникшие противоречия позволяют труды Д. Т. Березовца и Д. Л. Талиса. Отталкиваясь от вывода об этнической общности во второй половине I тыс. н.э. населения Степного и Предгорного Крыма и алано-болгарского мира Подонья и Приазовья и опираясь на археологические данные, они установили тождество части населения Крыма VIII – начала X в. с русами в описании последних арабскими авторами [13, с. 59–74; 14, с. 87–99]. Выходит, Приазовская Русь существовала, но русы эти не были славянами. Установление причины, по которой арабские и византийские источники называли часть алан Приазовья росами-русами, не входит в задачи данной статьи. Д. Л. Талис пришел к выводу, что гибель поселений крымских русов в начале X в. связана активизацией печенегов [14, с. 98]. И тут стоит вспомнить, что сообщение о нападениях печенегов на русов и венгров, содержащееся в 4-й главе «Об управлении империей», доносит до нас информацию конца IX в. Но в силу устойчивости традиции даже в середине – второй половине X в. у византийских авторов происходило перенесение на киевских русов наименования тавроскифов и присутствовала убежденность в существовании Руси где-то в Приазовье. Вероятно, контакты между Киевом и указанным регионом имели место и в это время, что и отразилось в русско-византийских договорах 911 и 944 г.

Словосочетание «внешняя Росия» в тексте «Об управлении империей» стоит рядом с упоминанием об Ингоре-Игоре, архонте «Росии» (Росии просто, без эпитетов и уточнений). Исходя из того, что «внешняя Росия» – это Русь днепровская, из сообщения источника, что Святослав (тогда еще малоизвестный), сидевший на княжении в Немогарде (территориально принадлежащем к «внешней Росии»), – сын хорошо известного византийцам по походу 941 г. «архонта Росии» Игоря (возвратившегося из этого похода восвояси, к Киммерийскому Боспору), можно сделать вывод, что трактат Константина Багрянородного отделяет «внешнюю Росию» от «Росии» Игоря, являясь отражением вышеуказанной традиции помещать русов («внутреннюю Росию») в Приазовье.

Итак, упоминание о «внешней Росии» никак не подкрепляет идентификацию «Немограда» как Новгорода на Волхове. Даже если и признать, что слово «Немогард» – видоизмененное «Новгород», этой идентификации препятствуют следующие соображения. Е. Н. Носов заметил, что «в эпоху Киевской Руси в бассейне Днепра существовало несколько Новых городов, более близких Киеву и Византии, чем город на Волхове. Это Новгород-Северский на р. Десне, Новгород-Волынский на р. Случи и Новгород Малый (Новгородок) на самом Днепре. Не исключено, что Константин Багрянородный имел в виду один из этих городов. У северного Новгорода, в отличие от перечисленных, не было прямого водного сообщения с Киевом, их разделяли волоки» [15, с. 193, 194]. Любопытную информацию о трудностях перехода с верховьев Днепра через Новгород и Ладогу по гипотетическому «пути из варяг в греки» сообщил А. Л. Никитин, рассказав о «предпринятой группой ленинградских энтузиастов во главе с Г. С. Лебедевым попытке пройти его летом 1987 г. И хотя их ялы и шлюпки были легче и маневреннее древнерусских и скандинавских лодей, а уровень воды в гидросистемах стоял почти на 5 метров выше, чем в IX–XI вв., большую часть маршрута они смогли преодолеть

только с помощью тяжелых армейских вездеходов, на которых везли свои суда от озера к озеру» [16, с. 129]. Описание Константина Багрянородного вовсе не предполагает таких сложностей, кроме того, остается непонятным желание жителей города на Волхове ежегодно тратить титанические усилия для того, чтобы попасть в Константинополь, имея в своем распоряжении более удобные рынки. Кроме того, если общая продолжительность времени покрытия льдом водоемов бассейна Днепра составляет 100 дней, то к северу от Смоленска, в районе Новгорода, она составляет уже 130 дней [2, с. 168]. Новгородцы просто не успевали бы присоединиться к флотилии русских судов, отправляющихся из Киева в Константинополь.

Г. Г. Литаврин попытался разрешить указанные сложности, придя к выводу, что «в весенне-летний сезон в Византию ежегодно отправлялись не одна, а две экспедиции. Первыми в начале-середине мая отплывали ладьи, принадлежавшие князьям и боярам, правившим городами в бассейне Среднего Днепра (Киевом, Черниговом, Переяславлем, Вышгородом и др.), а месяцем позже отправлялись в путь ладьи из северных городов (Новгорода, Смоленска, Полоцка, Ростова и др.), куда весна приходила на 3–4 недели позже. Соответственно, первая прибывала в Константинополь в начале июня, а вторая (ее путь до столицы империи был к тому же вдвое длиннее и труднее) – в конце июля – начале августа» [17, с. 106]. Мысль Г. Г. Литаврина представляется неубедительной, поскольку она не подкрепляется данными источника – Константин Багрянородный ясно пишет об одной флотилии, прибывающей сразу от всей «внешней Росии» (а не от какой-то ее части), он четко определяет время ее отплытия из Киева – июнь месяц. Кроме того, непонятно, как могли суда из городов Среднего Днепра отправляться в плавание в начале мая, если только в апреле Днепр вскрывался ото льдов и славяне тогда же начинали поставлять русам свои долбленки, которые еще предстояло оснастить. В результате исследователю пришлось пуститься на ухищрения, заметив: «Некоторые из этих известий (Константина Багрянородного – *А. К.*) не могут не вызвать сомнений. Так, августейший автор, несомненно, абсолютизирует, говоря о едином сроке отплытия русов и об одном караване русов в империю за сезон. Я считаю маловероятным, чтобы киевский князь и высшая знать всего Среднего Поднепровья, имея возможность, как и при военных походах, воспользоваться высокой водой, по которой легче преодолеть пороги, ожидали бы около полутора месяцев “северян” (в краях которых реки вскрывались на три недели позже и которым предстояло пройти до Киева от 800 до 1200 км...)» [17, с. 123]. Разумеется, это маловероятно. Однако, если не пытаться увидеть в «Немогарде» волховский Новгород, а считать его неизвестным (в дополнение к установленным историками) городом из бассейна Днепра, то маловероятные обстоятельства сами собой исчезнут.

Итак, в представлении Константина Багрянородного пределы Руси в первой половине X в. ограничивались городами, расположенными на Днепре и его притоках. Если иметь в виду, что у царственного автора-современника имелась надежная информация о русах, указанное ограничение пределов Руси середины X в. позволяет иначе взглянуть на ход складывания ранней русской государственности, определив в этом процессе роли киевского и новгородского центров объединения отлично от традиционного подхода.

Библиографический список

1. **Багрянородный, Константин.** Об управлении империей / Константин Багрянородный ; под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М. : Наука, 1991. – 496 с.
2. **Веселовский, К.** О климате России / К. Веселовский. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1857. – XII, 408, 328 с.
3. **Котляр, Н. Ф.** Святослав Игоревич / Н. Ф. Котляр // Древняя Русь в средневековом мире : энциклопедия. – М. : Ладомир, 2014. – С. 726–728.
4. **Назаренко, А. В.** Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного / А. В. Назаренко // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 49: Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света : материалы Междунар. конф., состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009. – С. 411–425.
5. **Соловьев, А. В.** Византийское имя России / А. В. Соловьев // Византийский временник. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. – Т. 12. – С. 134–155.
6. **Соловьев, А. В.** Великая, Малая и Белая Русь / А. В. Соловьев // Вопросы истории. – 1947. – № 7. – С. 24–38.
7. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – СПб. : Наука, 1996. – 669 с.
8. **Шангин, М. А.** Существовала ли «Внешняя Русь»? / М. А. Шангин, А. Ф. Вишнякова // Византийский временник. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. – Т. 14. – С. 97, 98.
9. **Бейлис, В. М.** Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель / В. М. Бейлис // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. – М. : Наука, 1984. – С. 208–228.
10. **Королев, А. С.** Можно ли ставить точку в изучении проблемы Приазовской Руси? / А. С. Королев // Сборник Русского исторического общества. – М. : Русская панорама, 2006. – Т. 10 (158). Россия и Крым. – С. 88–102.
11. **Гаркави, А. Я.** Сказания мусульманских писателей о славянах и русских: С половины VII века до конца X века по Р.Х. / А. Я. Гаркави. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 320 с.
12. **Диакон, Лев.** История / Лев Диакон ; отв. ред. Г. Г. Литаврин ; пер. М. М. Копыленко ; ст. М. Я. Сюзюмова ; коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. – М. : Наука, 1988. – 240 с.
13. **Березовец, Д. Т.** Про ім'я носіїв салтівської культури / Д. Т. Березовец // Археологія. – Київ : Наукова думка, 1970. – Т. 24. – С. 59–74.
14. **Талис, Д. Л.** Росы в Крыму / Д. Л. Талис // Советская археология. – 1974. – № 3. – С. 87–99.
15. **Носов, Е. Н.** Новгородское (Рюриково) городище / Е. Н. Носов. – Л. : Наука, 1990. – 216 с.
16. **Никитин, А. Л.** Основания русской истории: Мифологемы и факты / А. Л. Никитин. – М. : АГРАФ, 2001. – 768 с.
17. **Литаврин, Г. Г.** Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.) / Г. Г. Литаврин. – СПб. : Алетей, 2000. – 398 с.

References

1. Bagryanorodnyy Konstantin. *Ob upravlenii imperiei* [On governing an empire]. Moscow: Nauka, 1991, 496 p.
2. Veselovskiy K. *O klimate Rossii* [O Russian climate]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1857, XII, 408, 328 p.
3. Kotlyar N. F. *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya* [Ancient Rus' in the medieval world: encyclopedia]. Moscow: Ladomir, 2014, pp. 726–728.

4. Nazarenko A. V. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: T. 49: Slozhenie russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoy istorii Starogo Sveta: materialy Mezhdunar. konf., sostoyavsheysya 14–18 maya 2007 g. v Gosudarstvennom Ermitazhe* [Proceedings of the State Hermitage Museum: Vol. 49: Establishment of Russian statehood in the context of the early medieval history of the Old World: proceedings of an International conference held on May 14th–18th, 2007 in the State Hermitage Museum]. Saint-Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2009, pp. 411–425.
5. Solov'ev A. V. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine chronicle]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1957, vol. 12, pp. 134–155.
6. Solov'ev A. V. *Voprosy istorii* [Historical issues]. 1947, no. 7, pp. 24–38.
7. *Povest' vremennykh let* [The Story of the Passing Years]. Ed. by V. P. Adrianova-Peretts. Saint-Petersburg: Nauka, 1996, 669 p.
8. Shangin M. A., Vishnyakova A. F. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine chronicle]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958, vol. 14, pp. 97, 98.
9. Beylis V. M. *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1982 god* [Ancient states in the territory of the USSR. Materials and research. 1982]. Moscow: Nauka, 1984, pp. 208–228.
10. Korolev A. S. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Russian Historical Society]. Moscow: Russkaya panorama, 2006, vol. 10 (158), Russia and Crimea, pp. 88–102.
11. Garkavi A. Ya. *Skazaniya musul'manskikh pisateley o slavyanakh i russkikh: S poloviny VII veka do kontsa X veka po R.Kh.* [Tales by Muslim writers about the Slavs and Russian: from the middle of VII till late X centuries A.D.]. Moscow: LENAND, 2015, 320 p.
12. Diakon, Lev. *Istoriya* [History]. Moscow: Nauka, 1988, 240 p.
13. Berezovets' D. T. *Arkheologiya* [Archeology]. Kiev: Naukova dumka, 1970, vol. 24, pp. 59–74.
14. Talis D. L. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology]. 1974, no. 3, pp. 87–99.
15. Nosov E. N. *Novgorodskoe (Ryurikovo) gorodishche* [Novgorod (Ryurik's) ancient settlement]. Leningrad: Nauka, 1990, 216 p.
16. Nikitin A. L. *Osnovaniya russkoy istorii: Mifologemy i fakty* [Foundation of Russian History: mythologems and facts]. Moscow: AGRAF, 2001, 768 p.
17. Litavrin G. G. *Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.)* [Byzantium, Bulgaria, Ancient Rus' (IX – early XII centuries)]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2000, 398 p.

Королев Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент,
независимый исследователь

E-mail: koryuz@mail.ru

Korolev Aleksandr Sergeevich

Candidate of historical sciences, associate
professor, independent researcher

УДК 94 (47)

Королев, А. С.

Пределы Руси в представлении Константина Багрянородного /
А. С. Королев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 3–14. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-1.

**РОЛЬ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ
ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛА КЕРА
НИЖНЕЛОМОВСКОГО РАЙОНА)¹**

Аннотация.

Актуальность и цели. В условиях естественной убыли сельского населения, а также кризиса отечественного аграрного сектора особую актуальность приобретают исследования, направленные на комплексное изучение сельских социумов. Цель исследования – изучить роль русской колонизации в процессе формирования локальных сообществ Пензенского края XVII – начала XVIII в. на примере одного из старейших сел Пензенского края – села Кера Нижнеломовского района.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута благодаря использованию документальных материалов Государственного архива Пензенской области, Российского государственного архива древних актов, а также анализу историографических источников по проблеме. Кризис современного гуманитарного знания вынуждает ученых обратиться к применению различных новых методологических подходов, наиболее активно развивающимися из них являются микроистория и историческая локализация, позволяющие досконально изучить локальные объекты различного уровня: от конкретного человека до региона.

Результаты. В ходе исследования проведен анализ историографии проблемы. Изучен процесс формирования локального сообщества села Кера, выделены его основные этапы и особенности. Рассмотрена роль русской колонизации в процессе формирования локальных сообществ Пензенского края.

Выводы. Анализ историографии позволил сделать вывод о том, что термин «русская колонизация» был введен в научный оборот еще в середине XIX в. и рассматривался большинством дореволюционных историков как положительное явление. Данная тенденция характерна и для современной историографии. Русская колонизация территории села была по большому счету положительным явлением и стала основным фактором, оказавшим влияние на формирование местного локального сообщества.

Ключевые слова: русская колонизация, локальное сообщество, земельный надел, солдатский двор, помещичий двор.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Формирование и развитие локальных сообществ в российской истории (на примере села Кера Нижнеломовского района)» № 18-39-00016.

© 2018 Иноземцев И. Н. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

THE ROLE OF RUSSIAN COLONIZATION IN THE PROCESS OF FORMATION OF LOCAL COMMUNITIES IN THE PENZA TERRITORY (BY THE EXAMPLE OF THE VILLAGE OF KERA OF NIZHNELOMOVSKY DISTRICT)

Abstract.

Background. In the conditions of natural decrease of the rural population, as well as the crisis of the domestic agrarian sector, a research, aimed at comprehensively studying the rural societies, is becoming especially relevant. The purpose of the study was to study the role of Russian colonization in the process of formation of local communities in Penza region in the 17th and early 18th centuries, using the example of one of the oldest villages in Penza region, the village of Kera in Nizhnelomovsky district.

Materials and methods. The research tasks were implemented by using documentary materials from the State Archives of Penza region, the Russian State Archive of Ancient Acts, and the analysis of historiographic sources on the problem. The crisis of modern humanitarian knowledge compels scientists to turn to the application of various new methodological approaches, among which the most actively developing ones are microhistory and historical localistics, allowing to thoroughly study local objects of various levels: from a specific person to a region.

Results. The analysis of the historiography of the problem was carried out during the research. The process of forming the local community of the village of Kera has been studied, its main stages and features have been singled out. The role of Russian colonization in the process of formation of local communities of Penza region has been considered.

Conclusions. The analysis of the historiography made it possible to conclude that the term "Russian colonization" was introduced into scientific circulation as far back as the middle of the nineteenth century and was considered by most pre-revolutionary historians as a positive phenomenon. This trend is also characteristic of the modern historiography. The Russian colonization of the territory of the village was, by and large, a positive phenomenon and became the main factor that influenced the formation of the local community.

Key words: Russian colonization, local community, land allotment, soldier's yard, landowner's yard.

Процесс территориального становления российского государства в XV – XVII вв. неизбежно вел к активизации внешней политики на юго-восточном направлении. За этим последовало и начало русской колонизации Поволжья, которая имела четыре основные формы: правительственную, вольную, монастырскую и помещичью.

Впервые понятие «колонизация» было введено в научный оборот в середине XIX в. В работах С. М. Соловьева [1], В. О. Ключевского [2], П. Н. Милюкова [3] и М. К. Любавского [4] колонизация рассматривается в качестве одного из факторов централизации. В своих исследованиях историки преимущественно считали колонизацию прогрессивным явлением и отводили значительное место проблеме освоения территорий Сибири, Поволжья, Украины, Польши, Крыма, Финляндии, крайне редко применяя к ним термин «колонии».

В отечественной исторической науке второй половины XX в. рассматриваемый термин не употреблялся. Данный факт следует связывать с диссонансом между термином «колонизация» и созданной в 1960–1970-х гг. советской концепцией новой исторической общности людей, в соответствии с которой исторически сложившаяся и устойчивая общность «советский народ» рассматривалась исключительно как целостный субъект исторических преобразований [5, с. 233].

С распадом советского государства в отечественной историографии вновь возобладали подходы, близкие к дореволюционному пониманию процесса русской колонизации.

Значительный вклад в изучение проблемы расширения границ Российского государства в целом и колонизации Сибири в частности внес советский и российский историк Н. И. Никитин. Являясь сторонником использования термина «колонизация» в его традиционном значении в отечественной историографии, историк рассматривает колонизацию только как «заселение и освоение пустующих окраинных земель» [1, с. 11].

Результаты значительного количества фундаментальных исследований, связанных с проблематикой русской колонизации различных территорий, проведенных отечественными историками в первом десятилетии нынешнего столетия, представлены в диссертациях А. В. Гринева, В. А. Добрыднева, А. С. Кудряшова, В. В. Менщикова, Е. А. Ореховой, В. В. Пестерева, Е. С. Питерской, В. Д. Пузанова, М. Е. Рыжова, И. В. Савельева, С. К. Свечникова, В. М. Свистунова, А. С. Хромых, Е. Н. Шумилова [6].

В многочисленных статьях российских исследователей также рассмотрены такие направления и проблемы колонизационного процесса, как монастырская и церковная колонизация (В. Ларинов, М. П. Черная, Е. А. Яскорская [7]); колонизация Урала и Зауралья (Н. Б. Булдакова, Я. С. Зубова, Д. П. Самородов [8]); колонизация Сибири и Аляски (Е. В. Галкина, С. Комаров, Н. И. Никитин, Г. Б. Сайфутдинова, Я. Г. Солодкин [9]); колонизация Русского Севера (С. Д. Захаров, П. В. Василенко, А. Г. Некита, Н. В. Башнин [10]); колонизация Азии (И. В. Волков, Н. Г. Суворова, А. В. Ремнев, И. В. Чибров [11]).

Особенный интерес для нас представляют работы пензенских историков и краеведов, затрагивающие проблемы русской колонизации в контексте формирования локальных сообществ на территории Пензенского края. Подобные исследования стоит рассматривать через призму краеведческих исследований по истории отдельных населенных пунктов, характерных для досоветской, советской и современной местной историографии.

Первые публикации по теме формирования локальных сообществ на территории Пензенского края появились еще в XIX в. (И. Ф. Кузьмин, Г. П. Петерсон, А. Ф. Селиванов, братья Г. И. и В. И. Холмогоровы и В. Х. Хохряков [12]). Традиции исторической локалистики получили дальнейшее развитие в 1920-е гг., в период «Золотого десятилетия» пензенского краеведения. К этим вопросам в своих трудах обращались Г. Д. Смагин и А. Л. Хвощев [13].

В дальнейшем интерес к истории локальных сообществ и населенных пунктов ослабевает и проявляется лишь в 1970-х – 1980-х гг., что отвечало общесоветским тенденциям развития краеведческого движения. В это время выходят работы как монографического, так и научно-популярного характера, авторства профессиональных историков и краеведов-любителей.

Огромный интерес представляет книга Г. В. Мясникова «Город-крепость Пенза», где автор описал историю возникновения Пензы и рассмотрел проблему даты ее основания [14].

Для указанного периода характерно появление большого количества статей местных краеведов-любителей (Г. В. Еремин, П. В. Зимин, И. И. Клохтунов, В. Майров, В. М. Шаракин [15]) по вопросам истории основания различных населенных пунктов Пензенского края.

Наиболее плодотворным этапом в развитии краеведческого движения (и, как следствие, в разработке проблемы формирования локальных сообществ) был конец XX – начало XXI в. В постсоветский период значительная часть пензенских историков-краеведов, как любителей, так и профессионалов, обращаются к проблемам образования и развития отдельных населенных пунктов (Р. Т. Марданов, Н. Б. Китаева, М. С. Полубояров [16] и др.). Результатом их деятельности становится издание ряда книг научного и научно-популярного жанра.

Своеобразным итогом обращения краеведов к проблематике колонизации и основания новых населенных пунктов стала успешно защищенная в 2009 г. кандидатская диссертация Е. И. Саляева «Освоение Пензенского края в XVII веке» [17] и публикация монографии «Освоение дикого поля» [18], в которых представлена авторская концепция хода колонизации Примокшанья, Посурья и Прихоперья в XVII – начале XVIII в.

Говоря о процессе русской колонизации как о неотъемлемом компоненте защиты и хозяйственного освоения южных рубежей российского государства в XVI – начале XVIII в., необходимо также выделить ее роль в формировании локальных сообществ на территории Пензенского края.

Через призму русской колонизации нам предстоит исследовать процесс формирования локального сообщества на территории с. Кера в первой половине XVII – начале XVIII в. с применением методологии микроисторического подхода.

Отметим, что коренным населением изучаемой территории являлась мордва-мокша. Упоминания о существовании здесь мордовских сел, еще до постройки нижнеломовской крепости в 1636 г., мы встречаем в работах краеведов. Так, В. М. Шаракин, не давая каких-либо ссылок на источник, указывает на то, что в 1632 г. как мордовское поселение упоминается с. Кера [16, с. 592]. Е. И. Саляев и вовсе утверждает, что поселение на месте Керы существовало в эпоху монголо-татарского ига [19, с. 58].

Первое письменное упоминание о существовании в первой половине XVII в. с. Кера встречаем лишь в более позднем источнике – деле Нижнеломовского уездного суда «Об отделении помещиков от казенных поселян землею по селам Керы, Гороховщины и Кульмановки Нижнеломовского уезда» (1805–1827 гг.). Из документа становится известно, что в 7145 (1636/1637) г. мордвой деревни Керы по выписи путного ключника и нижнеломовского воеводы Федора Малова были получены земельные угодья, расположенные у речки Керы [20, л. 447 об.]. Как правило, раздача земель местной мордве происходила параллельно с процессом их верстания на службу. С одной стороны, местное население, зачисленное на службу, осуществляло охрану южных рубежей государства, а с другой – участвовало в их хозяйственном освоении.

В следующие десятилетия XVII в. происходило дальнейшее освоение окрестных территорий, сопровождавшееся раздачей земли служилому городскому казачеству. Однако после подавления восстания под предводительством С. Т. Разина правительство, не доверяя скомпрометировавшему себя казачеству, пошло на укрепление полков иноземного строя, в том числе полков выборных. По-видимому, в выборные солдаты были обращены многие казаки и стрельцы Нижнеломовского уезда, ранее несшие дозорную службу, к ним добавлены вольные и крепостные крестьяне центральных уездов с наделением их земель в Нижнеломовском уезде [16, с. 537].

Важнейшим событием в истории с. Кера и хронологическим рубежом в колонизации изучаемой территории стал 1685 г., когда была произведена коллективная раздача земель Нижнеломовским выборным солдатам, приписанным к Первому Московскому выборному полку.

В сентябре 7194 (1685) г. стольник и воевода Григорий Семенович Титов дал выпись земель «нижеломовцам Ивану да Тарасу Борисовым детям Иноземцевым да выборным солдатам Луке Папышеву да Онтяски Ефаеву с товарищи семидесяти четырех человек... земли в урочищах по речке Юнке правая сторона по речке Кере по обе стороны до Красного Ржавца и до реки Мокши по обе стороны вверх реки Мокши до речки Юнки и поляна Кучадма и поляна Велмисенки» [21, л. 91, 94].

По данной выписи двум первым досталось по 20 четвертей земли, их брату Михаилу – 15 четвертей, Афанасью Иванову, сыну Колобову, и Василию Ерофееву, сыну Родникову, к прежним их 7 четвертям дачи еще 11 четвертей, Григорию Тиховону, сыну Кокореву, – 21 четверть, а остальным солдатам, которые вовсе земли не имели, – по 25 четвертей [21, л. 92, 93].

Уже с появлением первых русских поселенцев в с. Кере характерным явлением становится возникновение многочисленных судебных тяжб о праве на владение земельными угодьями. Так, в 1686–1696 гг. керские солдаты принимали участие в Азовских походах. Их временным отсутствием воспользовались крестьяне И. А. Голицына, вытеснив солдатские семьи с их территорий по р. Кере и Вьюнке и основав там д. Новую. По возвращении со службы керскими солдатами д. Новая была сожжена [22].

В 1710 г. возникла новая тяжба. В ответ на челобитную потомков коренного мордовского населения «Василия Ертушева, Русея Боишева, Сергея Акидеева с товарищи» стольником и воеводой В. И. Владычкиным было произведено отмежевание земли мордвы, полученной в 1636/1637 г., от земли русских солдат [20, л. 447 об. – 448].

В первые десятилетия XVIII в. (в 1710 г. и 1715–1718 гг.) с целью учета податного населения была проведена подворная перепись. Переписи проводились не «переписчиками», посланными из центра, а представителями местной администрации «ландрихтерами», или «ландратами». Именно поэтому перепись, проведенная в 1710 г., получила название «ландратская».

По данным переписи 1710 г., в с. Кера показаны двор попа Семена Семенова и 47 солдатских дворов.

Всего в 48 дворах проживало 293 человека (из них мужского пола – 137, женского – 156). Представители солдатских (однودворческих¹) дворов

¹ В более поздних источниках указываются как однودворцы.

составили 96,5 % населения, церковнослужителей – 3,5 % [23, л. 294–294 об.]. В 1710 г. население с. Кера практически полностью состояло из представителей сословия служилых людей, однако к моменту проведения переписи 1718 г. сословная структура населения претерпевает изменения.

После переписи 1710 г. в селе произошел отток однодворческого населения: убыло 18 солдатских дворов (207 человек), 1 двор выбыл в армейский двор и 1 двор выбыл в нищенский [23, л. 293 об. – 294, 308]. Прибыло лишь 4 солдатских двора (24 человека) [23, л. 300].

Именно в этот период начинается процесс приобретения земли у солдат с. Кера представителями мелкого служилого дворянства, сопровождавшийся переводом крестьян из других уездов.

Так, в 1712 г. на купленной у солдата Евсевея Лежнева земле одним из первых поселился дворянин **Михаил Иванович Слепцов** (ок. 1687 г.р.), перешедший с семьей и 6 дворовыми людьми из «Шацка уезду деревни Богдановой» [23, л. 302 об. – 303].

С 1712 г. в селе на земле, купленной у Федора Чюкаева, проживал **Григорий Федоров, сын Нелюбов**, «из Шацка уезда деревни Трениной» [23, л. 303].

В 1713 г. в Керу перевел свой двор с дворовыми людьми и крестьянами (14 человек) **Андреян Семенович Слепцов** «ис Шацка уезду из деревни Трасников и живет в том селе на съемной салдацкой земле... Михаила Понмарева да... Харитона Крамина да... Якова Шатченина» [23, л. 304 об.].

В 1715 г. солдат Михей Киреев, сын Карасев, дал купчую верхнеломовцу **Осипу Васильевичу Слепцову** (ок. 1661 г.р.) «на 8 четвертей с осминою в селе Кере Кучавме тож» [20, л. 49, 50]. На купленную землю О. В. Слепцов переселился со своими дворовыми людьми (9 человек) из с. Веденяпина Верхнеломовского уезда в 1716 г. [23, л. 303 об.].

В 1715 г. земли были приобретены нижнеломовцем **Трофимом Даниловичем Неклюдовым** у казака с. Колояр Макара Ащеулова. В том же году он перевел на новые владения свой двор вместе с дворовыми людьми (7 человек) [23, л. 302–302 об.]. В последующие 10 лет Т. Д. Неклюдов расширил свои владения, осуществив покупку земли по 5 купчим, став к началу 1730-х гг. самым крупным землевладельцем села.

По переписи 1718 г. показан двор помещика верхнеломовца **Дарофея Тимофеевича Веденяпина**, купившего землю у солдата Антона Беликеева в 1716 г. Однако указано, что дворовые люди были переведены в 1713 г., т.е. до покупки земли [23, л. 301–301 об.].

На купленной в 1716 г. у Д. Т. Веденяпина земле был построен двор помещика солдата лейб-гвардии Преображенского полка **Карпа Федоровича Кононова**. По переписи 1718 г. за ним показано 3 дворовых человека [23, л. 301 об. – 302].

В 1718 г. на купленной у солдата Архипа Арахчеевского земле показан двор **Михаила Васильевича Веденяпина**. 14 дворовых людей были переведены из с. Веденяпино Верхнеломовского уезда и куплены в Кадомском уезде [23, л. 301 об. – 302].

Таким образом, в 1718 г. в с. Кера числятся следующие дворы: 31 солдатский, 1 церковнослужителей, 3 помещичьих, 4 дворянских, 1 драгунский,

1 армейский и 1 нищенский, итого – 42 двора с общим числом жителей 246 человек.

Несмотря на массовую продажу земель и выселение, солдаты-однодворцы сохранили ведущее место в сословной структуре. Однако число их по сравнению с 1710 г. сократилось на 145 человек (48,7 %), составив 56,1 % от числа всех жителей вместо 96,5 % в 1710 г. В то же время в структуре населения появляются помещики и их дворовые люди, вместе составившие 39 % жителей Керы (табл. 1).

Таблица 1

Сословная структура с. Кера по результатам переписей 1710 и 1718 г.

Сословие	1710 г.		1718 г.	
	Количество человек	Проценты	Количество человек	Проценты
Дворяне и мелкие помещики	–	–	23	9,3
Священнослужители	10	3,5	9	3,7
Солдаты-однодворцы	283	96,5	138	56,1
В нищенском и армейском дворе	–	–	3	1,2
Дворовые люди и крепостные крестьяне	–	–	73	29,7
Всего	293	100	246	100

Примечание. Составлена по: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 272. Л. 314 – 329 об.

Указанные тенденции свидетельствуют о начавшемся активном процессе вытеснения солдат-однодворцев с их земель служилым дворянством. Его следует рассматривать в общероссийском русле развития феодальных отношений, оформления дворянства как сословия и закрепления его сословных привилегий.

Итак, проведенное исследование позволило выделить три основных хронологических рубежа в процессе русской колонизации рассматриваемой территории:

1-й – раздача земельных угодий местной ясачной мордве путным ключником и нижнеломовским воеводой Федором Малово в 1636/1637 г.;

2-й – получение нижнеломовскими солдатами Московского выборного полка выписи земель по р. Кера и Вьюнке в 1685 г.;

3-й – начало помещичьей колонизации села и появление в 1712 г. первых дворянских дворов.

Формирование местного локального сообщества сопровождалось двумя формами колонизации: правительственной и сменившей ее в начале XVIII в. помещичьей.

В заключение отметим, что процесс русской колонизации территории с. Кера носил по большому счету мирный характер. Колонизация стала основным фактором, оказавшим влияние на формирование местного локального сообщества, и окончательно завершилась ко второй четверти XVIII в.

Библиографический список

1. **Никитин, Н. И.** Термин «колонизация» в отечественной историографии: проблемы восприятия и идентификаций / Н. И. Никитин // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2017. – № 1 (37). – С. 6–18.
2. **Ключевский, В. О.** Курс русской истории. Полное издание в одном томе / В. О. Ключевский ; под ред. Е. Г. Басова. – М. : Альфа-книга, 2017. – 1197 с.
3. **Милюков, П. Н.** Очерки по истории русской культуры : в 3 ч. Ч. 1. Население, экономический, государственный и сословный строй / П. Н. Милюков. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1896. – 237 с.
4. **Семенков, В. Е.** История российской колонизации с древнейших времен и до XX века / В. Е. Семенков, М. В. Рабжаева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 1. – С. 163–168.
5. **Фадеева, М. А.** Нация и человек в советской концепции новой исторической общности людей / М. А. Фадеева // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. – 2005. – № 6. – С. 230–243.
6. **Шумилов, Е. Н.** Русская колонизация Осинского Прикамья в XVII–XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Шумилов Е. Н. – Уфа, 2000. – 308 с.
7. **Якорская, Е. А.** Причины и процесс монастырской колонизации Русского Севера / Е. А. Якорская // Наука – северному региону : материалы сб. науч. тр. / отв. за вып. Э. Н. Сабуров. – Архангельск, 2009. – С. 262–269.
8. **Самородов, Д. П.** Русская крестьянская колонизация Южного Урала в 60–90-е годы XIX века: основные моменты и особенности хода крестьянского переселения в пределы Оренбургского генерал-губернаторства / Д. П. Самородов // Человек и город в историко-культурном пространстве : сб. ст. краевед. чтений, посвящ. 90-летию со дня рождения почетного гражданина города Оренбурга В. В. Дорофеева (г. Оренбург, 1 декабря 2017 г.). – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2017. – С. 173–185.
9. **Солодкин, Я. Г.** Служилые татары и ранняя русская колонизация Сибири (конец XVI – начало XVIII вв.): военные аспекты / Я. Г. Солодкин // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2016. – № 8. – С. 233–239.
10. **Башнин, Н. В.** Монастырская колонизация и хозяйственное освоение земель Русского Севера в первой половине XVI в. / Н. В. Башнин // Российская история. – 2015. – № 6. – С. 41–53.
11. **Чибров, И. В.** Русская колонизация Средней Азии во второй половине XIX – начале XX в. / И. В. Чибров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. – 2014. – Т. 14, № 4. – С. 14–17.
12. **Хохряков, В. Х.** Строельная книга г. Пензы / В. Х. Хохряков // Сборник Пензенского губернского статистического комитета. – Пенза, 1899. – Вып. IV.
13. **Хвощев, А. Л.** Очерки по истории Пензенского края / А. Л. Хвощев. – Пенза, 1922.
14. **Мясников, Г. В.** Город-крепость Пенза / Г. В. Мясников. – 2-е изд., доп. и перераб. – Саратов : Приволжское книжное изд-во (Пензенское отделение), 1989. – 232 с.
15. **Шаракин, В. М.** Первые поселенцы Ивы / В. М. Шаракин // Маяк. – 1987. – № 100 (12 708). – С. 2.
16. **Полубояров, М. С.** Весь Пензенский край: Историко-топографическое описание Пензенской области / М. С. Полубояров. – М. : Сам полиграфист, 2016. – 816 с.
17. **Саляев, Е. И.** Освоение Пензенского края в XVII веке : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Саляев Е. И. – М., 2009.
18. **Саляев, Е. И.** Освоение «Дикого поля». Пензенский край в XVI – начале XX века. Очерки истории, документы : в 3 кн. / Е. И. Саляев. – Пенза, 2009. – Кн. 1. – 872 с.

19. **Саляев, Е. И.** Милый сердцу Ломовский край. Очерки истории. Документы. Карты. Фотографии / Е. И. Саляев. – Нижний Ломов, 2003. – 432 с.
20. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 33. Оп. 1. Д. 228. Л. 447 об.
21. ГАПО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 625.
22. **Клохтунов, И. И.** Кера. Краткая хроника событий по истории села / И. И. Клохтунов. – Голицыно, 1992.
23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 272.

References

1. Nikitin N. I. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy* [Historical and cultural issues of northern countries and territories]. 2017, no. 1 (37), pp. 6–18.
2. Klyuchevskiy V. O. *Kurs russkoy istorii. Polnoe izdanie v odnom tome* [A course of Russian history. Complete collection in one volume]. Moscow: Al'fa-kniga, 2017, 1197 p.
3. Milyukov P. N. *Ocherki po istorii russkoy kul'tury: v 3 ch. Ch. 1. Naselenie, ekonomicheskiy, gosudarstvennyy i soslovnyy stroy* [Essays on the Russian culture history: in 3 parts. Part 1. Population, economic, state and class structure]. Saint-Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova, 1896, 237 p.
4. Semenov V. E., Rabzhaeva M. V. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology]. 1998, vol. 1, no. 1, pp. 163–168.
5. Fadeicheva M. A. *Nauchnyy ezhegodnik instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN* [Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of RAS]. 2005, no. 6, pp. 230–243.
6. Shumilov E. N. *Russkaya kolonizatsiya Osinskogo Prikam'ya v XVII–XIX vv.: dis. kand. ist. nauk: 07.00.02* [The Russian Colonization of Osinskoe Prikamye in XVII–XIX centuries: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Ufa, 2000, 308 p.
7. Yaskorskaya E. A. *Nauka – severnomu regionu: materialy sb. nauch. tr.* [Science to the northern region: proceeding]. Arkhangel'sk, 2009, pp. 262–269.
8. Samorodov D. P. *Chelovek i gorod v istoriko-kul'turnom prostranstve: sb. st. kraeved. chteniy, posvyashch. 90-letiyu so dnya rozhdeniya pochetnogo grazhdanina goroda Orenburga V. V. Dorofeeva (g. Orenburg, 1 dekabrya 2017 g.)* [A man and a city in the historical and cultural space: collected articles of regional scientific readings, devoted to the 90th birthday of an honorable citizen of Orenburg, V. V. Dorofeev (Orenburg, December 1st, 2017)]. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2017, pp. 173–185.
9. Solodkin Ya. G. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval turkic-tatar states]. 2016, no. 8, pp. 233–239.
10. Bashnin N. V. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2015, no. 6, pp. 41–53.
11. Chibrov I. V. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Proceedings of Saratov University. New series. Series: History. International relations]. 2014, vol. 14, no. 4, pp. 14–17.
12. Khokhryakov V. Kh. *Sbornik Penzenskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [Collection of the Penza Provincial Statistical Committee]. Penza, 1899, iss. IV.
13. Khvoshchev A. L. *Ocherki po istorii Penzenskogo kraya* [Essays on the History of Penza region]. Penza, 1922.
14. Myasnikov G. V. *Gorod-krepost' Penza* [The city-fortress of Penza]. 2nd ed., suppl. and rev. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo (Penzenskoe otделение), 1989, 232 p.
15. Sharakin V. M. *Mayak* [Beacon]. 1987, no. 100 (12 708), p. 2.
16. Poluboyarov M. S. *Ves' Penzenskiy kray: Istoriko-topograficheskoe opisanie Penzenskoy oblasti* [The whole Penza region: a historical and topographic description of Penza region]. Moscow: Sam poligrafist, 2016, 816 p.
17. Salyaev E. I. *Osvoenie Penzenskogo kraya v XVII veke: dis. kand. ist. nauk: 07.00.02* [Settling Penza region in the XVII century: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 2009.

18. Salyaev E. I. *Osvoenie «Dikogo polya». Penzenskiy kray v XVI – nachale XX veka. Ocherki istorii, dokumenty: v 3 kn.* [Settling “the wild field”. Penza region in the XVI – early XX centuries. Historical essays, documents: in 3 books]. Penza, 2009, bk. 1, 872 p.
 19. Salyaev E. I. *Milyy serdtsu Lomovskiy kray. Ocherki istorii. Dokumenty. Karty. Fotografii* [Sweet Lomovskiy region. Historical essays. Documents. Maps. Photographs]. Nizhniy Lomov, 2003, 432 p.
 20. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO)* [State Archive of Penza Region (GAPO)]. F. 33. Op. 1. D. 228. L. 447 ob.
 21. *GAPO*. F. 33. Op. 1. D. 625.
 22. Klokhtunov I. I. *Kera. Kratkaya khronika sobyitiy po istorii sela* [Kera. Brief historical chronicle of the village]. Golitsyno, 1992.
 23. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 350. Op. 1. D. 272.
-

Иноземцев Иван Николаевич
магистрант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: kerskiy@mail.ru

Inozemtsev Ivan Nikolaevich
Master’s degree student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

УДК 908

Иноземцев, И. Н.

Роль русской колонизации в процессе формирования локальных сообществ Пензенского края (на примере села Кера Нижнеломовского района) / И. Н. Иноземцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 15–24. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-2.

Е. П. Полякова

АПТЕЧНОЕ ДЕЛО В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена становлению и развитию аптечного дела в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. Данная тема нашла крайне слабое освещение в исторических исследованиях по истории медицины края в связи с малочисленностью и фрагментарностью информации, содержащейся в исторических источниках. Автором предпринята попытка проанализировать на основе архивных материалов, медицинских журналов, обзоров, памятных книг процесс становления и развития аптечной службы в Уфимской губернии, выявить его особенности и проблемы.

Материалы и методы. При исследовании данной темы были изучены документы и материалы из фондов Национального архива Республики Башкортостан, архива города Златоуста, а также XIII том (Врачебный устав) Свода законов Российской империи от 1857 г., памятные книги, обзоры и отчеты Уфимской губернии XIX–XX вв. Методологической основой работы является системный исторический метод, позволяющий рассмотреть процесс становления и развития аптечного дела в соответствии с временным этапом; статистический метод дает возможность наглядно проследить динамику развития казенных, земских и частных аптек.

Результаты. В статье было рассмотрено правовое положение учреждения аптек, формирование аптечной службы, права и обязанности провизоров. Проанализирована деятельность казенных, земских и частных аптек в развитии аптечной службы Уфимской губернии XIX–XX вв.

Выводы. Сложившаяся система учреждения и развития аптек в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в., несмотря на все правовые ограничения, особенности, развивалась поступательно в соответствии с требованием времени.

Ключевые слова: аптекарский устав, земская аптека, частная аптека, казенная аптека, аптекарская такса, медикаменты, провизор.

Е. P. Polyakova

PHARMACY BUSINESS IN UFA PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Abstract.

Background. This article is devoted to the establishment and development of pharmacy in Ufa province in the late XIX – early XX centuries. This topic found little coverage in historical studies on the history of the province's medicine, due to the scarcity and fragmentation of information contained in historical sources. The author tried to analyze the development of the pharmacy service in the Ufa province on the basis of archival materials, medical journals, reviews, commemorative books, to reveal its features and problems.

Materials and methods. Documents and materials from the collections of the National Archives of the Republic of Bashkortostan, the archives of the city of Zlatoust, the XIII volume (Medical Regulations) of the Code of Laws of the Russian Empire from 1857, memorable books, reviews and reports of the Ufa province of the XIX–XX centuries were studied on this topic. The methodological basis of the work is a systematic historical method that allows us to consider the process of the formation and development of pharmacy business in accordance with the time step; the statistical method makes it possible to clearly visualize the dynamics of the development of state, zemstvo and private pharmacies.

Results. The article examines the legal status of pharmacies establishment, creating a pharmacy service, the rights and duties of pharmacists. The work also analyzes the activity of state, zemstvo and private pharmacies in the development of the pharmacy service of Ufa province of the XIX–XX centuries.

Conclusions. The formed system of establishment and development of pharmacies in Ufa province in the late XIX – early XX centuries, despite all legal restrictions, features, developed progressively in accordance with the requirement of time.

Key words: apothecary statute, district pharmacy, private pharmacy, state pharmacy, apothecary fee, medicines, pharmacist.

История аптечного дела в России прошла долгий период своего становления, начиная от создания первой царской аптеки в 1581 г. до принятия в 1789 г. первых нормативных документов: Аптекарского устава и аптекарской таксы.

Аптекарский устав содержал в себе основные принципы управления и устройства аптек, предписывал обязанности управляющего, отпуск и хранение лекарств, а также определял условия получения званий аптекаря, провизора, аптекарского ученика. В аптекарской таксе были строго установлены цены на приготовление лекарственных препаратов по рецептам врачей и цены на сосуды для лекарств.

В 1836 г. был издан новый Аптекарский устав, который полностью вошел в XIII том (Врачебный устав) Свода законов Российской империи от 1857 г. [1, с. 125–129].

Согласно Врачебному уставу, казенные аптеки учреждались и управлялись Департаментом казенных врачебных заготовлений – вторым отделением Министерства внутренних дел. Данное отделение ведало государственными делами, занималось поставками бесплатных медикаментов на нужды армии и флота. А в 1860 г. государственный орган был упразднен и его функции стал выполнять Медицинский департамент Военного министерства.

По уставу вольную аптеку в городе мог учредить любой человек не моложе 25 лет при соответствующем образовании и с разрешения Медицинского департамента.

Аптека по закону должна была иметь рецептурную комнату, материальное помещение, кокторию, лабораторию, сухой подвал, ледник, сушильню для хранения врачебных растений. Рецептурная комната служила для приема рецептов от населения и требований от лечебных учреждений, изготовлений и отпуска лекарств. Коктория была предназначена для приготовления водных извлечений из лекарственного и растительного сырья, получения дистиллированной воды и т.д. В лаборатории проводились химические реакции для изготовления лекарств. В аптеке в обязательном порядке должны были нахо-

даться Аптекарский устав, такса лекарств, список врачей, имеющих право производить врачебную практику, Российская, Российско-военная и Берлинская фармакопея, некоторые лучшие сочинения по части фармации и химии, а также шнуровые книги для ежедневной записи отпуска лекарств [2, с. 46, 47].

Кроме управляющего аптекаря или провизора при вольной аптеке состояли аптекарские помощники (гезели) и ученики.

С 1864 г. с принятием Положения о губернских и уездных земских учреждениях была введена система органов земского самоуправления и аптечное дело стало рассматриваться на уровне общественной медицины в ведомстве земств и городов.

Для порядка на местах вводились по Циркуляру МВД от 8 июня 1864 г. новые правила открытия аптек. При этом строго учитывались нормативные показатели. Так, на одну аптеку в губернских городах должно приходиться 10 тыс. жителей, 12 тыс. номеров рецептов и 7 тыс. руб. денежного оборота. Для уездных городов требования составили 5 тыс. жителей и 6 тыс. номеров рецептов. А в расчет сельских аптек принималось только расстояние между аптеками, которое должно быть не менее 15 верст [3, с. 112]. Данное постановление ограничивало и затрудняло развитие аптечной сети, устанавливало провизоровскую монополию.

Позже, в 1873 г., были внесены некоторые изменения в правила об открытии аптек. Был упразднен нормативный показатель по годовому товарообороту и увеличена норма рецептов для губернских городов. Соответственно, на одну аптеку теперь приходилось для губернских городов 10 тыс. жителей и 15 тыс. рецептов, а для уездных городов 7 тыс. жителей и 6 тыс. рецептов [4, л. 6].

Любой желающий учредить аптеку должен был подать прошение во врачебное отделение губернского правления со свидетельством о фармацевтическом звании и получить два письменных отзыва от прочих содержателей аптек на открытие новой аптеки. Так, например, в Уфимской губернии в 1890 г. рассматривалось прошение провизора Вениамина Моисеевича Зака об открытии в Уфе третьей нормальной аптеки [4, л. 1]. Но, получив соответствующие отзывы от конкурентов Игнатия Карлова Янчевского и Гилярия Михайловича Штехера с приведением статистических данных по Уфе, прошение Зака не было удовлетворено.

Становление и развитие аптечного дела в Уфимской губернии является одной из актуальных тем исследования по истории медицины края в связи с малоизученностью данной темы и отсутствием фундаментальных историографических работ. Автором была предпринята попытка воссоздать целостную систему деятельности аптечной службы в регионе на рубеже XIX–XX вв. с помощью анализа немногочисленных и фрагментарных сведений, содержащихся в исторических источниках.

Аптечная служба в Российской империи подразделялась на несколько уровней: на государственные (казенные), земские и ведомственные, частные (вольные).

Казенная аптека в Уфимской губернии, по данным на 1886 г., имелась только одна при Златоустовском горнозаводском госпитале, она отпускала бесплатно медикаменты для рабочих завода, а для их семей на лекарства была установлена специальная плата [5, с. 53]. Аптека размещалась в двух-

этажном здании лечебного комплекса и на 1906 г. насчитывала на службе 4 аптекарей, а в 1911 г. – одного аптекаря, 2 помощников, 9 учеников. Земские и ведомственные аптеки были малочисленны, они поставляли населению бесплатные лекарственные препараты, отпускаемые по рецептам врачей.

В 1890 г., по словам частного аптекаря Гилярия Михайловича Штехера, «в городе Уфе имелись: аптека военного лазарета, аптека железнодорожная, аптека при Уфимской лечебнице Попечительского комитета о бедных и аптека при больнице губернского земства» [4, л. 8].

Аптека Уфимского Попечительного о бедных Комитета Императорского Человеколюбивого Общества – благотворительное учреждение, отпускающее малообеспеченным людям лекарственные препараты бесплатно или за удешевленную плату, а установленная Комитетом скидка на медикаменты в 10 % предотвращала возможное спекулятивное повышение цен у конкурентов. Активная деятельность аптеки сопровождалась увеличением числа медицинского персонала и количеством доходов, вырученных от продажи лекарств. На 1908 г. сумма составляла 9390 руб. 57 коп. и от ручной продажи 8414 руб. 63 коп., а в 1913 г. вырученная сумма составляла уже 10 699 руб. 70 коп. и от ручной продажи 19 744 руб. 31 коп. (табл. 1).

Таблица 1

Крупные городские аптеки Уфимской губернии

Наименование аптеки	1908 г.				1913 г.			
	Фармацевты	Ученики	Число рецептов	Вырученная сумма	Фармацевты	Ученики	Число рецептов	Вырученная сумма
Аптека провизора Л. Я. Дворжец	4	4	23 630	12 357 руб. 60 коп.	10	5	33 658	20 917 руб. 72 коп.
Аптека Уфимского губернского земства	4	2	824	388 руб. 54 коп.	5	3	1282	663 руб. 81 коп.
Аптека Императорского Человеколюбивого общества	5	3	20 138	9390 руб. 57 коп.	6	3	19 139	10 699 руб. 70 коп.
Аптека Уездного земства г. Златоуста	3	2	44 331	2212 руб. 87 коп.	3	2	66 365	5755 руб. 78 коп.

Из доходов аптеки зачастую оказывалась материальная помощь служащим учреждения. Так, в 1913 г. аптекарской ученице Колбасевой было выделено 75 руб. на сдачу экзамена на звание аптекарской помощницы, Утехину выдали 100 руб. на поездку для сдачи экзамена на звание провизора [6, с. 13, 14].

Аптека губернского земства, по данным за 1898 г., находилась в городе Уфе при губернской земской больнице в хорошем состоянии, управлялась провизором при двух аптекарских помощниках и без права вольной продажи

лекарств [7, с. 84]. Аптека снабжала лекарствами губернские больницы и заведения общественного презрения. С 1900 г. медицинскому учреждению было предоставлено право вольной продажи медицинских товаров, но в данный период торговля не производилась. В 1912 г. аптека отпустила по каталогам и ручной продаже 20 650 рецептов, основными потребителями являлись аптекарский магазин Альбрехта, Бактериологический институт Уфимского губернского земства, аптека Беляева, лечебница В. И. Ишерского, эпидемический отдел и т.д. [8, с. 91].

Уфимское уездное земство, ввиду несогласованных действий с Губернским земством в отношении выписки и поставке медикаментов, было вынуждено приобретать лекарства от столичных фирм Русское Общество, Феррейна и местной фирмы Дворжец. С целью экономии денежных средств уездное земство впоследствии стало выписывать медикаменты от аптекарского склада Тверского губернского земства. Также делалась проба поставки лекарств, хирургических инструментов из-за границы. В 1912 и 1913 г. за рубежом было куплено медикаментов хорошего качества на сумму около 3 тыс. руб., выгода земств от выписки составила 300 руб.

Существовали нормальные уездные земские аптеки в Златоусте, Мензелинске, Стерлитамаке, Белебее. Земские аптеки наравне с частными подчинялись общим правилам, нормативам в отношении численности населения и количества рецептов, рассчитанных на одну аптеку. Создаваемая конкуренция и желание земств отпускать лекарства всем сословиям бесплатно болезненно и разорительно отражалась на аптечных монополистах. В связи с этим положением Сенат издал указ о возможности бесплатного отпуска лекарств только тем лицам, у которых имеется свидетельство о бедности, остальные граждане должны приобретать медикаменты за плату, установленную по земской таксе [9, с. 70–74]. Так, в 1904 г. аптека уездного земства в Златоусте отпускала состоятельным жителям лекарства за плату в размере 5 коп. с пациента, а бедным – бесплатно [10, л. 5].

Система снабжения медикаментами земских больниц, участковых врачей, фельдшерских пунктов выглядела следующим образом: из аптек уездных земств Белебея, Мензелинска, Златоуста, Стерлитамака с правом вольной продажи лекарств обеспечивались лекарствами все местные медицинские учреждения уездов. В Уфимском же уезде земской вольной аптеки не существовало. Поэтому в 1911 г. Уфимское уездное земство открыло при Управе небольшой склад с самыми необходимыми препаратами, который в 1914 г. снабжал все врачебные участки лекарствами и средствами по уходу за больными [11, с. 19, 20].

Состав и количество медикаментов, предметов ухода за больными определялись согласно сметным каталогам участковых врачей, одобренным хозяйственно-аптечной комиссией и утвержденным Врачебным советом.

Частные аптеки составляли основу аптечного дела, они занимались продажей лекарств. Первая частная аптека была открыта в 1787 г. в Уфе Богданом Миллером [12, л. 1]. В 1879 г. в Уфимской губернии функционировали 6 частных аптек, в 1908 г. – 17, 1911 г. – 22, 1913 г. – 25 вольных аптек [13, с. 37]. Среди владельцев наиболее известными были Л. Дворжец, И. Герд, И. Янчевский, Г. Штехер, В. Бухартовский, Д. Поль, Н. Либерман, Э. Линд, И. Генст, М. Грибешок, С. Меклер и т.д.

Аптека Лейбы Янкелевича Дворжеца считалась одной из самых крупных аптек начала XX в. в Уфимской губернии (см. табл. 1). Она располагалась на Центральной улице, дом 16 (ныне улица Ленина) и обладала большим ассортиментом медицинской продукции, рецептурой [14, с. 84]. Аптека активно поставляла медикаменты земским уездным медицинским учреждениям, но в силу дороговизны товаров земства были вынуждены искать новых поставщиков лекарственных препаратов. В 1910 г. медикаменты для участковых аптек Уфимского уезда выписывались от местной фирмы Дворжец на сумму 6211 руб. 7 коп., что соответствовало 29 % денежных расходов. В 1911 г. поставки медикаментов от фирмы Дворжец значительно сократились до 16,1 % всех расходов, а в 1912 г. – до 2,5 % [15, с. 54, 55].

Частные владельцы Н. Либерман, Д. Поль, А. Линд были первыми в Златоусте держателями аптек. Провизор Эдуард Павлович Линд в 1880 г. составил проект о возможности обеспечения медицинских учреждений Златоустовского уезда медикаментами, предоставляя свои услуги в поставке лекарств и с приличным годовым жалованием провизора в размере 1000 руб. Проект Э. П. Линда отклонили, а в 1883 г. в Златоусте была открыта аптека Уездного Земства, выполняющая в уезде три функции: аптеки для Златоустовской земской больницы и амбулатории, склада для уезда и вольной аптеки для города [16, с. 40].

В целом аптечное дело в Уфимской губернии развивалось поступательно. К 1913 г. всего в регионе функционировало 32 аптеки с 73 фармацевтами и 30 аптекарскими учениками (табл. 2).

Таблица 2
Численность аптек и аптечного персонала Уфимской губернии

Год	Общее количество аптек	Число аптечного персонала		Число аптечных магазинов
		фармацевты	ученики	
1878	6 и одно аптечное отделение	–	–	–
1886	8 и одно аптечное отделение	–	–	1
1898	11	–	–	8
1900	13	–	–	6
1903	19	44	18	10
1905	19	37	26	14
1908	24	50	26	–
1911	28	62	31	–
1913	32	73	30	–

Примечание. Таблица основана на данных Обзоров Уфимской губернии за 1878, 1886, 1898, 1900, 1903, 1905, 1908, 1911, 1913 г.

Земские аптеки и благотворительные учреждения обеспечивали бедных граждан медицинскими препаратами, оснащали врачебные участки и фельд-

шерские пункты медикаментами. Сложные, необходимые лекарства, хирургические инструменты и приборы заказывали у частных фирм.

Действующая аптечная монополия, поддерживающая частных владельцев, сильно ограничивала возможности земств. Но принятие в 1912 г. закона «О некоторых изменениях в порядке открытия аптек» позволило земствам и городам открывать нормальные вольные аптеки, снимая все ранее установленные нормативные требования. Это способствовало дальнейшему развитию аптечной сети, в основу которого были положены уже не коммерческие интересы, а здоровье людей.

Таким образом, несмотря на все сложности и правовые ограничения в процессе учреждения аптек, фармацевтическое дело в Уфимской губернии на рубеже XIX–XX вв. развивалось поступательно, соответствовало требованиям времени. Земства поддерживали беднейшие слои населения, предоставляя лекарственные препараты бесплатно или за небольшую плату, а частные аптечные фирмы поставляли на продажу сложные по составу, единичные медицинские товары для широкого круга лиц.

Библиографический список

1. **Коротеева, Н. Н.** Аптечное дело в России в XVIII – начале XX в. / Н. Н. Коротеева // Вопросы истории. – 2008. – № 2. – С. 125–129.
2. Устав Врачебный // Свод Законов Российской Империи : в 15 т. – СПб., 1857. – Т. XIII. – С. 46, 47.
3. **Коротеева, Н. Н.** История Российской аптечной службы второй половины XIX – начала XX века в документах региональных архивов / Н. Н. Коротеева // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. – 2014. – № 3. – С. 111–119.
4. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-9. Оп. 1. Д. 520.
5. Обзор Уфимской губернии за 1886 год. – Уфа : Типография Губернского Правления, 1887. – 31 с.
6. Отчет Уфимского попечительного о бедных комитета за 1914 год. – Уфа : Н. К. Блохин и Ко, 1915. – 79 с.
7. Обзор Уфимской губернии за 1898 год. – Уфа : Типография Губернского Правления, 1899. – 101 с.
8. Отчет по Уфимской губернской земской больнице, аптеке, богадельне и патронажу для подкинутых детей за 1912 год. – Уфа : Типография Товарищества «Печать», 1913. – 118 с.
9. **Коротеева, Н. Н.** Социальная значимость земских аптек в России в пореформенный период (1864–1917 гг.) / Н. Н. Коротеева // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2011. – № 2. – С. 70–74.
10. Архив Златоустовского городского округа (Архив ЗГО). Ф. И-11. Оп. 1. Д. 471.
11. Краткий очерк развития земской медицины в Уфимском уезде за 1875–1916 гг. – Уфа : Товарищество книжного и газетного изд-ва, 1917. – 30 с.
12. НА РБ. Ф. 4348. Оп. 1. Д. 7.
13. Обзор Уфимской губернии за 1879 год. – Уфа : Типография Губернского Правления, 1880. – 67 с.
14. Адрес-календарь Уфимской губернии за 1917 год. – Уфа : Типография Губернского Правления, 1917. – 275 с.
15. Обзор состояния земско-медицинского дела по Уфимскому уезду за 1912 год. – Уфа : Электрическая типо-литография товарищества «Ф. Г. Соловьев и К°», 1913. – 316 с.
16. Отдел народной медицины по Златоустовскому уезду 1909 год. – Златоуст : Типография Товарищества Лебедева и Белякова, 1910. – 201 с.

References

1. Koroteeva N. N. *Voprosy istorii* [Historical issues]. 2008, no. 2, pp. 125–129.
2. *Svod Zakonov Rossiyskoy Imperii: v 15 t.* [Collected laws of the Russian Empire: in 15 volumes]. Saint-Petersburg, 1857, vol. XIII, pp. 46, 47.
3. Koroteeva N. N. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya i pravo* [Proceedings of South-Western State University. Series: History and law]. 2014, no. 3, pp. 111–119.
4. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB)* [National Archive of the Republic of Bashkortostan (NA RB)]. F. I-9. Op. 1. D. 520.
5. *Obzor Ufimskoy gubernii za 1886 god* [Ufa province review in 1886]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1887, 31 p.
6. *Otchet Ufimskogo popechitel'nogo o bednykh komiteta za 1914 god* [A report of Ufa poor-law board in 1914]. Ufa: N. K. Blokhin i Ko, 1915, 79 p.
7. *Obzor Ufimskoy gubernii za 1898 god* [Ufa province review in 1898]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1899, 101 p.
8. *Otchet po Ufimskoy gubernskoy zemskoy bol'nitse, apteke, bogadel'ne i patronazhu dlya podkinutyykh detey za 1912 god* [A report on Ufa provincial hospital, pharmacy, almshouse and abandoned children patronage in 1912]. Ufa: Tipografiya Tovarishchestva «Pechat'», 1913, 118 p.
9. Koroteeva N. N. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Proceedings of Russian State Social University]. 2011, no. 2, pp. 70–74.
10. *Arkhir Zlatoustovskogo gorodskogo okruga (Arkhir ZGO)* [Archive of Zlatoust city district (Archive ZGO)]. F. I-11. Op. 1. D. 471.
11. *Kratkiy ocherk razvitiya zemskoy meditsiny v Ufimskom uezde za 1875–1916 gg.* [Brief essay on zemstvo medicine development in Ufa district in 1875–1916]. Ufa: Tovarishchestvo knizhnogo i gazetnogo izd-va, 1917, 30 p.
12. *NA RB*. F. 4348. Op. 1. D. 7.
13. *Obzor Ufimskoy Gubernii za 1879 god* [Ufa province review in 1879]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1880, 67 p.
14. *Adres-kalendar' Ufimskoy gubernii za 1917 god* [Address-calendar of Ufa province in 1917]. Ufa: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1917, 275 p.
15. *Obzor sostoyaniya zemsko-meditsinskogo dela po Ufimskomu uezdu za 1912 god* [A review of zemstvo medical affairs in Ufa district in 1912]. Ufa: Elektricheskaya tipografiya tovarishchestva «F. G. Solov'ev i K°», 1913, 316 p.
16. *Otdel narodnoy meditsiny po Zlatoustovskomu uezdu 1909 god* [The department of public medicine in Zlatoust district in 1909]. Zlatoust: Tipografiya Tovarishchestva Lebedeva i Belyakova, 1910, 201 p.

Полякова Елена Павловна

аспирант, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а)
E-mail: sestra-xo89@yandex.ru

Polyakova Elena Pavlovna

Postgraduate student, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (3a Oktyabrskoy revolyutsii street, Ufa, Russia)

УДК 908

Полякова, Е. П.

Аптечное дело в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в. /

Е. П. Полякова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 25–32. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-3.

БОЛЬШЕВИКИ И КРЕСТЬЯНСТВО В ГОДЫ НЭП: МОБИЛИЗУЯ ПАМЯТЬ О РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Формирование нового концепта коллективного целого, составной частью которого являлась историческая память, было одной из центральных задач большевистского руководства с момента его прихода к власти. Особенно важным представлялось научить говорить и думать по-советски крестьянство, составлявшее в 1920-е гг. большинство населения. Власть стремилась подключить крестьянские массы к созданию образа революции. Выявляются характерные для 1920-х гг. содержание и ключевые моменты крестьянской памяти об аграрном движении 1917 г. Показан процесс формирования ретроспективного взгляда на революционные события, опыт актуализации недавнего прошлого, проецирования «сегодняшней» (с точки зрения 20-х гг.) ситуации на него.

Материалы и методы. Основным источником являются опубликованные и неопубликованные воспоминания селькоров, написанные для «Крестьянской газеты». Изучение селькоровского мемуарного комплекса построено в русле социально-исторической антропологии, позволяющей представить образы прошлого и переживания людей.

Результаты. Подобный подход может способствовать, во-первых, дальнейшему изучению особенностей восприятия социальной действительности крестьянством, во-вторых, пониманию характера процесса размывания крестьянского типа ментальности, в-третьих, дополнению представленной в исследованиях панорамы аграрной революции в ее психоментальном измерении.

Выводы. Хотя воспоминания селькоров были призваны продемонстрировать руководящую роль большевиков в аграрной революции и сознательную большевизацию крестьянства, они не укладывались в социальный заказ. Главным действующим лицом памяти выступало само общинное крестьянство и его классовая солидарность. Посредством самоорганизации «мир» стремился вытеснить из сельского пространства городскую культуру, ее носителей и установить свой крестьянский порядок. Подобная память опиралась на растущее в 20-е гг. самосознание крестьянства и его требования участия во власти.

Ключевые слова: крестьянство, община, революция, власть, город, память, прошлое.

И. Е. Koznova

THE BOLSHEVIKS AND THE PEASANTRY IN THE YEARS OF NEP: MOBILIZING THE MEMORY OF THE REVOLUTION

Abstract.

Background. The formation of a new concept of a collective whole, with the historical memory being an integral part, was one of the central tasks of the Bolshevik

leadership from the moment of its coming to power. It was especially important to teach the peasantry, which formed the majority of the population in 1920s, how to speak and think the Soviet way. The authorities sought to connect the peasant masses to create an image of the revolution. The article investigates the peasant memory of the agrarian movement of 1917, shows the process of forming a retrospective view of revolutionary events and presents the experience of actualization of the recent past, a projection of the “current” (from the point of view of 1920s) situation on it.

Materials and methods. The main source is the published and unpublished memories of the Selkor, written for the Peasant Newspaper. The study of the Selkor memorial complex is built in the mainstream of socio-historical anthropology, which makes it possible to present images of the past and the experiences of people.

Results. Such an approach can contribute, firstly, to a further study of the features of the perception of social reality by the peasantry, secondly, to an understanding of the nature of the process of erosion of the peasant mentality type, and, thirdly, to supplement the panorama of the agrarian revolution presented in studies in its psychomantic dimension.

Conclusions. Although the memories of the Selkor were intended to demonstrate the leading role of the Bolsheviks in the agrarian revolution and the conscious Bolshevikisation of the peasantry, they did not fit into the social order. The main actor of memory was the communal peasantry itself. Through self-organization, the “world” sought to oust urban culture and its carriers from rural areas and establish its own peasant order. This memory was based on the self-consciousness of the peasantry, growing in the 1920s, and its demands for participation in power.

Key words: peasantry, community, revolution, power, city, memory, past.

Последние десятилетия в мире и в России отмечены многообразным по формам и глубоким по содержанию изменением отношения к прошлому, следствием и проявлением которого стало «мировое господство памяти». В условиях «ускорения истории», разрыва исторической и временной преемственности, кризиса идентичности память превращается в ее движущую силу, в обещание преемственности [1, с. 391–402]. Научная рефлексия отмеченных процессов проявляет себя в мемориальных исследованиях (memory studies), ориентированных на культурную историю социального, на воскрешение прошлого в памяти [2]. Представляя собой образную репрезентацию прошлого в контексте социальной коммуникации, память в ее индивидуальном и коллективном выражении подвергается постоянной реорганизации в соответствии с запросами современности. Существуют разные типы повествования о прошлом, направленные на поддержание с помощью памяти прежней идентичности либо на формирование новой. Среди них выделяют базовые – «триумф/катастрофа», а также конкретизирующие – «героизация», «виктимизация», «ностальгия», «ресентимент», «нормализация прошлого» «проработка прошлого» [3].

Революционные события 1917 г. в России, повлекшие за собой принципиальные изменения социальной жизни, дали импульс формированию нового концепта коллективной идентичности, мемориализации на новых основаниях российского культурного пространства, советизации сознания граждан. Но и сама революция, представлявшаяся ее adeptам воплощением космогонического акта, заняла особое место в отечественной исторической политике. Буквально «на другой день» после установления советской власти началось

творение мифа Октября, на конструирование которого направлялись энергия и пропагандистские усилия большевиков. Коммунистическое руководство активно взялось за мемориально-культурное строительство, создавало и поддерживало традицию коммемораций, призванной не только обосновать и подтвердить его право на власть, но и сформировать новое коллективное целое. Важная роль в создании образа революции отводилась личностным переживаниям ее событий, и уже первое послереволюционное десятилетие было ознаменовано созданием обширного мемуарного комплекса о ней.

Для значительной части населения России 1920-х гг., к которым можно отнести крестьян, революция 1917 г., проходившая под знаком «черного передела», стала апогеем их вековой борьбы за «землю и волю». Пройдя в годы Гражданской войны через острый конфликт с большевистской властью, деревня в годы нэпа испытывала действие разных тенденций, связанных как с сохранением, так и преобразованием традиционных устоев жизни и хозяйственных форм. Важной чертой общественной жизни стало заметное повышение социально-политической активности крестьянства, которую власть стремилась направить в русло советского строительства. В условиях довольно противоречивого нэповского курса власть осваивала все каналы своего влияния на деревню.

Одним из таких каналов было подключение крестьянских масс к формированию исторической идентичности советского общества, призванной придать легитимность революции и преобразованиям в деревне. Революция и в силу своей хронологической близости к 1920 гг., когда были живы участники и очевидцы событий, и в силу влияния на общие процессы в стране воспринималась в качестве прошлого лишь отчасти. Фактически, если иметь в виду декларируемое и инициируемое «сверху» классовое противоборство, в том числе в мировом масштабе, она продолжалась.

В июле 1925 г. Я. А. Яковлевым было разослано обращение к 2000 селькорам «Крестьянской газеты» с просьбой написать и прислать в газету свои воспоминания о революции 1917 г. [4]. Обращение включало полтора десятка вопросов, которые в свою очередь детализировались; причем вопросы не требовали обязательного ответа на них по порядку, а предназначались для облегчения воспроизведения событий тех лет в памяти.

Отметим, что время сбора воспоминаний пришлось на момент, когда на селе началась – в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР (март 1925 г.) – активная кампания по лишению бывших помещиков права на землепользование, проживание в прежних хозяйствах и их выселению. В целом она находила поддержку в деревне [5].

Селькоры откликнулись на призыв. Всего из 57 губерний и 225 уездов страны было получено 490 корреспонденций, представляющих собой довольно объемный материал. Селькоры в большинстве своем являлись очевидцами и участниками крестьянского движения в 1917 г., причем значительной их части в 1925 г. было по 20–30 лет. На основе присланных корреспонденций были составлены и опубликованы две подборки, в одну из которых вошло 21 воспоминание [6], в другую – 10 [7]. Назначение приуроченных к десятилетию Октября изданий было популярным, просветительским, поэтому возник замысел создания новой, более обстоятельной, причем научной, публикации. Для нее было отобрано 59 документов (по 37 губерниям и 54 уездам);

помимо новых, в него вошло четыре воспоминания из сборника 1926 г. и одно – из сборника 1927 г. [8]. Таким образом, в свет вышло 85 корреспонденций из 490 присланных. Отбор корреспонденций производился с таким расчетом, чтобы, во-первых, по возможности представить в сборнике все губернии страны, во-вторых, дать по районам лучшие воспоминания как со стороны содержания (типичность описываемых событий, полнота, достоверность, точность и т.п.), так и со стороны формы: в этом отношении предпочтение отдавалось корреспонденциям простого описательного характера (а не художественным). Однако, как отмечал проанализировавший в свое время данные издания В. В. Кабанов, этот отбор, опиравшийся на принцип «типичности», не определял в полной мере адекватность отражения воспоминаниями характера и степени интенсивности крестьянского движения в той или иной губернии. Подверглось критике В. В. Кабановым и второе издание книги (1967 г.) [9] в связи с исключением из него как «нетипичных» 15 документов на том основании, что составитель сборника считал погромы крестьянами помещичьих имений явлением «исключительным» [10].

Опубликованные воспоминания являют пример организованной памяти, поскольку прошли фактически двойную систему фильтрации: сначала это касалось круга вопросов, которые селькорам предстояло осветить в своих воспоминаниях, затем уже при отборе в сборники. Это было именно сознательное конструирование событий 1917 г. под углом того, «как крестьянство потеряло доверие к буржуазному правительству и соглашательским партиям и прочно стало на сторону большевиков» – в общем, и «как организовывалась беднота» – в частности. Опубликованные материалы вполне соответствовали социальному заказу, однако авторы корреспонденций, хотя и придерживались предложенной схемы, все же вносили важные штрихи в «портрет» аграрной революции. Кроме того, ряд недостатков воспоминаний крестьян как исторических документов, на которые обращали внимание составители сборника (хаотичность и недостаточная связанность описания, отсутствие хронологии, субъективизм в оценке событий, перенесение в прошлое переживаний и фактов более позднего времени), во многом отражали именно специфику народной памяти.

Любой героический нарратив – а большевистская трактовка Октября претендовала именно на подобное представление событий – являет собой описание успеха в «борьбе с врагами». И доминировавшему в деревне в послереволюционную эпоху архаическому сознанию, и сознанию представителей новой власти, прошедших сквозь горнило Гражданской войны, было присуще стремление найти и маркировать «врагов». В воспоминаниях селькоров в перечне враждебных крестьянству сил на первом месте стояли помещики. Селькоры делали ставку на изображение крестьянских страданий от помещичьего гнета. Образ помещика – «паука» и «ненасытного зверя», «пьющего крестьянскую кровь из поколения в поколение» – был ярким и впечатляющим. При этом память существовала в двух, тесно связанных между собой, регистрах: виктимности и ресентимента. Так или иначе, она воплощала неприятие иного образа жизни, иной – городской – культуры.

Селькоры часто обращались к событиям 1905 г.; причем характерна двойственность восприятия: дерзость от сопротивления властям и переживание о понесенном за него наказании. В целом применительно к отношениям

с помещиками память включала два аспекта на шкале «героизм» – «жертвенность»: первый имел в виду испытание гордости за поведение предков, второй – испытание унижения.

Среди других «чужих» селькоры называли священников, хуторян и отрубников, крестьян соседних деревень. В селькоровских воспоминаниях сквозила также глухая ненависть к интеллигенции, которая квалифицировалась как «враги народа». Интересно, что этот термин, широко распространенный десятилетие спустя, уже находился в лексиконе эпохи.

Значительное внимание в воспоминаниях уделялось политической стороне проблемы – борьбе партий в деревне, выборам в Учредительное собрание. Показательна демонизация врагов, навешивание ярлыков, несущих в себе наследие Гражданской войны. Особой хулы были удостоены эсеры (в большей степени) и меньшевики; обе партии именовались как «двуликие предатели», «шкурники» – скорее в соответствии с общественно-политической обстановкой 1920-х гг., чем 1917 г. Они нередко отождествлялись с «белыми», им приписывалось распространение слухов, порочащих большевиков и Ленина. Персонификация абстрактных понятий вообще присуща архаическому воззрению, которое наблюдалось тогда и у правителей, и у подданных. А привычка обвинять эсеров в подрывной деятельности была типична для официального советского дискурса, и особенно для сводок ОГПУ. Характерные для 1920-х гг. представления, связанные как с сакрализацией образа Ленина, так и с апокалиптическим видением происходящего, переносились и на 1917 г.: вождь представлялся то Антихристом, то Мессией [11, с. 168–173].

В качестве «своих» селькоры выставляли большевиков и солдат-фронтовиков. Эти новые деревенские авторитеты, наделявшиеся селькоровским мифологизированным сознанием сакральным даром всезнания, явно противопоставлялись прежним, традиционным – старикам. Появляясь, будто в сказке, в нужное время в нужном месте, большевики выступали олицетворением чуда, революционных обещаний, которых жаждали массы и в 1917 г., и в 1920-е гг. Крестьяне не просто якобы «чутьем стали понимать», что это «наша партия», они буквально повалили в партию [8, с. 39, 55, 77, 84, 89, 137, 140, 206, 213, 292]. Возможно, подобное восприятие событий восьмилетней давности отражало события текущие, связанные с «Ленинским призывом» 1924 г., когда целые села записывались в ряды ВКП(б) [11, с. 166].

Именно подобный аспект, призванный продемонстрировать руководящую роль большевиков в аграрной революции и большевизацию крестьянства, причем сознательную, был ведущим в опубликованных воспоминаниях.

Однако крестьяне, воспринимавшие многое в жизни в утилитарном плане, и к лозунгам подходили с точки зрения выгоды, фактически руководствуясь своей собственной формулой – «наша партия одна – Земля и Воля» [12, с. 185]. Прагматизм крестьян хранила и память, акцентируя их низшее положение в системе социальной иерархии: «Много разных других приезжало. Одни говорят так, другие иначе, а все начальники» [8, с. 124, 228].

И хотя классовая риторика заняла подобающее ей место в корреспонденциях об аграрном движении, с этим организованным пластом памяти соседствовал другой. Точнее, он преобладал, и в нем главным действующим лицом выступало само крестьянство со «своим» Семнадцатым годом. Подоб-

ное восприятие отражает и выросшее в середине 1920-х гг. крестьянское самосознание и его политическую активность.

Свержение царизма, по воспоминаниям, вызвало противоречивые чувства – от неуверенности и страхов до радости и надежды. Имел место «синдром ожидания милостей». Но постепенно росла уверенность крестьян в своих правах на землю, а по сути, в праве на насилие. Ключевыми словами воспоминаний стали слова «злоба» и «захват». Именно ресентимент лежал в основе восприятия событий. Право на агрессию и месть, ставшую ведущей в революционной атмосфере, было компенсацией за длительное угнетение, за перенесенные травмы.

После небольшой растерянности первых недель началось «революционное просвещение народа»; росла и самоорганизация крестьянства, прежде всего – на основе общины. И именно крестьянская общинность в ее разнообразных проявлениях запечатлелась в памяти. Причем именно в неопубликованных воспоминаниях селькоров примеры укрепления общины в период новой «русской смуты» оказались наиболее полными, содержали подробное и обстоятельное описание организованных действий общинников в деле включения помещичьих угодий в крестьянский хозяйственный оборот [13].

В период подготовки сборника воспоминаний о революции 1917 г. крестьянская община и ее сход, представлявший всех крестьян, включая богатых, обладали реальной хозяйственной и социальной силой; бюджеты земельных обществ были значительнее, чем у сельсоветов. Как отмечала крестьянка из Московской губернии, «земельное общество еще сильно своей правомощностью. Земельное общество в деревне является вершителем судеб деревенского благоустройства, организованности и т.д. Так что, как ни странно, а сельсовет – мертвая еще точка и на десятый год своего существования» [14]. Нередко именно сельские сходы выдвигали предложения о создании Крестьянского союза. На XV съезде партия вынуждена была констатировать наличие двоевластия в деревне – власти земельного общества (общины) и сельских советов [15, с. 1216, 1217, 1244, 1245, 1380]; влияние общины признавалась в докладной записке отдела по работе в деревне ЦК ВКП(б) (октябрь 1928 г.) [16, с. 439]. Память о некогда проявившей себя сплоченности становилась актуализированным прошлым в условиях недовольства крестьянами советской властью. С точки зрения власти подобные ассоциации были неуместны. В то же время в 1920-е гг. крестьянство, опираясь на опыт своей борьбы с начала XX в., пошло дальше, поскольку требование Крестьянского союза означало не только хозяйственные и локальные, как в случае общины, но и политические и общенациональные притязания на власть.

По эмоциональности описания и по крестьянской выраженности действий наиболее значительными – героическими для крестьян – были погромы помещичьих усадеб. Как правило, селькоры приурочивали их к октябрьскому перевороту, как бы заручаясь санкцией «сверху» и стремясь показать, что крестьяне действовали точно «по рецептам» большевиков, обеспечивая легитимность захватов. Однако в действительности время погромов было больше связано с ритмом сельхозработ и далеко зашедшим революционным нетерпением.

Радикализации крестьянства способствовало также насыщение деревни солдатами-отпускниками и дезертирами; именно они повсеместно провоци-

ровали самоуправство в деревне. Октябрьский переворот санкционировал безнаказанность крестьянских действий; не случайно селькоры отождествляли себя с большевиками. Запомнился призыв – «грабьте». Кстати, из второго издания воспоминаний крестьян, опубликованного в 1967 г., прежде всего были исключены те, в которых описывалось, что погромы инициировались самими крестьянами.

Все корреспонденты, кто более подробно, кто – менее общими штрихами описывали этот, если судить по воспоминаниям, самый яркий и запоминающийся момент крестьянского движения, такую «метелицу». По мемуарам, в момент погромов крестьянами двигал прежде всего страх опоздать, не успеть к разделу помещичьего «пирога». Возникало своего рода соревнование, кто быстрее и больше притащит «всякой всячины». Поскольку каждый стремился опередить другого и не остаться сзади, «брали что попало». Если и звучали благоразумные мнения о необходимости сохранить хотя бы постройки, могущие впоследствии пригодиться, они буквально «тонули» во всеобщем крике: «нужно все уничтожить, – мы завладеем всей землей крепко и полностью».

Одно из самых ярких впечатлений памяти селькоров – масштабность и волнообразность движения крестьянской толпы, которая под звуки набата выступала как единое «большое тело», вбирающее в себя всех – молодых и старых, мужчин и женщин. Это движение сопровождалось как людскими криками, так и криками животных.

И не о земле, а именно как грабили барское добро и делили его – самая сильная память. Столь вожденная для крестьян земля в описании некоторых селькоров даже уходила на задний план. Возможно, характерные для крестьянских воспоминаний элементы «забывания» в отношении земли связаны с нэповской ситуацией, при которой в актуальных социально-экономических отношениях на первый план вышли вопросы налогов и цен. Но главное заключалось, по мнению Д. И. Люкшина, в самой сути «общинной революции» – планомерном вытеснении за пределы среды выживания хозяйствующих субъектов, не включенных или исключенных из структур моральной экономики [17, с. 108, 109]. Важнейшим поведенческим императивом было желание смести имения до основания, чтобы помещикам некуда было возвращаться.

Селькор из Псковской губернии с присущим молодости задором вывел формулу погрома: «*Бери, ломай и жги* – все вещи были разобраны, скот был угнан, винокуренный завод, полный спирта, ограблен и сожжен. Не в одном нашем селении происходила такая ч и с т к а» [8, с. 249] (разрядка источника – И. К.). Двадцатипятилетнему селькору были по душе язык и действия эпохи, для которой «чистка» входит в практику, а само слово и стоящее за ним явление становятся знаковыми.

Женщины, точнее солдатки, судя по некоторым мемуарам, вели себя особенно напористо: «бабы-солдатки кричали больше всех», «бабы-солдатки выступали на сходах за разгром».

Другим императивом было стремление разделить ответственность между всеми односельчанами. Как отмечал селькор из Саратовской губернии, «когда стали раздавать овец, то некоторые богатеи-мужики их не брали, но им насильно загоняли к ним во дворы и приказывали резать для еды. Это де-

лалось для того, чтобы в будущем, если придется, то ответ держать за расхищенное добро и имущество всем одинаково» [8, с. 33, 126].

В своем исследовании «Красной смуты» В. П. Булдаков неоднократно подчеркивал деморализующий характер «общинной революции», «нравственный вывих растащивки» – как непосредственно в момент ее действия, так и в долговременной перспективе. Вопрос о моральности действий крестьян ушел на дальний план памяти селькоров. Впрочем, с точки зрения крестьянского этоса и исторической памяти, действия общинников были справедливы, а для молодого поколения 1920-х гг. верным, а потому моральным, становился классовый подход.

Хотя существовала региональная специфика крестьянских действий, все же на первом месте памяти была всеобщность крестьянских действий. Селькор из Брянской губернии отмечал: «Крестьяне деревни не принадлежали ни к какой партии, у них течение было свое особенное, везде, где только было чего много, все разбиралось под лозунгом “все народное”» [6, с. 13].

Деревня испытала состояние опьяненности в прямом и переносном смысле. Яркие описания разгрома винокуренных заводов (нередко – с жертвами) и сопровождавших их пьяных оргий. Кстати, подобные свидетельства были исключены из второго издания сборника воспоминаний.

О. А. Сухова обратила внимание, что социальная агрессия в период «общинной революции» на каком-то этапе приобрела «карнавальную» характер [18, с. 570–581]. Воспоминания запечатлели моменты, когда крестьяне «примеривали» на свои дворы господский скот и инвентарь; случалось, что доходило до драк между мужиками при захвате помещичьих вещей. Но «карнавал» мог иметь и более жесткие проявления, хотя свидетельств физических расправ с помещиками было немного. Возможно, крестьяне не хотели представить свои действия с этой стороны.

В воспоминаниях о революции характерный для 1920-х гг. конфликт «крестьянство – власть» не был выражен непосредственно, однако косвенные свидетельства позволяют его обозначить. Сравнение опубликованных и сохранившихся архивных материалов об аграрном движении 1917 г. дает возможность увидеть, что вне публикаций осталось многое, демонстрировавшее силу крестьянского совместного действия, главным образом на основе общины. Крестьяне помнили и другие столкновения, обострявшие конфликт уже внутри нее самой, но им придавалось меньшее значение. Главным для селькоров, хотя и включенных уже в официальный дискурс, но все же сохранивших свою крестьянскую идентичность, было показать свою солидарность в борьбе с другим миром, другой культурой. Память о некогда проявившей себя сплоченности была нужна крестьянам как способ демонстрации претензий к власти, тем более что и сила сельской общины в середине 1920-х гг. была реальной и само крестьянство обладало потенциалом для выдвижения не только экономических, но и политических требований. Это восприятие настоящего в контексте прошлого оказалось полезным власти как необходимая информация, позволившая нанести упреждающий удар по сельскому сообществу и его институтам в конце 20-х гг. Власть всячески поддерживала память о борьбе крестьян с помещиками, а память о мобилизующей силе крестьянского повстанческого движения в годы Гражданской войны оказывалась под запретом. В то же время в годы «великого перелома» делалась ставка на хранившийся в деревенской памяти опыт внутриобщинных столкновений.

Так или иначе, подобные воспоминания о революции 1917 г. можно рассматривать в качестве одной из составляющих идеологической подготовки к «революции сверху» рубежа 1920–1930-х гг.

Библиографический список

1. **Нора, П.** Всемирное торжество памяти / П. Нора // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 780 с.
2. **Репина, Л. П.** Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М., 1996. – С. 25–38.
3. **Леонтьева, О. Б.** «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке / О. Б. Леонтьева // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – 2015. – Вып. 50. – С. 59–93.
4. **Кабанов, В. В.** Собрание и публикация в 20-х годах крестьянских воспоминаний об аграрной революции и гражданской войне в России / В. В. Кабанов // Археографический ежегодник за 1984 год. – М., 1986. – С. 182–187.
5. **Лозбенев, И. Н.** Выселение бывших помещиков из мест их проживания в регионах Центральной России в 1925–1927 годах / И. Н. Лозбенев // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 81–86.
6. Война крестьян с помещиками в 1917 г. Воспоминания крестьян / под ред. Я. А. Яковлева. – М. : Крестьянская газета, 1926. – 79 с.
7. Революция в деревне в 1917 г. Воспоминания крестьян / под ред. и с предисл. Я. А. Яковлева. – М. : Крестьянская газета, 1927. – 41 с.
8. 1917 год в деревне. Воспоминания крестьян / сост. И. В. Игрицкий. – М. : ГИЗ, 1929. – 360 с.
9. 1917 год в деревне (Воспоминания крестьян) / сост. И. В. Игрицкий ; предисл. Я. А. Яковлева. – М. : Политиздат, 1967. – 288 с.
10. **Кабанов, В.** Крестьянские мемуары / В. Кабанов // Новый мир. – 1967. – № 10. – С. 265–267.
11. **Великанова, О. В.** Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. / О. В. Великанова. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 295 с.
12. **Булдаков, В. П.** Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – 2-е изд., доп. – М. : РОССПЭН, 2010. – 967 с.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 765. Л. 1–10 об.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 281. Л. 125.
15. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет : в 2 т. – М. : Госполитиздат, 1962. – Т. II. – С. 849–1722.
16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М. : РОССПЭН, 1999. – 880 с.
17. **Люкшин, Д. И.** Вторая русская смута: крестьянское измерение / Д. И. Люкшин. – М. : АИРО-XX, 2006. – 133 с.
18. **Сухова, О. А.** Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья / О. А. Сухова. – М. : РОССПЭН, 2008. – 677 с.

References

1. Nora P. *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Memory about the war 60 years after: Russia, Germany, Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, 780 p.

2. Repina L. P. *Odissey. Chelovek v istorii*. 1996 [Odysseus. The man in history. 1996]. Moscow, 1996, pp. 25–38.
3. Leont'eva O. B. *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noy istorii* [A dialogue with time: Almanac of intellectual history]. 2015, iss. 50, pp. 59–93.
4. Kabanov V. V. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1984 god* [Archeographic yearbook of 1984]. Moscow, 1986, pp. 182–187.
5. Lozbenev I. N. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2009, no. 1, pp. 81–86.
6. *Voyna krest'yan s pomeshchikami v 1917 g. Vospominaniya krest'yan* [The war peasants with landowners in 1917. Memories of peasants]. Ed. by Ya. A. Yakovlev. Moscow: Krest'yanskaya gazeta, 1926, 79 p.
7. *Revolutsiya v derevne v 1917 g. Vospominaniya krest'yan* [The revolution in the village in 1917. Memories of peasants]. Ed. by Ya. A. Yakovlev. Moscow: Krest'yanskaya gazeta, 1927, 41 p.
8. *1917 god v derevne. Vospominaniya krest'yan* [1917 in the village. Memories of peasants]. Comp. by I. V. Igritskiy. Moscow: GIZ, 1929, 360 p.
9. *1917 god v derevne (Vospominaniya krest'yan)* [1917 in the village (Memories of peasants)]. Comp. by I. V. Igritskiy. Moscow: Politizdat, 1967, 288 p.
10. Kabanov V. *Novyy mir* [New world]. 1967, no. 10, pp. 265–267.
11. Velikanova O. V. *Razocharovannye mechtateli: Sovetskoe obshchestvo 1920-kh gg.* [Disappointed dreamers: the Soviet society of 1920s]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2017, 295 p.
12. Buldakov V. P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The red revolt. The nature and aftermath of the revolutionary violence]. 2nd ed., suppl. Moscow: ROSSPEN, 2010, 967 p.
13. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* [Russian State Archive of Economics (RGAE)]. F. 396. Op. 3. D. 765. L. 1–10 ob.
14. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Sociopolitical History (RGASPI)]. F. 17. Op. 85. D. 281. L. 125.
15. *Pyatnadsatyy s'ezd VKP(b). Stenograficheskiy otchet: v 2 t.* [XV Congress of the AUCPB. Verbatim record: in 2 volumes]. Moscow: Gospolitizdat, 1962, vol. II, pp. 849–1722.
16. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy: v 5 t. T. 1. May 1927 – noyabr' 1929* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of the kulaks. 1927–1939. Documents and materials: in 5 volumes. Vol. 1. May 1927 – November 1929]. Eds. V. Danilov, R. Manning, L. Violy. Moscow: ROSSPEN, 1999, 880 p.
17. Lyukshin D. I. *Vtoraya russkaya smuta: krest'yanskoe izmerenie* [The second Russian revolt: peasant dimension]. Moscow: AIRO-XX, 2006, 133 p.
18. Sukhova O. A. *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: Ocherki istorii sotsial'noy psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya* [10 myths on the peasant consciousness: Essays on the history of Russian peasantry's social psychology and mentality (late XIX – early XX centuries) by the materials of the Middle Volga region]. Moscow: ROSSPEN, 2008, 677 p.

Кознова Ирина Евгеньевна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, сектор философии культуры, Институт философии Российской академии наук (Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1)

E-mail: i.koznova@mail.ru

Koznova Irina Evgen'evna

Doctor of historical sciences, leading researcher, Department of Philosophy of Culture, the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (building 1, 12 Goncharnaya street, Moscow, Russia)

УДК 930.2

Кознова, И. Е.

Большевики и крестьянство в годы нэпа: мобилизуя память о революции / И. Е. Кознова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 33–43. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-4.

ОТНОШЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОММУНИСТОВ К ЭКОНОМИЧЕСКИМ РЕФОРМАМ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НЭПА

Аннотация.

Актуальность и цели. Проведение экономических реформ с использованием различных форм собственности в условиях модернизации является актуальной проблемой современной России. В этой связи определенное значение приобретает изучение политики местных партийных организаций при переходе к нэпу, споры, ошибки, противоречия в ее реализации. Цель работы – комплексный анализ данного процесса.

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составляют документы фондов Центрального государственного архива Самарской области, Государственного архива Пензенской области, материалы периодических изданий. Используются формально-логический и сравнительно-исторический методы исследования.

Результаты. Исследованы материалы съездов и конференций РКП(б), выступления и статьи В. И. Ленина, основные законодательные акты и подготовленные на их основе нормативные документы, регулирующие деятельность местных партийных организаций. Проведен анализ протоколов бюро Самарского губернского комитета РКП(б) за 1921–1922.

Выводы. Противоречивая по своей сути новая экономическая политика, сочетающая многоукладный характер экономики с однопартийной системой, представляла сложности для ее глубокого понимания. Многие коммунисты в регионах не смогли рассматривать нэп как развивающуюся систему. Возникло внутреннее противоречие между обязанностью коммуниста проводить в жизнь новую экономическую политику, с одной стороны, и стремлением сохранить более привычные и понятные методы политики «военного коммунизма» – с другой. Отношение к нэпу в регионах оставалось настороженным, как к временному отступлению на пути строительства социализма.

Ключевые слова: партия, новая экономическая политика, аренда, хозрасчет, дискуссия.

S. A. Urazova, G. V. Garbuz

THE ATTITUDE OF REGIONAL COMMUNISTS TO ECONOMIC REFORMS IN THE INITIAL PERIOD OF NEP

Abstract.

Background. Conducting economic reforms using various forms of ownership in the context of modernization is an actual problem of modern Russia. In this connection, the study of the policy of local party organizations in the transition to NEP,

disputes, mistakes, contradictions in its implementation acquires some importance. The purpose of this work is a comprehensive analysis of this process.

Materials and methods. The source of the research is the documents of the funds of the Central State Archive of Samara Region, the State Archive of Penza Region, and materials from periodicals. Formally-logical and comparative-historical methods of investigation were used.

Results. The article review materials of the congresses and conferences of the AUCP(B), speeches and articles by V. I. Lenin, the main legislative acts, and the regulatory documents prepared on their basis, regulating the activities of local party organizations. The authors analyzed the protocols of the bureau of the Samara Provincial Committee of the AUCP(B) in 1921–1922.

Conclusions. Contradictory in its essence, the new economic policy, combining the multistructural nature of the economy with the one-party system, presented difficulties for its deep understanding. Many Communists in the regions could not consider NEP as a developing system. There was an internal contradiction between the duty of the communist to enforce the new economic policy on the one hand and the desire to preserve the more familiar and understandable methods of the policy of “war communism”. The attitude towards NEP in the regions remained cautious, as a temporary retreat on the road to building socialism.

Key words: party, new economic policy, rent, self-financing, discussion.

Изучение экономических реформ начала 1920-х гг. занимает значительное место в историографии нэпа. Несмотря на определенные достижения в изучении общих вопросов содержания нэпа и обновление теоретико-методологической базы, на сегодняшний день мало работ о теоретических разногласиях в руководстве РКП(б) и особенно противоречиях ее реализации на местах. Можно выделить работу С. В. Виноградова, в которой анализируются дискуссии в партии о сущности и противоречиях нэпа [1]. И. А. Высоцкий делает вывод о победе идеологии «военного коммунизма» в идейных спорах по проблемам нэпа [2]. Можно отметить, что недостаточно исследована деятельность региональных партийных организаций и социально-психологические аспекты восприятия нэпа на местах.

После X съезда РКП(б), на котором решением о замене продразверстки продовольственным налогом было положено начало новой экономической политике, В. И. Ленин пришел к выводу о необходимости допущения товарообмена между городом и деревней под контролем государства.

Накануне X Всероссийской партконференции В. И. Ленин уточнил суть предпринимаемого «отступления» в экономике с началом нэпа, обозначив его понятием «госкапитализм». Эта формула вобрала в себя концессии, совершающийся через органы кооперации товарообмен с крестьянством и аренду мелких государственных предприятий. На практике экономические мероприятия нэпа могли привести (и привели позже) к формированию многоукладной экономики и рынка, что противоречило марксистско-ленинской теории о неизбежности отмирания товарно-денежных отношений при социализме. Это вызывало дискуссии в партийных кругах.

В регионах серьезных теоретических споров не было, но было полное непонимание ситуации, В. И. Ленин отмечал, что «на местах политика, определившаяся в связи с продналогом, остается в громадной степени не разъясненной, частью даже не понятой» [3, с. 299].

Большинству рядовых коммунистов гораздо ближе была идеология и методы политики «военного коммунизма». Например, в резолюции по нэпу, принятой XI Пензенской губернской партийной конференцией в апреле 1921 г., ставилась задача сохранения и даже усиления полномочий чрезвычайных органов для сбора продналога, а также предлагалось «принять новому губкому меры по изменению форм и правильному применению труд повинности. Для этого предлагается: введение продналога с предварительной разверсткой его по отдельным крестьянским хозяйствам» [4].

Не случайно В. И. Ленин сформулировал главную цель X партийной конференции – объяснить сущность нэпа для региональных партийцев, чтобы «после того как товарищи разъедутся на места», не осталось «ни тени неправильного толкования» новой экономической политики. И отмечая сомнения многих партийных работников, Ленин подчеркивал, что эта политика всерьез и надолго: «Мы намечаем политику, долженствующую существовать долгий ряд лет» [5, с. 340]. Но нэп рассматривался В. И. Лениным как политика переходного периода, не присущая социализму, и как «временное отступление», маневр в ожидании мировой революции.

Ситуация на местах и после конференции оставалась сложной. Практически во всех парторганизациях имели место случаи выхода из партии «за несогласие с нэпом». В сводке за июль 1921 г. Самарского губернского комитета отмечалось, что, несмотря на то что массового выхода из партии нет, можно выделить три категории коммунистов, покинувших ряды партии: первая – из-за экономических трудностей, вторая – в связи с непониманием нэпа, третья – в связи с несогласием с нэпом [6].

Главной задачей в начале нэпа для региональных партийных органов стала политпросветработа, так как отмечалось «непонимание принципов новой экономической политики среди широких партийных масс» [7]. На увеличение числа сторонников экономических изменений на основе нэпа была направлена деятельность Самарского городского комитета РКП(б). В рабочем плане отдела ставились главные задачи текущего момента, комментировать и разъяснять декреты и постановления партии и правительства по новой экономической политике.

Вопрос участия политических и общественных организаций в хозяйственной деятельности в связи с переходом к нэпу активно обсуждался на всех уровнях. В 1921–1923 гг. главными задачами региональных партийных организаций были политическое воспитание рабочих, разъяснение сущности нэпа, организация производственных ячеек. Подчеркивалась недопустимость административного давления на хозяйственные органы. Активно на уровне губернских партийных организаций обсуждался вопрос о роли профсоюзов. Так, на заседании Самарского губернского комитета в июле 1921 г. был сделан вывод, что первоочередной задачей профсоюзов является улучшение положения рабочих крупной промышленности для предотвращения дальнейшего распыления пролетариата [8, с. 37].

В первичных ячейках проводилась разъяснительная работа, доклады о нэпе, но, несмотря на это, Самарский Губернский комитет партии подчеркивал непонимание нового экономического курса среди коммунистов, растерянность, недоверчивое отношение к новым формам экономической деятельности, особенно к кооперации и аренде. В политических сводках Самарского

губернского комитета осенью 1921 г. отмечалась недостаточная агитационная работа, из-за которой массы не могут уяснить сущность нэпа, ситуация осложнялась тяжелым экономическим положением, голодом, ростом цен [9].

Популярным тезисом в начале нэпа стал тезис о том, что «экономика определяет политику». На закрытом общегородском собрании членов РКП(б) в Самаре в июле 1921 г. преобладало понимание нэпа как политики, развивающей госкапитализм, и в выступлениях звучали призывы развития частной инициативы и предпринимательства, рассматривали их как вынужденную меру, так как «...не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание» [10].

На заседании Бузулукского городского комитета РКП(б) уже в начале нэпа высказывались серьезные опасения по поводу экономических мероприятий нэпа, было принято решение – укрепить позиции партийных органов путем создания новых ячеек даже на небольших предприятиях [11, л. 41].

Представители местных партийных организаций неоднозначно трактовали сущность нэпа. На заседании Самарского Губернского комитета, в докладе о партийном строительстве, сущность происходящих явлений в экономике была охарактеризована, во-первых, как явления госкапитализма, во-вторых, как явления кооперативного капитализма, в-третьих, как явления разных форм частновладельческого капитализма, в том числе «спекулятивно-ростовщического». С особой тревогой подчеркивалось, что нэп с поразительной быстротой порождает мелкобуржуазную стихию.

Выступающий в прениях коммунист Шеин подчеркивал, что нэп может быть долгим, но не окончательным этапом, но может «захлестнуть» и «захлестывает». А партийные товарищи, связанные по роду своей службы с новыми формами хозяйственной деятельности, отрываются от масс [11, л. 66].

Очень распространенным было мнение о тактическом смысле решений X съезда, якобы призванных в первую очередь стабилизировать политическую обстановку в стране; появилось выражение «экономический Брест», означающее вынужденный характер уступок крестьянству и их скорое аннулирование. На местах уже в 1922 г. ждали окончание отступления в рамках нэпа и отмечали усиление борьбы различных экономических укладов. Ставилась задача увеличения числа рабочих «от станка» в партии [12].

Особенно болезненно коммунистами на местах воспринималось появление предприятий разных форм собственности. Сдача предприятий в аренду рассматривалась как вынужденная мера, вызванная экономическим кризисом, отход от социалистических принципов. Местные партийные органы оказывали серьезное сопротивление сдаче предприятий в аренду частным лицам, в случае конкуренции преимущества были на стороне государственных и кооперативных организаций. Особенно негативно партийные органы относились к возвращению предприятий бывшим владельцам.

Основным тезисом парторганизаций в начале нэпа была экономическая конкуренция с частным капиталом на рынке путем производства более качественных и дешевых товаров. Но речь шла не о прекращении классовой борьбы, а об изменении ее форм и методов. Развитие частного предпринимательства контролировалось советскими и партийными органами и ограничивалось по принципу «кто-кого».

Большинство членов партии рассматривали частное предпринимательство как «досадую издержку» на пути к социализму. Рост частного капитала объяснялся ошибками, бесхозяйственностью, бюрократизмом руководителей государственных предприятий. На общем собрании коммунистов при Пугачевском уездном исполкоме партии бурное обсуждение вызвало заявление одного из выступающих о том, что ответственные работники, поговорив с нэпманом, «теряют революционный нюх». Выступающие в прениях коммунисты отмечали, что «на потерю революционного нюха» влияет та обстановка хозяйственной деятельности, когда тот или иной ответственный работник, «вращаясь в нэпе, заключает всевозможные торговые сделки» [13, л. 68].

Серьезные дискуссии проходили по следующему вопросу: «Могут ли коммунисты быть арендаторами?». Одна точка зрения – что члены партии, став арендаторами, будут стремиться к развитию производства. Но преобладало мнение, что коммунист-арендатор и рабочие окажутся по разные стороны «баррикад», что недопустимо с моральной точки зрения. Даже высказывались опасения, что члены партии будут превращаться в собственников, ставя под угрозу единство партии [14].

В начале нэпа еще большее беспокойство, чем аренда у местных партийных организаций, вызывало развитие кустарных промыслов. Создание артелей, товариществ Самарский губком рассматривал как «захват масс мелкобуржуазной стихией». Ставилась задача: «развертывания культурно-просветительской работы для борьбы с этими разъедающими массу язвами нэпа» [15].

Непосредственная работа коммунистов среди кустарей-одиночек была очень затруднена. Местные партийные организации использовали такие методы работы, как обсуждение проблем развития мелкой промышленности на заседаниях губкома, созыв беспартийных конференций, организация профессионально-технического образования кустарей.

На местах нередко и к промысловой кооперации коммунисты относились настороженно. Членов кооперативов относили к нетрудовой категории, так как «они пайщики, имеют собственное предприятие».

ЦК РКП(б) летом 1922 г. разослал губернским комитетам партии циркулярное письмо «О партработе на частных предприятиях». В нем региональным партийным организациям рекомендовалось развернуть на частных предприятиях активную политическую работу и воспитывать рабочих в духе классовой борьбы с частными предпринимателями [16]. На практике это сводилось к защите экономических интересов рабочих, охране труда, работе коммунистов-инспекторов. В случае выявленных нарушений частныхников привлекали к народному суду и этим делам придавали широкий агитационный характер.

Нередко более высокая зарплата на частных предприятиях способствовала привлечению квалифицированных рабочих, что вызывало негативную реакцию партийных органов и мешало развитию конструктивных экономических начинаний.

Но так как частные предприятия в основном были небольшими, то коммунистов на них было мало и для повышения эффективности работы использовались такие методы, как слияние мелких партийных ячеек, прикрепление партийных работников из советских учреждений. Но в основном работа партии велась через отраслевые профсоюзы.

В условиях кризиса 1923 г. был сделан вывод о том, что партия уделяла больше внимания политпросветработе, чем хозяйственной, из-за чего многое ушло от «зоркого глаза партии». Была поставлена задача усиления хозяйственной работы через партийные ячейки на предприятиях и усиления планового начала, особенно в вопросе регулирования цен [13, л. 6]. Экономический кризис заставил партийные организации обратить особое внимание на кадровый состав хозяйственных органов. Предлагалось усилить состав трестов членами партии «от станка», организовав для них учебные заведения для обучения коммерческой деятельности. Усиливаются административные методы работы, происходит подмена функций экономических органов.

Ставилась задача усиления налогового пресса на буржуазию, повышения цен на предметы роскоши. А при подготовке к перевыборам в Советы ставилась задача принять меры к тому, чтобы в Советы не проникли эксплуататорские элементы, которые активизировались в связи с нэпом [17].

Кризис сбыта обострил в местных партийных организациях вопрос о конкуренции государственного и частного сектора в экономике. В прениях на общегородском собрании Самары было сделано предложение каждые полгода рассматривать вопрос «кто возьмет верх – пролетарское государство или частный капитал?».

Со второй половины 1923 г. усиливается частный капитал и наемный труд в кустарной промышленности в области не только производства, но и сбыта. В этих условиях партийные организации активно поддерживали развитие промысловой кооперации под контролем государства для противодействия росту частного капитала в мелкой промышленности. Стержнем курса по отношению к частному капиталу стало его постепенное вытеснение по мере восстановления экономики и развития государственного сектора.

Противоречивая по своей сути новая экономическая политика, сочетающая многоукладный характер экономики с политическим господством одного класса при однопартийной системе, представляла сложности для ее глубокого понимания и усвоения. Многие партийные работники не смогли рассматривать нэп как развивающуюся систему. Возникло внутреннее противоречие между обязанностью коммуниста проводить в жизнь новую экономическую политику, с одной стороны, и собственными представлениями – с другой.

Анализ протоколов бюро Самарского губкома РКП(б) за 1921–1922 гг. показывает, что для малограмотных людей, пришедших к власти в период революции и гражданской войны, а именно они составляли большинство партийного и государственного аппарата на местах, психологически было сложно отказаться от привычной и простой схемы экономики «военного коммунизма». Отношение к нэпу в регионах оставалось настороженным, как к временному отступлению на пути строительства социализма. В итоге возобладал обновленный вариант политики «военного коммунизма». А понимание нэпа постепенно сводилось исключительно к борьбе с капиталистическими элементами и игнорированию диалектики и перспективы нового экономического курса.

Библиографический список

1. **Виноградов, С. В.** Начальный период новой экономической политики: теоретические дискуссии и практические результаты (март-декабрь 1921 г.) / С. В. Виноградов // Вестник Калмыцкого университета. – 2016. – № 2. – С. 24–31.

2. **Высоцкий, И. А.** Сущность и исторические последствия дискуссий по проблемам нэпа (по материалам фондов 20-х гг. государственного архива общественных движений) / И. А. Высоцкий // Вестник РУДН. Сер.: История России. – 2009. – № 5. – С. 76–81.
3. **Ленин, В. И.** Доклад о продовольственном налоге / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – М., 1970. – Т. 43. – С. 299–316.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П-36. Оп. 1. Д. 301. Л. 19.
5. **Ленин, В. И.** Речь при закрытии конференции 28 мая 1921 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – М., 1970. – Т. 43. – С. 340, 341.
6. Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 443. Л. 66.
7. ЦГАСО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 443. Л. 75.
8. **Уразова, С. А.** Изменение функций профсоюзов в начальный период нэпа / С. А. Уразова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 36–42.
9. ЦГАСО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 443. Л. 175.
10. ЦГАСО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 530. Л. 5.
11. ЦГАСО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 515.
12. ЦГАСО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 561. Л. 56.
13. ЦГАСО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1005.
14. ЦГАСО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2087. Л. 117.
15. ЦГАСО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1082. Л. 25.
16. О работе на частных предприятиях // Правда. – 1922. – 12 июля.
17. ЦГАСО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 832. Л. 31.

References

1. Vinogradov S. V. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of Kalmykia University]. 2016, no. 2, pp. 24–31.
2. Vysotskiy I. A. *Vestnik RUDN. Ser.: Istoriya Rossii* [Bulletin of RUDN. Series: Russian history]. 2009, no. 5, pp. 76–81.
3. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete collected works: in volumes]. Moscow, 1970, vol. 43, pp. 299–316.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO)* [State Archive of Penza Region (GAPO)]. F. P-36. Op. 1. D. 301. L. 19.
5. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete collected works: in volumes]. Moscow, 1970, vol. 43, pp. 340, 341.
6. *Tsentral'nyy Gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti (TsGASO)* [Central State Archive of Samara Region (TsGASO)]. F. P-1. Op. 1. D. 443. L. 66.
7. *TsGASO*. F. P-1. Op. 1. D. 443. L. 75.
8. Urazova S. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2011, no. 1 (17), pp. 36–42.
9. *TsGASO*. F. P-1. Op. 1. D. 443. L. 175.
10. *TsGASO*. F. P-1. Op. 1. D. 530. L. 5.
11. *TsGASO*. F. P-1. Op. 1. D. 515.
12. *TsGASO*. F. P-1. Op. 1. D. 561. L. 56.
13. *TsGASO*. F. P-1. Op. 1. D. 1005.
14. *TsGASO*. F. P-1. Op. 1. D. 2087. L. 117.
15. *TsGASO*. F. P-1. Op. 1. D. 1082. L. 25.
16. *Pravda* [Truth]. 1922, 12 Jul.
17. *TsGASO*. F. P-1. Op. 1. D. 832. L. 31.

Уразова Светлана Альбертовна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории Отечества, государства
и права, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: svieta.urazova@mail.ru

Urazova Svetlana Al'bertovna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of Russian, state
and law history, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Гарбуз Георгий Владимирович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории Отечества, государства
и права, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: ggarbuz@rambler.ru

Garbuz Georgiy Vladimirovich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of Russian, state
and law history, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 94(470+571)

Уразова, С. А.

Отношение региональных коммунистов к экономическим реформам в начальный период нэпа / С. А. Уразова, Г. В. Гарбуз // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 44–51. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-5.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ВКП(б) В 1930-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.: ВЫБОР ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность исследования определяется драматизмом социального восприятия исторического наследия сталинизма и противоречивостью становления организационно-хозяйственных форм рыночной экономики в России на рубеже XX–XXI вв., что объясняет устойчивый интерес к изучению содержания и результатов радикального изменения хозяйственного уклада в российской деревне в 1930-е – 1950-е гг. Цель исследования – систематизация и анализ объяснительных моделей отечественной исторической науки, характеризующих ключевые моменты аграрной политики большевиков в условиях ускоренной индустриализации в СССР.

Материалы и методы. В статье анализируются работы современных историков, посвященные изучению аграрной политики большевиков. Методология исследования построена на принципах системного подхода к рассмотрению вопросов истории советского общества.

Результаты. В конце XX – начале XXI в. в научный оборот были введены массивы не публиковавшихся ранее исторических источников, что способствовало расширению научных поисков в деле изучения аграрной политики, хозяйства и практик социального взаимодействия в советской деревне в 1930-х – начале 1950-х гг. Появляются десятки работ обобщающего характера. Но целостной непротиворечивой объяснительной модели пока еще не создано.

Выводы. Ведущими объяснительными моделями (стратегиями) современной историографии выступают разработка вопросов формирования политико-экономической системы сталинизма; изучение «квазисоциальной истории села»; анализ социального взаимодействия, коммуникативных практик, механизмов конструирования новой идентичности посредством большевистской пропаганды; изучение коллективизации в структуре более глобальных социальных процессов. Весьма перспективными направлениями исследования представляются следующие: характеристика социальной природы сталинизма, его обусловленности почвеннической патерналистской составляющей крестьянского сознания; изучение практик социально-политического взаимодействия, где крестьянство играет роль активного самоорганизующегося начала, субъекта конструирования новой политической реальности; анализ динамики повседневных социальных практик, психологии и сознания советской деревни в 1930-е гг., в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Ключевые слова: современная историография, коллективизация, СССР, 1930-е – начало 1950-х гг., концепции изучения аграрной политики, историографический анализ.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00125\18) «Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е – начале 1950-х гг.».

© 2018 Сухова О. А. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также таковые имеют место.

**THE AGRARIAN POLICY OF THE AUCP(b)
IN THE 1930s – EARLY 1950s:
CHOOSING A HISTORIOGRAPHICAL MODEL**

Abstract.

Background. The topicality of the study is determined by the social perception of the dramatic nature of the historical legacy of Stalinism and the contradictory nature of the organizational and economic forms establishment in the market economy in Russia at the turn of the 20th and 21st centuries, that explain the constant interest in studying the content and results of the radical change in the Russian village economic structure in the 1930s – 1950s. The aim of the research is systematization and analysis of Russian historical explanatory models that characterize the key moments of the Bolsheviks' agrarian policy in the conditions of accelerated industrialization in the USSR.

Materials and methods. The article analyzes the works of contemporary historians devoted to the study of the Bolsheviks' agrarian policy. The methodology of the study is based on the principles of the systematic approach to considering the history of the Soviet society.

Results. In the late XX – early XXI centuries the arrays of unpublished historical sources were introduced into scientific circulation, that were promoting the expansion of scientific searching in the study of agrarian policy, economy and social interaction practices in the soviet village since 1930s till early 1950s. Dozens of works of a generalizing nature were appearing. But a holistic, consistent explanatory model has not been created yet.

Conclusions. The leading explanatory models (strategies) of modern historiography are the development of questions on the formation of the political and economic system of Stalinism; the study of “quasi-social history of the village”; the analysis of social interaction, communication practices, mechanisms of the new identity construction through Bolshevik propaganda; the study of collectivization in the structure of more global social processes. Very promising research ways are the characteristic of the social nature of Stalinism, its conditionality by the soil paternalistic component of the peasant consciousness; the study of socio-political interaction practices, where the peasantry plays the role of an active self-organizing principle, a subject of new political reality construction; the analysis of the dynamics of everyday social practices, psychology and the Soviet village consciousness in the 1930s, during the great Patriotic war and in the postwar period.

Key words: modern historiography, collectivization, the USSR, 1930s – early 1950s, concept of studying agrarian policy, historiographic analysis.

Необходимость разработки теоретической модели, позволяющей адекватно оценить содержание и результаты коренного преобразования аграрного строя, беспрецедентного по своим масштабам и глубине цивилизационных сдвигов в национальной истории, имеет на сегодняшний день первостепенное значение. Сформировавшийся в исторической науке запрос определяется равно драматизмом социального восприятия исторического наследия сталинизма и противоречивостью становления организационно-хозяйственных форм рыночной экономики в России на рубеже XX–XXI вв. Добавляет остроту историографической ситуации наличие диаметрально противоположных оценок: историков, изучавших и изучающих политику коллективизации

в СССР, объединяет, пожалуй, лишь признание равнозначности по своим последствиям аграрных реформ 1930-х и революции 1917 г. [1, с. 291]. Ключевые мифологемы советской историографии 1930-х гг. об освобождении крестьянства от «жесточайшей эксплуатации кулака» и «бешенного сопротивления кулачества вплоть до применения террора», о массовой поддержке крестьянством мероприятий советской власти в деревне, закрепленные Кратким курсом истории ВКП(б), несколько потускнев и лишившись ярко выраженной экспрессивной окраски, сохранили свои позиции вплоть до середины 1980-х гг. Новации последующих десятилетий не выходили за означенные рамки и концентрировались на поиске доказательств преимуществ советской аграрной политики, а также уточнения периодизации реконструкции сельского хозяйства. Общую канву сложной, но, безусловно, прогрессивной модели преобразований не нарушали выводы ряда исследователей (В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий) о насильственных методах осуществления преобразований, ответственность за применение которых авторы делили между центральным и местным аппаратом управления [2, с. 61–63].

Современный этап развития российской историографии изучения советского крестьянства в 1930-х – начале 1950-х гг. охватывает период с начала 1990-х гг. и по настоящее время, что объясняется формированием определенной научной парадигмы, доминирующей в исследовательской практике и по сей день. Мерилом научных построений выступает концепция, заложенная еще в трудах В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого, И. Е. Зеленина и рассматривающая аграрную историю одного из циклов российской модернизации в координатах тотального вторжения государства в повседневную жизнь советской деревни, разрушившего основы крестьянской культуры, соизмеримого, пожалуй, с понятием геноцида по отношению к собственному народу [3, с. 228–254; 4]. Такой подход в условиях приобщения российских авторов к теоретическому наследию зарубежного крестьяноведения продуцирует соответствующие предметные области деревенских историй, связанные с поиском аргументации для доказательства провальной (кризисной) неэффективности и альтернативных стратегий экономической политики, описанием практик крестьянского сопротивления государственному насилию. Вместе с тем нельзя не отметить постепенной эволюции сюжетов, оценок и мнений. Это отчетливо проявилось в ходе работы теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», пятнадцать заседаний которого прошли под руководством В. П. Данилова и Т. Шанина в 1992–2000 гг. Если первые заседания акцентировали внимание исследователей на необходимости дефиниции категории крестьянства (в контексте «моральной экономики» и т.д.), затем дискурс рассматриваемой проблематики сместился в плоскость обсуждения альтернатив советского аграрного развития на рубеже 1920-х – 1930-х гг. В публикуемых материалах по обсуждению монографии Г. Хантера, Я. Ширмера «Негодные основы. Советская экономическая политика. 1928–1940» (Принстон, 1992) политика большевиков по «принудительной организации крестьян в колхозы» была названа самым разрушительным фактором в советской аграрной истории, препятствовавшим, а не способствовавшим индустриальному росту страны. Взяв за основу экономико-математическую модель советского сельского хозяйства без коллективизации, авторы уверенно доказывают большую продуктивность производства и существ-

венно более высокий уровень жизни [5, с. 163–198]. В последующие годы приходит понимание необходимости пересмотра не только аграрной истории, но и социальной истории России вообще. Предваряя этими словами начало работы последнего семинара, В. П. Данилов отметил, что исходным моментом революционных перемен в стране в начале XX в. выступает крестьянская революция [5, с. 694]. Находит поддержку представление о многопричинности аграрного кризиса и голода в СССР в начале 1930-х гг. [5, с. 643].

В контексте планируемого исследования представляется важным остановиться на концепции М. Левина. Обсуждение его монографии «Российские крестьяне и Советская власть. Исследование коллективизации» (Нью-Йорк; Лондон, 1975) состоялось на четвертом заседании теоретического семинара в 1993 г. В рамках развернувшейся дискуссии М. Левин при анализе коренного перелома в советской экономической политике предложил исходить из тесно связанных друг с другом явлений «архаизации» общественно-государственного строя и «этатизации» советского сельского хозяйства. Термины «феодализм» и «барщина», по его мнению, не соответствовали сложившейся практике, хотя бы по причине высокой социальной мобильности. Однако именно ситуация в деревне послужила основой для введения подневольного лагерного труда в экономике в целом. С другой стороны, не стоит игнорировать и мощнейшее по своей силе воздействие на власть «снизу». «Крестьянство ушло в историю, но это как раз то прошлое, которое очень мощно влияет (чтобы не сказать “давит”) на настоящее – через культуру, через тип личности и социальную психологию советских людей, – отметил М. Левин. – Например, когда я писал о таком свойстве истории России, как “аграрный деспотизм”, я отнюдь не имел в виду, что крестьянство напрямую диктовало властям направления и формы осуществления политики (хотя бывало и такое). Просто будучи тем, чем они были, крестьяне своей культурой, производительностью и т.п. создавали для режима некую структурную решетку со всеми вытекающими отсюда задачами и препонами» [5, с. 287–289, 311].

Подобные оценки советского прошлого получили дальнейшее развитие в трудах В. В. Бабашкина. Так, проведенный автором контент-анализ огромного массива крестьянских писем в журнал «Крестьянка» и «Крестьянская газета» в 1923–1924 гг. позволил выявить «государственно-централистскую» направленность крестьянского сознания, ориентированного на помощь сверху, а не на собственные силы. Иллюзорные перспективы возможного переустройства советской деревни государству подсказало само крестьянство, транслируя свои предпочтения посредством селькоровского движения (скажем, идея трансформации крестьян в рабочих). Реалии коллективизации во многом оказались неожиданными как для крестьянской деревни, так и для большевистского руководства: «Обе стороны вынуждены были прибегать к весьма разнообразным стратегиям приспособления к колхозной реальности. И эти стратегии заслуживают отдельного и очень тщательного исследования для лучшего понимания, как и за счет чего осуществлялась реальная, а не потенциально возможная модернизация» [6, с. 81; 7, с. 42].

Акцент на насильственных методах проведения коллективизации, на превентивном характере раскулачивания как направления политики по отношению к курсу сплошного колхозного строительства сохранился в фундаментальной монографии И. Е. Зеленина [8].

Определенный срез достижений современной историографии политики коллективизации представлен в работе Н. Л. Рогалиной. Приоритетным в понимании процесса, по мнению автора, является спонтанный характер преобразований, возникших стихийно из политических практик, связанных с хлебозаготовительным кризисом, форсированием индустриализации, с утверждением режима личной власти И. В. Сталина. Раскулачивание, разжигание классовой войны в деревне и последующее широкомасштабное социалистическое строительство стали для руководства в первую очередь инструментом кризисного управления, но отнюдь не способом развития аграрного сектора экономики и повышения качества жизни в СССР [9, с. 186].

Некая полярность суждений, присутствующая в работах рубежа XX–XXI вв., свидетельствует о постепенной кристаллизации ряда направлений в отечественной историографии. В контексте ключевой проблемы аграрной истории СССР – коллективизации – Н. Г. Кедров выявил формирование четырех обособленных исследовательских стратегий. Первая и самая масштабная по количеству авторов и работ представлена разработкой конкретно-исторических исследований в рамках парадигмы, сформировавшейся в 1990-е гг. (В. А. Ильиных, С. А. Есиков, В. В. Кондрашин, Т. Д. Надькин) [10, с. 14]. На наш взгляд, более точным критерием интеграции выступает разработка вопросов формирования политико-экономической системы сталинизма. В частности, в рамках проекта «История сталинизма» В. В. Кондрашин опубликовал ряд монографий, в том числе о хлебозаготовительной политике в годы первой пятилетки. Особенности и последствия национальной трагедии – голода 1932–1933 гг. – автор исследует, выделяя в качестве основной причины практику хлебозаготовок. Особый драматизм ситуации в стране добавили проблемы, возникшие в аграрном секторе, и коллективизация пошла не по тому сценарию, что задумывали ее инициаторы. Мерилом социальных издержек послужили историческое наследие и природа утвердившегося сталинского режима [11, 12]. В этом же русле выдержана монография, посвященная истории создания политотделов МТС в 1933–1934 гг. Как отмечает автор, слабость административного ресурса напех созданной системы, ставшая столь очевидной в условиях голодовки и угрожавшая тотальным экономическим коллапсом, потребовала введения карательных мер в отношении «организаторов расхищения общественной собственности и саботажа мероприятий партии и правительства» [13, с. 49]. Роль кризисного управляющего, стабилизатора колхозной системы в сложный для страны период выполнили политотделы МТС, сформированные из кадрового корпуса ОГПУ и наделенные чрезвычайными полномочиями [13, с. 280, 281].

Вторая стратегия выражена попытками создания работ по «квазисоциальной истории села» (С. И. Савельев, Г. Ф. Доброноженко, В. А. Бондарев). Создание конкретно-исторических исследований, заметно меняющих предметное поле рассматриваемой проблемы, привносит в него теоретические новации современности, в частности крестьянство рассматривается как актор социальной действительности, а не пассивный объект государственного диктата: изучение системы управления деревней (М. Н. Глумная); самоорганизация крестьянского сообщества (Т. В. Еферина) и т.д. [10, с. 14].

Собственные работы, посвященные анализу социального взаимодействия, коммуникативных практик, механизмов конструирования новой иден-

тичности посредством большевистской пропаганды, Н. Г. Кедров отнес к третьей исследовательской стратегии. Советская политическая пропаганда характеризуется автором не только как инструмент подчинения, включения крестьянства в социальный и культурный проект, но и как презентация доступных и санкционированных властями стратегий поведения в новой, непривычной ситуации, в том числе и для освобождения от традиционных этических запретов, в целях борьбы за выживание, сведения счетов, решения конкретных повседневных проблем, а также как определенный «символ веры», столь необходимый в процессе формирования гражданской идентичности [14, с. 248, 249].

И, наконец, четвертая стратегия предполагает встраивание концепции коллективизации в структуру более глобальных социальных процессов (вариативность трактовок эволюции аграрного строя России в XX в. представлена в исследованиях двух научных школ: новосибирской (В. А. Ильиных) и вологодской (М. А. Безнин, Т. М. Димони)) [10, с. 14].

Предложенное деление на обособленные стратегии довольно условно. Так, М. А. Безнин, Т. М. Димони, заявив о новом подходе к экономической истории российской колхозно-совхозной деревни и отмечая капиталистичность ее экономического механизма, повинностный характер производственных отношений первого колхозного 25-летия, многоукладность и товаризацию сельского хозяйства на протяжении 1930-х – 1980-х гг., предложили глобальную концепцию истории советской деревни, окончательно перешедшей к модернизационной индустриальной ступени своего развития в середине 1960-х гг. С тем же успехом исследования этих авторов можно отнести и ко второй стратегии. Они последовательно разрабатывают новую социальную историю, выделив пять основных социальных групп сельского населения: протобуржуазию, менеджеров, интеллектуалов, трудовую аристократию, сельских полупролетариат и пролетариат [15]. Особое внимание исследователи уделяют изучению повинностей советского крестьянства, принимая тезис о феодализации производственных отношений. По словам М. А. Безнина и Т. М. Димони, «оброки» – госпоставки – были отменены в СССР лишь в 1958 г., а «барщина» продолжала существовать вплоть до конца 1960-х гг. [16]. К аналогичным выводам приходит и В. А. Бондарев, определяя колхозное крестьянство в 1930-е – 1950-е гг. как «тягловое-податное сословие (или по крайней мере квазисословие) сталинского государства» [17, с. 50].

Отметим, что в современной историографии хронологическая целостность сталинской аграрной политики в рамках 1930-х – начала 1950-х гг. представлена фактом, не требующим дополнительных доказательств. В частности, В. А. Ильиных категории внеэкономического принуждения, применяемого в качестве основного способа изъятия земельной ренты, и рефеодализации системы налогообложения деревни, заключавшейся в возвращении к сословности обложения, натуральным и отработочным его формам, четко фиксирует применительно ко всему периоду 1930-х – середины 1950-х гг. Примечательно, что автор весьма скептически оценивает результативность пропаганды и репрезентаций официальной культуры в эту эпоху: «Для большинства крестьян прикосновение к официальной культуре заключалось в хождении на “торжественные” собрания в сельский клуб и слушании безграмотных речей записных советских пропагандистов». Общими тенденциями аг-

рарного развития России, особенно отчетливо проявившимися уже в после-сталинский период, по мнению В. А. Ильиных, становятся огосударствление аграрного строя страны и деградация многовековых общинных традиций. Окончательная трансформация крестьянства в государственных сельскохозяйственных наемных рабочих, упадок общинного менталитета и традиционной культуры происходят в 1970-е гг. [18, с. 133, 136, 138–140].

Стремительная революция сверху, а именно так В. А. Ильиных характеризует коллективизацию, спровоцировала радикальную трансформацию аграрного строя страны. Уже во второй половине 1931 г., по мнению автора, экономика сельскохозяйственных районов СССР «в целом перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство – ее базовой производственной ячейкой» [19, с. 625].

В рамках концепции «аграрного перехода» Г. Е. Корнилов изложил несколько иное видение модернизационных процессов в истории российского села. Предложенная им периодизация агроперехода охватывает три фазы: 1-я – конец XIX – середину XX в., 2-я – середину XX в. – конец 1980-х гг.; 3-я – начало 1990-х – начало 2000-х гг. Специфические черты и длительность первой фазы объясняются затяжным и экстремальным характером трансформаций в эпоху войн и революций, возвратной динамикой к архаичным стратегиям выживания. Как можно заметить, автор дистанцируется от политизированных трактовок и приоритетов, включая в структуру агроперехода экономическую, демографическую, политическую, культурную, социальную, правовую трансформации. Системный подход и равновесное положение элементов позволили Г. Е. Корнилову разработать оригинальную модель социокультурной истории советской деревни [20].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что два десятилетия научных поисков способствовали существенному приросту нового знания в вопросах изучения аграрной политики, хозяйства и практик социального взаимодействия в советской деревне, но задача разработки целостной непротиворечивой объяснительной модели, равномерно отражающей процессы на отдельных временных отрезках 1930-х – начала 1950-х гг., пока также далека от своего завершения, как и в начале этого пути. В частности, осталась на периферии исследовательского интереса проблема социальной природы сталинизма, его обусловленности почвеннической патерналистской составляющей крестьянского сознания. Только обозначены едва заметные горизонты изучения практик социально-политического взаимодействия, где крестьянству отведена роль не жертвенного агнца, но активного самоорганизующегося начала, субъекта конструирования новой политической реальности. Практически отсутствуют труды обобщающего порядка, в которых изучались бы социальная динамика и особенности развития крестьянского хозяйства, повседневности, психологии и сознания советской деревни в 1930-е гг., в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Библиографический список

1. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М. : Писатель, 1997. – 352 с.
2. **Мельникова, Т. А.** Историография аграрной политики СССР 30-х гг. / Т. А. Мельникова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2009. – № 2. – С. 61–71.

3. **Данилов, В. П.** Коллективизация: как это было / В. П. Данилов // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. – М. : Политиздат, 1989. – 447 с.
4. **Ивницкий, Н. А.** Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н. А. Ивницкий. – М. : Магистр, 1996. – 285 с.
5. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 743 с.
6. **Бабашкин, В. В.** Коллективизация крестьянского хозяйства как отечественный вариант модернизации аграрных обществ / В. В. Бабашкин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 2. – С. 78–82.
7. **Бабашкин, В. В.** К вопросу об «аграрном деспотизме» / В. В. Бабашкин // Сталинизм и крестьянство : сб. науч. ст. и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П. П. Марчени, С. Ю. Разина. – М. : Изд-во Ипполитова, 2014. – С. 38–48.
8. **Зеленин, И. Е.** Сталинская «революция сверху» после «великого перелома» 1930–1939: политика, осуществление, результаты / И. Е. Зеленин. – М. : Наука, 2006. – 315 с.
9. **Рогалина, Н. Л.** Коллективизация в свете новых документальных публикаций и современной историографии / Н. Л. Рогалина // XX век и сельская Россия. – Токио, 2012. – Вып. 2. – С. 186–231.
10. **Кедров, Н. Г.** Российская историография коллективизации крестьянства: проблемы изучения / Н. Г. Кедров // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2017. – № 1 (4). – С. 12–16.
11. **Кондрашин, В. В.** Голод 1932–1933 годов. Трагедия российской деревни / В. В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2008. – 519 с.
12. **Кондрашин, В. В.** Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933) / В. В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2014. – 353 с.
13. **Кондрашин, В. В.** Политотделы МТС в 1933–1934 гг. / В. В. Кондрашин, О. Б. Мозохин. – М. : Русская книга, 2017. – 304 с.
14. **Кедров, Н. Г.** Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы / Н. Г. Кедров. – М. : Политическая энциклопедия, 2013. – 280 с.
15. **Безнин, М. А.** Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни) / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Вологда : Легия, 2008. – 56 с.
16. **Безнин, М. А.** Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Российская история. – 2002. – № 2. – С. 96–111.
17. **Бондарев, В. А.** О квазисословном статусе колхозного крестьянства «сталинской» эпохи (1930-е – начало 1950-х годов) / В. А. Бондарев // Сталинизм и крестьянство : сб. науч. ст. и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П. П. Марчени, С. Ю. Разина. – М. : Изд-во Ипполитова, 2014. – С. 49–58.
18. **Ильиных, В. А.** Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы / В. А. Ильиных // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 130–141.
19. **Ильиных, В. А.** Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации / В. А. Ильиных // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI. – М. ; Брянск : РИО БГУ, 2012. – С. 620–629.
20. **Корнилов, Г. Е.** Аграрная модернизация России в XX веке / Г. Е. Корнилов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и осо-

бенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI. – М. ; Брянск : РИО БГУ, 2012. – С. 607–620.

References

1. *Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkiy kurs* [Proceedings of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A brief course]. Moscow: Pisatel', 1997, 352 p.
2. Mel'nikova T. A. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socioeducational thought]. 2009, no. 2, pp. 61–71.
3. Danilov V. P. *Stranitsy istorii sovetskogo obshchestva: Fakty, problemy, lyudi* [Pages of the history of the Soviet society: Facts, problems, people]. Moscow: Politizdat, 1989, 447 p.
4. Ivitskiy N. A. *Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 30-kh godov)* [Collectivization and dispossession of the kulaks (early 1920s)]. Moscow: Magistr, 1996, 285 p.
5. *Sovremennoe krest'yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke* [Modern studies of peasantry and the agrarian history of Russia in the XX century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2015, 743 p.
6. Babashkin V. V. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2009, no. 2, pp. 78–82.
7. Babashkin V. V. *Stalinizm i krest'yanstvo: sb. nauch. st. i materialov kruglykh stolov i zasedaniy teoreticheskogo seminara «Krest'yanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii»* [Stalinism and the peasantry: collected articles and materials of round tables and sessions of the theoretical seminar “The peasantry issue in the Russian and world history”]. Moscow: Izd-vo Ippolitova, 2014, pp. 38–48.
8. Zelenin I. E. *Stalinskaya «revolyutsiya sverkhu» posle «velikogo pereloma» 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezul'taty* [Stalin's “revolution from the top” after “the great break” 1930–1939: policy, implementation, results]. Moscow: Nauka, 2006, 315 p.
9. Rogalina N. L. *XX vek i sel'skaya Rossiya* [The XX century and a rural Russia]. Tokio, 2012, iss. 2, pp. 186–231.
10. Kedrov N. G. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Vologda State University. Series: Humanities, social, pedagogical sciences]. 2017, no. 1 (4), pp. 12–16.
11. Kondrashin V. V. *Golod 1932–1933 godov. Tragediya Rossiyskoy derevni* [The famine of 1932–1933. A tragedy of the Russian village]. Moscow: ROSSPEN, 2008, 519 p.
12. Kondrashin V. V. *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoy pyatiletki i ee rezul'taty (1929–1933)* [The bread procurement policy during the first five-year plan and its results (1929–1933)]. Moscow: ROSSPEN, 2014, 353 p.
13. Kondrashin V. V., Mozokhin O. B. *Politotdely MTS v 1933–1934 gg.* [Political departments of machine and tractor stations in 1933–1934]. Moscow: Russkaya kniga, 2017, 304 p.
14. Kedrov N. G. *Lapti stalinizma. Politicheskoe soznanie krest'yanstva Russkogo Severa v 1930-e gody* [Bast shoes of Stalinism. Political consciousness of the peasantry of the Russian North in 1930s]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2013, 280 p.
15. Beznin M. A., Dimoni T. M. *Protoburzhuaziya v sel'skom khozyaystve Rossii 1930–1980-kh godov (novyy podkhod k sotsial'noy istorii Rossiyskoy derevni)* [Protobourgeoisie in the agriculture of Russia in 1930–1980 (a new approach to the social history of the Russian village)]. Vologda: Legiya, 2008, 56 p.
16. Beznin M. A., Dimoni T. M. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2002, no. 2, pp. 96–111.
17. Bondarev V. A. *Stalinizm i krest'yanstvo: sb. nauch. st. i materialov kruglykh stolov i zasedaniy teoreticheskogo seminara «Krest'yanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy*

- istorii*» [Stalinism and the peasantry: collected articles and materials of round tables and sessions of the theoretical seminar “The peasantry issue in the Russian and world history”]. Moscow: Izd-vo Ippolitova, 2014, pp. 49–58.
18. Il'inykh V. A. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2012, no. 1, pp. 130–141.
19. Il'inykh V. A. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2012 god: Tipologiya i osobennosti regional'nogo agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy X–XXI* [Yearbook of agrarian history of Eastern Europe. 2012: Typology and features of the regional agrarian development of Russia and Eastern Europe in the X–XXI centuries]. Moscow; Bryansk: RIO BGU, 2012, pp. 620–629.
20. Kornilov G. E. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2012 god: Tipologiya i osobennosti regional'nogo agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy X–XXI* [Yearbook of agrarian history of Eastern Europe. 2012: Typology and features of the regional agrarian development of Russia and Eastern Europe in the X–XXI centuries]. Moscow; Bryansk: RIO BGU, 2012, pp. 607–620.

Сухова Ольга Александровна

доктор исторических наук, профессор,
декан историко-филологического
факультета, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: savtemp@yandex.ru

Sukhova Ol'ga Aleksandrovna

Doctor of historical sciences, professor,
dean of the Faculty of History, Languages
and Literature, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 93/99 (093.32)

Сухова, О. А.

Аграрная политика ВКП(б) в 1930-х – начале 1950-х гг.: выбор историографической модели / О. А. Сухова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 52–61. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-6.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РСФСР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ В 1990–1993 гг.

Аннотация.

Актуальность и цели. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. в истории России характеризуется либерализацией государственно-конфессиональных отношений, изменивших, в частности, государственную политику в отношении традиционных для нашего государства православия и ислама. Актуальнейшим в данный период является рассмотрение взаимодействия государства с Русской православной церковью (РПЦ) и мусульманской общиной в 1990–1993 гг., когда в тяжелейших условиях распада СССР и политического противоборства происходило государственно-правовое становление постсоветской России, завершившееся закреплением ее конституционного строя. Цель статьи заключается в сравнительном исследовании государственно-церковной и государственно-исламской политики РСФСР и Российской Федерации в 1990–1993 гг.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели использованы как неопубликованные архивные документы, так и опубликованные источники. Основным источником для статьи послужили материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации (документы официального делопроизводства органов государственной власти и конфессиональных организаций и др.), которые впервые вводятся в научный оборот. Исследование основывается на принципе историзма, сравнительно-историческом и описательном методах, благодаря которым выявлена содержательная сторона тематики исследования.

Результаты. В статье определены основные тенденции государственной политики РСФСР и Российской Федерации в отношении РПЦ и мусульманской общины в 1990–1993 гг. Выявлены факторы, влияющие на ее формирование, дана историческая характеристика рассматриваемым процессам в контексте перехода от социализма к демократическим преобразованиям в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Выводы. В 1990–1991 гг. наряду с реформированием государственного аппарата РСФСР происходило введение демократического религиозного законодательства, что позволило властям проводить политику социального партнерства в отношении РПЦ и мусульманских организаций. Период 1990–1993 гг. характеризуется поддержкой российскими властями организационно-культурного возрождения РПЦ и мусульманской общины, а также привлечением их к социальному партнерству по разрешению межнациональных проблем на Северном Кавказе, политического кризиса и распада страны, а также обеспечения национальной безопасности России вследствие угроз международного и внутрироссийского радикального ислама.

Ключевые слова: государственная политика, конфессии, православие, ислам, Русская православная церковь, мусульманская община.

**THE STATE POLICY OF THE RSFSR
AND THE RUSSIAN FEDERATION REGARDING
THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
AND THE MUSLIM COMMUNITY IN 1990–1993**

Abstract.

Background. The end of the 1980s – early 1990s in the history of Russia is characterized by the liberalization of state-confessional relations, which, in particular, changed the state policy regarding the traditional (for Russia) Orthodoxy and Islam. The most urgent in this period is the consideration of the interaction of the state with the ROC and the Muslim community in 1990–1993, when in the hardest conditions of the collapse of the USSR and political confrontation, the state-legal formation of post-Soviet Russia occurred, culminating in the consolidation of its constitutional system. The purpose of the article is to compare the state-church and state-Islamic policies of the RSFSR and the Russian Federation in 1990–1993.

Materials and methods. To achieve this goal, both unpublished archival documents and published sources were used. The main source for the article was materials from the funds of the State Archives of the Russian Federation (documents of official records management of government bodies and confessional organizations, etc.), which are first introduced into scientific circulation. The research is based on the principle of historicism, comparative-historical and descriptive methods, thanks to which the content side of the research subject was revealed.

Results. The article outlines the main trends in the state policy of the RSFSR and the Russian Federation in relation to the ROC and the Muslim community in 1990–1993. The factors influencing its formation are revealed, the historical characteristics of the processes under consideration in the context of the transition from socialism to democratic transformations in the sphere of state-confessional relations are given.

Conclusions. In 1990–1991, along with the reform of the state apparatus of the RSFSR, the introduction of democratic religious legislation, which allowed the authorities to pursue a policy of social partnership in relation to the ROC and Muslim organizations. The period 1990–1993 characterized by the support of the Russian authorities for the organizational and cultural revival of the ROC and the Muslim community, as well as their involvement in social partnership in resolving inter-ethnic problems in the North Caucasus, political crisis and the collapse of the country, as well as ensuring Russia's national security as a result of threats from international and domestic radical Islam.

Kew words: state policy, faiths, Orthodoxy, Islam, the Russian Orthodox Church, the Muslim community.

Судьбоносными и переходными в конфессиональной политике российского государства стали 1990–1993 гг., когда власти РСФСР, а затем Российской Федерации стремились сформировать новую «постсоветскую модель» конфессиональной политики (в том числе в отношении РПЦ и мусульманских организаций).

В статье объект исследования ограничивается именно территориальными рамками РСФСР, а не СССР вследствие неразрывной связи, проводимой в РСФСР начала 1990-х гг. конфессиональной политики в отношении православия и ислама с соответствующими последующими процессами в Российской Федерации.

Стоит отметить, что демократизация религиозной политики прослеживалась еще во время горбачевской перестройки 1985–1991 гг. В частности, в конце 1980-х гг. государственная политика возрождения православия и ислама в СССР превратила данные религии из оппонентов в сторонников властей, хранителей нравственных устоев в обществе. Тогда в налаживании данного сотрудничества решающую роль сыграла поддержка ЦК КПСС празднования в 1988 г. тысячелетия крещения Руси, а в 1989 г. – торжеств по случаю принятия ислама Волжской Булгарией и 200-летия Духовного управления европейской части России и Сибири [1, с. 300, 301].

Однако в период перестройки власть в отношении православия и ислама все же действовала непоследовательно без продуманной программы действий.

Новое же руководство РСФСР во главе с Б. Н. Ельциным в 1990–1991 гг., напротив, для победы в политическом противостоянии с союзным центром начало более благожелательно относиться к РПЦ и исламу. Более того, именно в 1990–1991 гг., в контексте курса на отделение РСФСР из состава СССР, командой Б. Н. Ельцина были заложены организационно-правовые основы зарождения и становления в будущей Российской Федерации новой модели государственно-церковных и государственно-исламских отношений.

Во-первых, данные процессы выражались в реформировании «старых» органов государственной власти РСФСР по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений путем их реорганизации, упразднения и создания новых.

Так, 14 июля 1990 г. Государственный комитет РСФСР по национальным вопросам был преобразован в Государственный комитет РСФСР по делам национальностей. Вскоре Указом Президента РСФСР Б. Н. Ельцина от 28 ноября 1991 г. на базе Госкомитета РСФСР по делам национальностей был образован Госкомитет РСФСР по национальной политике [2, л. 88].

24 августа 1990 г. Совет Министров РСФСР приступил к ликвидации республиканского Совета по делам религий, завершившейся в декабре 1990 г. Полномочия данной структуры в области государственно-конфессиональной политики были распределены между Комитетом Верховного Совета по вопросам свободы совести, вероисповедания, милосердия и благотворительности РСФСР и Экспертно-консультационным советом при Комитете Верховного Совета РСФСР [3, с. 725].

Во-вторых, вышеуказанные организационно-правовые основы заключались в проведении властями радикальных демократических законодательных преобразований в области конфессиональной политики.

Эпохальным в этом плане стал Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г., провозгласивший на основе общепризнанных принципов международного права не только свободу вероисповеданий граждан, но и отделение религиозных объединений от государства, светский характер государственной системы образования. Впоследствии данные принципы вошли в состав принятой в ноябре 1991 г. Декларации прав и свобод человека и гражданина, а позднее были детально проработаны в Конституции РФ 1993 г. [1, с. 301, 302].

На создаваемые органы власти в качестве первоочередных задач возлагалось решение проблем межнациональных отношений, возникших в результате распада СССР.

Впоследствии о важности данного вопроса в своем выступлении 14 сентября 1991 г. на заседании Верховного Совета РСФСР заявил Президент РСФСР Б. Н. Ельцин, отметивший, что «в настоящий период одной из сложнейших проблем России являются межнациональные отношения», для урегулирования которых «интегрирующую роль должны сыграть новые структуры исполнительной власти» [2, л. 49].

Вместе с этим одним из важнейших направлений национальной политики РСФСР становится конфессиональное, где основное значение занимало налаживание конструктивного взаимодействия с РПЦ и исламом.

Первоочередным сторонником власти РСФСР хотели видеть РПЦ, отдавая исламу второстепенную роль как религии меньшинства, в чем, безусловно, прослеживалась преемственность дореволюционной исторической традиции, когда церковь выступала носителем национально-государственной идеологии.

Учитывая данный фактор и поддерживая начавшееся во второй половине 1980-х гг. возрождение православного христианства, с 1990 г. власти РСФСР способствуют полноценному приходу РПЦ в «мир», выразившемуся в начале священнического служения в образовательных, правоохранных, пенитенциарных учреждениях и вооруженных силах, массовом распространении религиозной литературы [1, с. 303].

Более того, принятый вышеуказанный Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» был более лоялен к РПЦ и другим религиозным организациям наряду с аналогичным общесоюзным правовым актом от 1 октября 1990 г., который не предусматривал религиозного обучения в светской школе и альтернативную военную службу.

Также в интересах РПЦ после личного приема 20 декабря 1990 г. Председателем Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельциным Патриарха Алексия II праздничным днем был объявлен праздник Рождества Христова [1, с. 304].

В 1991 г. состоялись события, свидетельствующие о дальнейшем налаживании сотрудничества церкви и государства. Так, 30 мая 1991 г. состоялось фактическое юридическое признание православной конфессии (регистрация Устава РПЦ), а 10 июля того же года Патриарх Алексий II был приглашен на церемонию вступления Б. Н. Ельцина в должность Президента РСФСР, где выразил надежду, что новая власть будет способствовать дальнейшей поддержке Церкви [4, с. 38].

В контексте сближения властей РСФСР и руководства РПЦ было принятие Б. Н. Ельциным решения о предоставлении для использования с 15 ноября 1991 г. Московской Патриархией храмов Московского Кремля [4, с. 39].

Новое толерантное религиозное законодательство позволило также начать процесс интеграции мусульманской уммы в политическое русло РСФСР. При поддержке властей, помимо реисламизации представителей мусульманской культуры, широкое распространение с начала 1990 г. набирает формирование положительного образа ислама в печатных и радиоэлектронных СМИ. Например, в 1990 г. Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) возобновило издание дореволюционной газеты «Маглюмат», а также появилась одна из первых радиопередач «Саут-Ислам – Голос Ислама» на «Радио России» [5, с. 116–122].

В тоже время, в отличие от возрождения православия, к восстановлению позиций ислама в обществе как религии меньшинства власти РСФСР относились менее заинтересованно. Возрождение мусульманской общины воспринималось как элемент соответствующего единого процесса общегосударственного религиозного ренессанса, не таящего в себе какой-либо опасности.

Однако вскоре стало очевидно, что «исламский ренессанс» породил рост этнонационалистических настроений, его радикализацию, особенно в регионах Северного Кавказа, где происходило распространение не свойственных горским народам, исповедующим местный традиционный ислам, течения салафия, к чему российские власти сначала оказались совершенно не готовы.

Подобное положение дел усугублялось отсутствием у мусульманского сообщества единого централизованного института, который заменили быстро образуемые и конкурирующие между собой духовные управления, что осложняло налаживание конструктивного взаимодействия властей с исламом.

Образование 25 декабря 1991 г. Российской Федерации определило начало попыток складывания системной российской государственной политики, в частности религиозной, находившейся в 1990–1991 гг. под контролем противостоящих друг другу руководителей СССР и РСФСР.

При этом в рамках единой национальной политики урегулирование конфессионального фактора власти Российской Федерации рассматривали «как крупномасштабную консолидирующую основу, поле притяжения и единения всех поколений, возрастных и социальных групп, их духовного и нравственного сближения и на этой основе преодоления сепаратизма, национализма и всяких форм шовинизма» [6, л. 7].

В этих целях 3 апреля 1992 г. при Правительстве РФ была образована координационная комиссия по вопросам вероисповеданий, в состав которой вошли представители РПЦ, ислама и других религиозных организаций Российской Федерации.

Основными направлениями деятельности данной комиссии стали обеспечение равенства, взаимопонимания и терпимости между вероисповеданиями; подготовка предложений по разработке религиозного законодательства; оказание религиозным организациям содействия в достижении договоренности с органами государственного управления по спорным вопросам, в том числе связанным с возвращением конфискованного советской властью культурного имущества.

Тем не менее, несмотря на провозглашение важности конфессионального фактора в обществе и паритетного положения между православием, исламом и другими религиями, в действительности со стороны государства происходило не равноценное отношение к ним.

К примеру, благодаря поддержке координационной комиссии по вопросам вероисповеданий при Правительстве РФ в Указе Президента РФ от 16 июля 1992 г. «О создании фонда возрождения Москвы» первоочередной задачей стало восстановление храма Христа Спасителя. В свою очередь многочисленные обращения в 1992 г. Президента Исламского центра г. Москвы Р. Гайнутдина в Правительство РФ по поводу возвращения мусульманской общине экспроприированного в 40-е гг. XX в. здания «Дома Асадулаева» остались без ответа [7, л. 26].

При этом в одном из писем, которое было адресовано первому вице-премьеру Правительства РФ Г. Э. Бурбулису, Р. Гайнутдин выразил серьезную озабоченность игнорированием просьб мусульман, касающихся возвращения конфискованного советской властью имущества мусульманской общины. Данная ситуация, отметил Р. Гайнутдин, «многими моими единовверцами оценивается как оскорбление религиозных и национальных чувств». Это может спровоцировать «более решительные меры», которые, по словам Р. Гайнутдина, не могут его «не волновать и не беспокоить».

В условиях «унаследования» Российской Федерацией от СССР сложной межнациональной обстановки подобные межрелигиозные разногласия могли способствовать более серьезным межэтническим конфликтам, имевшим место быть в тогдашней России.

Понимание вышеуказанных процессов отчетливо прослеживается в письме от 26 марта 1992 г. Председателя государственного комитета по делам национальностей В. А. Тишкова в Администрацию Президента РФ, в котором «локальный характер вспыхивающих в России этнических конфликтов» оценен как несущее «разрушительное воздействие в пределах общегосударственных масштабов», что препятствует «рождению новой российской государственности» [6, л. 7].

Причем институты гражданского общества, в частности традиционные конфессии, согласно позиции В. А. Тишкова, должны способствовать «решению вопроса трансформации нынешних и потенциальных конфликтов в России в формы межэтнического сотрудничества и кооперации, общероссийского согражданства» [6, л. 8].

В то же время нельзя утверждать, что в 1992–1993 гг. российские власти не проводили конструктивную политику в отношении ислама. Неоспоримо, что российская умма не была столь приближена к власти, как РПЦ, что выразилось в более значительной ее имущественной и финансовой поддержке. В этом плане показательным также стало присутствие с 1992 г. Президента РФ Б. Н. Ельцина и других высших должностных лиц на пасхальных и рождественских богослужениях. Однако в начале 1990-х гг. было и немало примеров возвращения зданий, исторически принадлежащих мусульманской общине, строительства новых мечетей [8, л. 23, 24].

Немаловажным направлением конфессиональной политики Российской Федерации становится также организация хаджа российских мусульман. Так, 17 февраля 1993 г. консул России в Саудовской Аравии Л. Г. Исмаилходжаев сообщал в Государственный комитет по национальной политике РФ, что в настоящее время «идет интенсивная подготовка к предстоящему сезону паломничества (Хадж), который начинается в конце мая 1993 г.» [7, л. 51].

К тому же консул Л. Г. Исмаилходжаев рекомендовал уполномоченным представителям российских мусульман в кратчайшие сроки «вступить в контакт с соответствующими саудовскими инстанциями (и, в первую очередь, с министерством по делам паломничества и вакуфов) и поставить перед ними конкретные вопросы пребывания российских паломников» [7, л. 52].

Архивные данные свидетельствуют об особой активизации внимания властей к мусульманской общине в 1993 г. наряду, по-прежнему, с особой важной ролью РПЦ в политике государства. Во многом это связано с реформированием Государственного комитета по национальной политике РФ, пре-

образованного 3 марта 1993 г. в Государственный комитет Российской Федерации по делам федерации и национальностей, в структуре которого в августе 1993 г. был создан отдел по связям с религиозными конфессиями.

В докладе от 29 октября 1993 г. заместителя председателя Госкомнаца В. А. Печенева первому заместителю руководителя Аппарата Правительства РФ А. Е. Себенцову основными направлениями деятельности образованного отдела были отмечены следующие: обеспечение свободы вероисповедания конфессий, укрепление дружеских отношений между ними; изучение практики применения законодательства о свободе совести и разработка предложений по его совершенствованию; информирование Правительства РФ о состоянии религиозной обстановки в регионах России; содействие религиозным организациям в осуществлении международных связей, участии в борьбе за мир, укреплении дружбы между народами, достижении национального согласия и добрососедства.

Также, несмотря на недавнее образование отдела по связям с религиозными конфессиями, его сотрудниками, по словам А. Е. Себенцова, «уже проведены встречи с руководителями Синодальных учреждений РПЦ, мусульманских центров России» для изучения этноконфессиональной обстановки в стране. В настоящее время, добавил в своем докладе А. Е. Себенцов, «отдел поддерживает тесный контакт со всеми Епархиями Русской Православной Церкви, Духовными Управлениями мусульман европейской части России и Сибири, Северного Кавказа... и другими конфессиями» [7, л. 18].

Налаживание делового взаимодействия с православными и мусульманскими организациями позволило Государственному комитету по национальной политике РФ, пожалуй, впервые в российской истории выступить одним из организаторов совместного социального партнерства между федеральными властями, с одной стороны, и РПЦ, исламскими учреждениями – с другой.

Площадкой для социального партнерства государства с православием и исламом стали совместно проводимые по широкому кругу социальных проблем научно-практические конференции.

Одними из первых таких конференций в 1993 г. стали проведенные при поддержке Госкомнаца V Международная конференция «Научные признаки в Коране и Сунне» и Международная конференция Всемирного совета церквей по гуманитарной помощи [7, л. 19].

Наиболее крупной и значимой в плане установления социального партнерства государства с РПЦ и мусульманской общиной стало запланирование проведения в г. Ставрополе в октябре 1993 г. конференции «Религия и религиозные деятели как объединяющая и консолидирующая сила между народами-братьями, живущими на Северном Кавказе».

26 августа 1993 г. отдел по связям с религиозными конфессиями Государственного комитета Российской Федерации по делам федерации и национальностей в докладной записке сообщал его председателю С. М. Шахраю, что «Митрополит Ставропольский и Бакинский Геден, председатель Духовного центра мусульман Ингушской республики М. О. Албагачиев выступили с инициативой провести 4–6 октября 1993 г. в г. Ставрополе совещание духовенства всех конфессий Северного Кавказа и Юга России по проблемам разрешения межнациональных конфликтов».

В мероприятии, отмечалось, также посчитали нужным «принять участие управляющие Астраханской, Краснодарской, Ростовской Епархиями Русской православной церкви, руководители мусульманских объединений Северного Кавказа, представители духовенства Всероссийских центров от Московской Патриархии» и других религиозных организаций.

Далее в документе указывалось, что «Государственный комитет Российской Федерации по делам федерации и национальностей мог бы поддерживать мероприятие религиозных организаций и принять непосредственное участие в указанной встрече на уровне заместителя Председателя Госкомитета, пригласить на нее также представителей местных органов власти». А для обеспечения работы совещания предлагалось «выделить 4 миллиона рублей» [7, л. 9].

В итоге благодаря финансовой поддержке Госкомнаца миротворческая конференция религиозных деятелей Северного Кавказа состоялась в г. Ставрополе 5–6 октября 1993 г.

Открыл конференцию по благословению главы РПЦ Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексея II митрополит Ставропольский и Бакинский Геоден, отметивший необходимость поиска «новых шагов» по укреплению мира и дружбы между народами Северного Кавказа. В своем выступлении он, в частности, отметил: «Люди! Опомнитесь! Остановитесь! Мы же братья, у нас одна судьба, у нас один Бог... Нам, верующим во Всемогущего Бога, надо сделать все, чтобы все люди Северного Кавказа обратились к Богу и стали жить Его законами. Нам вверены судьбы людские, с нас взывается каждая слеза, каждая капля крови».

Перед участниками конференции выступили также главный муфтий Карачаево-Черкессии и Ставропольского края Исмаил Бердиев, муфтий мусульман Чечни Алсабаков, управляющий мусульман Адыгеи и Краснодарского края Батмиз Ихалаков, имам Ингушетии Абдул-Хамид Хаджи Измаилов, православное духовенство Астраханской, Краснодарской, Ростовской и Ставропольской Епархий.

В конференции от органов государственной власти приняли участие Глава временной администрации Северной Осетии и Ингушетии В. Д. Лазовой, заместитель главы администрации Ставропольского края В. А. Красуля, заместители председателя Государственного комитета Российской Федерации по делам федерации и национальностей А. В. Печенев, Н. Г. Аминов, И. А. Зараменский [7, л. 20].

В целом все выступавшие на конференции «Религия и религиозные деятели как объединяющая и консолидирующая сила между народами-братьями, живущими на Северном Кавказе» говорили о сложной межэтнической ситуации в регионах Северного Кавказа. Собравшиеся подчеркивали важность принятых Постановлений Правительства РФ по урегулированию военного конфликта и противостояний в зоне Ингушского конфликта, подтвердили свою решимость активно включаться в работу по установлению мира, дружбы, консолидации народов.

Участники конференции приняли обращение к народам России, руководителям органов власти регионов, религиозным деятелям с призывом искать разумные пути в разрешении конфликтов, вести диалог, находить ком-

промиссные пути решения возникающих межэтнических и социальных проблем и не допускать повторения событий 3–4 октября 1993 г. [7, л. 21].

Инициатива осуждения вооруженного кровопролитного столкновения 3–4 октября 1993 г. в Москве как итога конституционного кризиса 1992–1993 гг. исходила от РПЦ. Более того, по мере нарастания политического противостояния Правительства РФ во главе с Президентом РФ с Верховным Советом страны в сентябре-октябре 1993 г. Патриарх Алексей II пытался мирно разрешить данный конфликт. Для этого 30 сентября 1993 г. Патриарх Алексей II встретился с Президентом РФ Б. Н. Ельциным и достиг с ним договоренности об организации при посредничестве РПЦ в московском Даниловом монастыре встречи с депутатами Верховного Совета. По воспоминаниям Б. Н. Ельцина во время этого разговора патриарх «не вдавался в политику...», а «беспокоился о мирном исходе противостояния», для чего «...просил принять любую помощь церкви, лишь бы противоборство соотечественников не кончилось трагически» [4, с. 41].

В этот же день, 30 сентября 1993 г., Патриархом Алексием II был принят и представитель А. В. Руцкого, который выразил согласие с миротворческой инициативой РПЦ.

Переговоры, начавшиеся 1 октября 1993 г. в Свято-Даниловом монастыре, вскоре привели к подписанию протокола между Правительством РФ и Верховным Советом, согласно которому стороны договаривались решить конфликт мирным путем, что не было реализовано из-за эскалации вооруженного противостояния.

Участие РПЦ в решении подобных политических дел дополнительно свидетельствовало о роли РПЦ не только как важнейшего социального партнера государства, но и как особого политического конфессионального института в постсоветской России [4, с. 40].

Непривлечение мусульманских организаций к осуществлению столь судьбоносных для России миротворческих миссий, на наш взгляд, было вызвано не только главенствующей ролью православия в общественно-политической жизни нашей страны. Налаживание стратегического партнерства с представителями деловой общественности традиционного ислама осложняла также проблема, связанная с распространением радикальных течений в мусульманских общинах России и бывших постсоветских государствах.

Правительство РФ, стремясь нейтрализовать потенциальные угрозы безопасности Российской Федерации, исходящие от исламского фундаментализма, поручило федеральному Министерству иностранных дел «в ноябре 1993 г. подготовить практические предложения для Президента по формированию линии России в отношении мусульманского фактора в южных республиках СНГ и исламских субъектах Российской Федерации» [7, л. 25].

В целях координации усилий по проработке данной проблематики тогдашний заместитель МИД РФ С. В. Лавров в письме от 12 ноября 1993 г. обратился к заместителю Председателя государственного комитета РФ по делам Федерации и национальностей В. А. Печеневу с просьбой «выделения сотрудников экспертного уровня для поддержания рабочих контактов».

К рассматриваемому письму С. В. Лаврова прилагался аналитический обзор «Россия и проблемы фундаментализма», анализ которого позволяет

судить о серьезной тревоге российских властей о распространении радикального ислама.

В документе, прежде всего, говорилось о непростой ситуации в Чечне, где сепаратистские настроения могут способствовать «исламизации региона, а в конечном счете – его отрыву от Российской Федерации». При этом подчеркивалась крайняя важность того, что в рамках урегулирования обстановки на Северном Кавказе необходимо не допустить «усиления религиозной окраски этнополитических конфликтов», в которых ислам является вспомогательным элементом обоснования амбиций местных элит во взаимоотношениях с Россией, опирающихся на «внешний фактор».

Помимо непростого положения дел на Северном Кавказе, озабоченность вызывало распространение салафитов в Египете, Алжире, Таджикистане, Нагорном Карабахе и Грузии. Данные обстоятельства, по мнению авторов обзора, могли способствовать появлению к югу от России мощного военно-политического и идеологического блока, способного принести «дестабилизирующие элементы на региональном и общемировом уровнях» [7, л. 26].

В целях регулирования вышеуказанных негативных процессов подчеркивалась необходимость вести «конструктивную политику в отношении большой мусульманской общины Российской Федерации, которая имеет тесные связи с новыми исламскими странами СНГ, солидный исторический потенциал отношений со многими ведущими мусульманскими государствами дальнего зарубежья» [7, л. 28]. Лидерам исламских институтов и руководству РПЦ рекомендовалось «активизировать контакты с умеренными мусульманскими кругами за рубежом» [7, л. 29].

Стратегия МИД РФ по противодействию исламскому фундаментализму была поддержана государственным комитетом по делам Федерации и национальностей. Также Госкомфедерацией России для сотрудничества с МИД РФ по проблемам исламского фундаментализма рекомендовались эксперты из числа сотрудников ведомства [7, л. 32].

Таким образом, можно говорить о том, что в конце 1993 г. в постсоветской России сложились основные направления конфессиональной политики, проводимые в отношении православия и ислама. Начало им было положено в 1990–1991 гг., когда наряду с реформированием государственного аппарата РСФСР происходило введение демократического религиозного законодательства, закрепившего за конфессиями статус полноправных и независимых объединений, что впоследствии было установлено в Конституции 12 декабря 1993 г.

Данные изменения позволили властям вовлекать в политику социального партнерства РПЦ и мусульманские организации. Приоритет в социальном партнерстве в 1990–1993 гг. власти РСФСР, а затем и Российской Федерации отдали РПЦ, ставя ислам на второстепенные позиции. И в этом вопросе решающую роль сыграла не только историческая традиция, но и желание обрести в православии как основной конфессии страны надежного союзника в борьбе за государственную власть. Однако церковь, допущенная к политике, стремилась осуществлять роль миротворца в целях недопущения гражданской войны, на грани которой Россия стояла в октябре 1993 г.

Вместе с этим в рассматриваемый период российские власти проводили конструктивную политику в отношении мусульманских учреждений, выра-

женную не только в их возрождении, но и в вовлечении в социальное партнерство с РПЦ по вопросам межнациональных проблем на Северном Кавказе, распада страны и обеспечения национальной безопасности вследствие угроз международного и внутрироссийского радикального ислама.

В целом в период 1990–1993 гг. в условиях новых исторических реалий для России сложилась система основных направлений взаимодействия российского государства с РПЦ и мусульманской общиной, которая в плане реализации в контексте глобальных угроз международного терроризма актуальна в нашем государстве и сегодня.

Библиографический список

1. **Митрохин, Н. А.** Русская православная церковь в 1990 году / Н. А. Митрохин // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 83. – С. 300–349.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10121. Оп. 1. Д. 27.
3. **Королев, А. А.** Государственно-церковные отношения в постсоветской России (1991–2000 гг.) / А. А. Королев, О. В. Мельниченко // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2012. – № 27. – С. 725–731.
4. **Ефремов, Е. Н.** Русская православная церковь и российская умма: основные направления социального партнерства и межконфессионального диалога в постсоветский период : монография / Е. Н. Ефремов. – Саранск : Рузаевский печатник, 2014. – 184 с.
5. **Силантьев, Р. А.** Ислам в современной России : энциклопедия / Р. А. Силантьев. – М. : Алгоритм, 2008. – 576 с.
6. ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 65.
7. ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 140.
8. **Мартыненко, А. В.** Ислам в Республике Мордовия: потенциал, проблемы, перспективы : монография / А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькин, Д. В. Власенко. – Саранск : Мордовский государственный педагогический ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2016. – 114 с.

References

1. Mitrokhin N. A. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. 2007, no. 83, pp. 300–349.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 10121. Op. 1. D. 27.
3. Korolev A. A., Mel'nichenko O. V. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. Humanities]. 2012, no. 27, pp. 725–731.
4. Efremov E. N. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i rossiyskaya umma: osnovnye napravleniya sotsial'nogo partnerstva i mezhkonfessional'nogo dialoga v postsovetskiy period: monografiya* [The Russian Orthodox Church and the Russian Muslim Community: main areas of social partnership and the interconfessional dialogue in the post-Soviet period]. Saransk: Ruzaevskiy pechatnik, 2014, 184 p.
5. Silant'ev R. A. *Islam v sovremennoy Rossii: entsiklopediya* [Islam in modern Russia: encyclopedia]. Moscow: Algoritm, 2008, 576 p.
6. *GARF*. F. 10121. Op. 1. D. 65.
7. *GARF*. F. 10121. Op. 1. D. 140.
8. Martynenko A. V., Nad'kin T. D., Vlasenko D. V. *Islam v Respublike Mordoviya: potentsial, problemy, perspektivy: monografiya* [Islam in the Republic of Mordovia: potential, problems, prospects: monograph]. Saransk: Mordovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy in-t im. M. E. Evsev'eva, 2016, 114 p.

Ефремов Евгений Николаевич

кандидат исторических наук, докторант,
кафедра отечественной и зарубежной
истории и методики обучения,
Мордовский государственный
педагогический институт имени
М. Е. Евсевьева (Россия, г. Саранск,
ул. Студенческая, 11 А)

E-mail: een.pravo@gmail.com

Efremov Evgeniy Nikolaevich

Candidate of historical sciences, doctorate
degree student, sub-department of Russian
and foreign history and methods of history
teaching, Mordovia State Pedagogical
Institute named after M. E. Evseyev
(11 A Studencheskaya street, Saransk,
Russia)

УДК 94(470) «19»: 271.2

Ефремов, Е. Н.

Государственная политика РСФСР и Российской Федерации в отношении Русской православной церкви и мусульманской общины в 1990–1993 гг. / Е. Н. Ефремов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 62–73. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-7.

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОКАЗАНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ОРГАНАМИ ОГПУ-НКВД

Аннотация.

Актуальность и цели. Произошедшая после распада СССР «архивная революция» в России и других странах постсоветского пространства открыла для историков возможность использовать в своих исследованиях следственные показания, полученных органами ОГПУ-НКВД. В последующие десятилетия полученные органами ОГПУ-НКВД следственные показания активно вводились в научный оборот, использовались при написании научных работ. Несмотря на это методика проверки достоверности следственных показаний до сих пор остается весьма слабо разработанной. Целью настоящей статьи является критический обзор встречающихся в современной историографии подходов к использованию следственных показаний сталинской эпохи, а также формулировка базовой методики проверки достоверности данного вида источников.

Материалы и методы. В настоящей статье дается критический обзор представленных в современной историографии основных подходов к использованию следственных материалов сталинского периода. Для решения этой задачи проведено сплошное исследование вышедших в 1990-х – 2010-х гг. публикаций материалов следственных дел сталинской эпохи, профильной научной литературы, вышедшей в России и других странах постсоветского пространства.

Результаты. В статье продемонстрирована эволюция отношения исследователей к следственным показаниям ОГПУ-НКВД. В 1990-х гг. к следственным показаниям относились исключительно как к фальсификату, однако уже в начале 2000-х гг. историки убедились, что этот вид источников обладает уникальным информационным потенциалом. В статье показано, что к настоящему времени следственные показания сталинской эпохи широко используются как отечественными, так и зарубежными историками; однако методики работы с данным видом источников остаются не проясненными. В статье рассмотрены основные методологические подходы к работе со следственными показаниями, даны базовые рекомендации по методике проверки достоверности данного вида источников.

Выводы. Проверка достоверности полученных органами ОГПУ-НКВД следственных показаний – трудоемкая, но решаемая задача. Подвергнув следственные показания сталинского периода источниковедческой критике, исследователь может обнаружить немало ценных свидетельств, отсутствующих в других видах источников.

Ключевые слова: следственные дела, НКВД, ОГПУ, источниковедение.

ON THE ISSUE OF ACCEPTABILITY OF USING THE INVESTIGATIVE TESTIMONY OBTAINED BY OGPU-NKVD

Abstract.

Background. The “archival revolution” in Russia and other countries of the post-Soviet space that occurred after the collapse of the USSR opened up the possibility for historians to use investigative testimonies obtained by OGPU-NKVD bodies in their investigations. In the following decades, the investigative testimonies obtained by the OGPU-NKVD bodies were actively introduced into scientific circulation, used in writing of scientific works. Despite this, the method of verifying the credibility of the investigative evidence is still very poorly developed. The purpose of this article is to provide a critical overview of the approaches to using the investigative testimony of the Stalin era in modern historiography, as well as to formulate a basic methodology for verifying the credibility of this type of sources.

Materials and methods. The article provides a critical overview of main approaches to using investigative materials from the Stalin period presented in modern historiography. To solve this problem, a continuous study was conducted in the 1990s – 2010s analyzing publications of investigative cases’ materials of the Stalin era, specialized scientific literature published in Russia and other countries of the post-Soviet space.

Results. The article demonstrates the evolution of the attitude of researchers to the investigative testimony of the OGPU-NKVD. In the 1990s investigative testimonies were treated solely as counterfeit, but already in the early 2000s historians were convinced that this type of sources has a unique informational potential. The article shows that, to date, the investigative testimony of the Stalin era has been widely used by both domestic and foreign historians; however, the methods of working with this type of sources remain unclear. The article discusses the main methodological approaches to working with investigative testimonies, gives basic recommendations on the method of verifying the credibility of this type of sources.

Conclusions. The verification of testimonies obtained by OGPU-NKVD authorities is a time-consuming, but solvable task. Exposing investigative testimonies of the Stalin period to source criticism, researchers can find a lot of valuable evidence missing from other types of sources.

Key words: investigative case, NKVD, OGPU, source studies.

Произошедшая после распада СССР «архивная революция» в России и других странах постсоветского пространства открыла для историков возможность использовать в своих исследованиях ранее недоступные массивы документов советского периода. Открытие архивов, способствовавшее стремительному пересмотру представлений о советском периоде отечественной истории, стало для исследователей одновременно и огромной радостью, и серьезным научным вызовом. Ранее историкам не приходилось сталкиваться со многими видами исторических источников, ставших доступными после распада СССР. Неизбежно возникал вопрос: как исследователю работать с подобными документами?

Чуть ли не в первую очередь вопросы вызвали показания репрессированных советскими органами госбезопасности, отложившиеся в архивно-следственных делах. Насколько можно было доверять информации, содержащейся в этих показаниях? Не была ли она сфальсифицирована следовате-

лем, не была ли жестоким образом «выбита» из обвиняемого? Ставшие доступными в период перестройки многочисленные воспоминания репрессированных о пережитых ими в ходе следствия пытках задавали гиперкритическое отношение как к архивно-следственным делам в целом, так и к содержащимся в них показаниям обвиняемых (в равной степени и к протоколам допросов, и к собственноручным показаниям).

В опубликованной в 1995 г. статье «Следственные дела как исторический источник» доктор исторических наук А. Л. Литвин (на тот момент заведующий кафедрой историографии и источниковедения Казанского государственного университета) писал: «Эти дела по праву называют сфабрированными ОГПУ-НКВД. Вероятно, здесь одна из причин – отсутствие источниковедческого анализа подобного рода источников. Действительно, зачем обращаться к документу, если уверен в его фальсифицированном содержании... Следственные дела времен Большого Террора – исторический источник российского тоталитаризма, свидетельство его беспощадности, тупой жестокости, отсутствия признания им каких-либо прав человека и человечности» [1].

А. Л. Литвин был не одинок в своем восприятии содержащихся в архивно-следственных делах показаний обвиняемых как заведомо недостоверного источника; в научной литературе неоднократно звучали утверждения, что в этих документах содержится «одна ложь» и что они «не могут считаться полноценным историческим источником» [2–4].

При подобном отношении к архивно-следственным делам не приходится удивляться тому, что предпринятая в 1998 г. публикация следственного дела академика Е. В. Тарле, проходившего по так называемому «Академическому делу» 1929–1931 гг. [5], вызвала негативные отклики в прессе. «Зачем нужна публикация самих документов, если мы знаем, какая им цена? Разве недостаточно для “введения в научный оборот” указания шифров этих документов в архиве? – возмущалась О. П. Лихачева (к слову сказать, внучка проходившего по делу академика Н. П. Лихачева). – Я считаю, что от такой публикации происходит огромный (и, может быть, задуманный) вред – возможность унижить и опорочить представителей настоящей интеллигенции» [6].

Публикаторы «Академического дела» Б. В. Ананьич и В. М. Панеях возражали против подобных обвинений. По их мнению, даже сфальсифицированные следственные материалы политических процессов должны были быть опубликованными, ведь отсутствие подобных публикаций увеличивает вероятность того, что в качестве «достоверной» будет воспринята версия следствия [7]. Кроме того, отмечали публикаторы, даже из сфальсифицированных показаний обвиняемых можно извлечь достоверные факты – хоть это и является сложной источниковедческой задачей [8, 9].

Подобное заявление было симптоматичным: в процессе углубленного изучения архивно-следственных дел советского периода историки все чаще убеждались, что даже в заведомо сфабрикованных и неправосудных делах в показаниях обвиняемых встречается информация достоверная и уникальная. Анализируя опубликованные в 1999 г. материалы следственного дела Н. И. Вавилова, историк Я. Г. Рокитянский назвал написанные академиком на следствии собственноручные показания «последними выступлениями ученого». «В записках речь шла о работе в ВИРе (Всероссийском институте растениеводства), о его советских и зарубежных коллегах, зарубежных поездках.

В чем-то эти тексты отражали тактику Вавилова на предварительном следствии, в чем-то они полностью соответствовали истине, не преломляясь в кривом зеркале тех обстоятельств, в которых они были написаны. В совокупности эти записки, протоколы и стенограммы допросов, очные ставки – важный источник не только биографии ученого, но и истории генетики и биологии в 20–30-х гг., требующий особо подхода и понимания» [10, с. 85]. В предисловии к опубликованному несколькими годами позже сборнику материалов следственного дела другого известного ученого, Н. В. Тимофеева-Ресовского, Я. Г. Рокитянский повторил и усилил эту мысль, охарактеризовав содержащиеся в деле протоколы допросов как «ценный биографический материал обо всех этапах жизни и работы Тимофеева-Ресовского в Германии». «По существу, – отмечал Рокитянский, – перед нами целый комплекс неизвестных воспоминаний Тимофеева-Ресовского в форме диалога с лубянским следователем» [11, с. 122].

К схожим выводам впоследствии пришел также и историк А. В. Репников, один из публикаторов материалов следственного дела В. В. Шульгина. «Протоколы допросов и собственноручные показания представляют собой источник, близкий по характеру к мемуарам, – отмечал он. – Круг отраженных в них вопросов определялся интересами следствия, целью которого, в частности, было изобличить допрашиваемых в преступлениях. Это были “вынужденные воспоминания”, а от ответов подследственных зависела их судьба или жизнь, что не могло не влиять на достоверность сообщаемых ими сведений» [12, с. 22]. Историк также обратил внимание на то, что показания, данные на следствии, в некоторых аспектах могут оказаться более точными, чем воспоминания. Так, в частности, «при параллельном анализе и сравнении материалов следственного дела и воспоминаний Шульгина удалось выявить ряд случайных или намеренных неточностей, допущенных Шульгиным в его воспоминаниях» [13, с. 185].

Мнения о ценности материалов следственных дел как исторического источника придерживался и историк А. Ю. Ватлин, исследовавший фонд архивно-следственных дел по политическим преступлениям, переданный в середине 1990-х гг. на постоянное хранение из архива Управления ФСБ по Москве и Московской области в Государственный архив Российской Федерации. Одним из первых исследователь отметил, что для изучения деятельности органов госбезопасности в период Большого Террора 1937–1938 гг. полезно привлекать показания осужденных впоследствии сотрудников НКВД. «На допросах они давали развернутые показания об атмосфере, царившей в органах госбезопасности в тот период, о давлении начальства и методах выполнения спущенных сверху контрольных цифр. Впрочем, и к этим признаниям следует относиться осторожно – методы их выбивания практически не изменились по сравнению с 1937–1938 гг.» [14, с. 8, 9].

Эту мысль развил новосибирский историк А. Г. Тепляков, активно использовавший показания арестованных чекистов в качестве источника для своей монографии о деятельности органов ОГПУ-НКВД в Сибири. Он отмечал: «Оценивая источники по карательной политике и практике ОГПУ-НКВД, следует учитывать особую ценность протоколов допросов сотрудников госбезопасности и милиции, которые как в 1938–1941 гг., так и в 50-е – 60-е годы давали в НКВД-КГБ показания о своей репрессивной деятельности.

Это массовый и очень ценный источник о внутренней жизни карательного ведомства, позволяющий увидеть и понять действие механизма репрессий... Несмотря на необходимость критического подхода к подобным документам, следует отметить, что сведения об атмосфере в органах НКВД, арестах и допросах, уверенности или сомнениях чекистов в их правильности, соревновании в репрессиях, подробности уничтожения людей – все это проверяется и дополняется информацией уцелевших жертв репрессий, материалами внутриведомственных и прокурорских проверок и в основном соответствует действительности. Таким образом, в наиболее существенных аспектах показания чекистов отличаются высокой степенью достоверности» [15, с. 23, 24].

Высказанная А. Г. Тепляковым точка зрения о ценности следственных показаний чекистов получила поддержку исследователей; впоследствии в свет вышел целый ряд публикаций материалов следственных дел руководителей и рядовых сотрудников советских органов госбезопасности. Показания арестованных за «нарушения социалистической законности» чекистов неоднократно использовались историками для изучения механизмов репрессий 1937–1938 гг. [16].

Изменялось отношение историков и к показаниям других категорий репрессированных. Историки В. Н. Хаустов и Л. Самуэльсон отмечали: «Наряду с абсурдными, не подкрепленными никакими, кроме личных признаний, доказательствами обвинениями в шпионской, заговорщической и другой контрреволюционной деятельности, в этих документах содержатся ценные сведения, которые невозможно найти ни в каких других источниках. Репрессированные представители партийно-советской номенклатуры, военнослужащие давали достоверную информацию о положении в различных сферах общества, личных взаимоотношениях, оценки внутренней и внешней политики советского государства, проводимой Сталиным» [17, с. 7]. Как источник достоверной информации о настроениях офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны использует показания на следствии ОГПУ историк А. В. Ганин [18], а публикаторы следственного дела патриарха Тихона отмечали, что протоколы допросов «являются основным источником, демонстрирующим эволюцию взглядов Патриарха и других лиц подследственных» [19, с. 55].

Изучая показания, данные на следствии в 1930 г. журналистом А. Гарри, историки литературы О. И. Киянская и Д. М. Фельдман характеризуют их как «прекрасный источник по истории как советской, так и зарубежной журналистики 1920–1930-х годов» [20, с. 321]. Вполне достоверным источником оказались и исследованные сотрудником радио «Свобода» М. В. Соколовым показания ряда арестованных органами госбезопасности представителей русской политической эмиграции. Так, в развернутых показаниях задержанного в 1931 г. члена Российского общевоинского союза А. А. Потехина дана объективная картина жизни русских эмигрантов в Чехословакии, а в послевоенных показаниях одного из основателей политического евразийства П. Н. Савицкого приводятся чрезвычайно ценные данные об обстоятельствах его нелегального визита в СССР в начале 1927 г. [21, 22].

Начиная с середины 2000-х гг. в научный оборот начали активно вводиться протоколы допросов и собственноручные показания германских генералов и высокопоставленных чиновников Третьего рейха, командного состава

ва коллаборационистских формирований, агентуры германских разведорганов в странах-лимитрофах [23, 24]. Эти многочисленные публикации стали еще одним весомым аргументом в пользу значимости материалов архивно-следственных дел как исторического источника, ведь достоверность содержащейся в этих показаниях информации оказалась весьма высокой.

Российские историки В. С. Христофоров и В. Г. Макаров, благодаря многолетней работе которых общественности стали доступны многие материалы следственных дел в отношении нацистских преступников, отмечают достоверность сообщавшейся подследственными информации. Проанализировав рассказы германских генералов о пребывании в советском плену, они резюмируют: «Из рассказов бывших пленников видно, что физического насилия, столь распространенного по отношению к собственным гражданам, к генералам вермахта в советском плену спецслужбы не применяли... Можно утверждать, что рассказы военнопленных немецких генералов о событиях предвоенной истории Германии и Второй мировой войны вполне достоверны, хоть и отражают субъективную оценку событий, очевидцами которых они являлись» [23, с. 13, 14]. К аналогичному выводу приходит историк Д. Ю. Хохлов, следующим образом охарактеризовавший публикации материалов следственных дел, подготовленных В. С. Христофоровым и В. Г. Макаровым: «Комплекс этих материалов представляет большую научную ценность, поскольку содержит значительный объем новой, ранее неизвестной информации. Она существенно расширяет возможности для более глубокого анализа и оценки исторических событий, позволяет точнее восстановить логику происходившего, понять взаимосвязь отдельных явлений и выявить факторы, повлиявшие на принятие важнейших военных и политических решений» [25].

Схожие выводы относительно значимости ряда показаний обвиняемых, отложившихся в архивно-следственных делах, делают и историки других стран. Еще в начале 1990-х гг. прибалтийскими историками были частично опубликованы показания, в 1940–1941 гг. данные органам НКВД руководителями стран Прибалтики – К. Пятсом и Й. Лайдонером (Эстония), К. Улманисом и В. Мунтерсом (Латвия), А. Вольдемарасом (Литва), а также некоторыми сотрудниками германской военной разведки. Высокую достоверность показаний руководящего работника Абвера Г. Пикенброка и главнокомандующего армией Эстонии Й. Лайдонера отмечает известный эстонский историк М. Ильмярв: «В архивных материалах есть немало документальных свидетельств, подтверждающих истинность показаний Лайдонера и Пикенброка, полученных под нажимом советских органов безопасности», – констатирует исследователь [26, с. 220].

Современные литовские историки, анализируя протоколы допросов арестованных в июне 1941 г. органами НКВД руководителей подпольного Вильнюсского центра Фронта литовских активистов (ЛАФ), отмечают, что, несмотря на то что эти источники следует использовать «с некоторыми оговорками», с их помощью «можно довольно точно восстановить наиболее важные события, связанные с Вильнюсским штабом ЛАФ» [27, с. 92, 93]. В качестве достоверных источников привлекаются ими и данные на следствии НКВД показания арестованных сотрудников польской разведки [28, с. 131–151]. Таким образом, ценность протоколов допросов как исто-

рического источника не вызывает у литовских историков особых сомнений – так же, как и у их украинских коллег, предпринявших масштабную публикацию показаний руководящего состава Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии. Проведя сравнение показаний арестованных руководителей ОУН-УПА с независимыми историческими источниками, украинские исследователи отметили высокую достоверность содержащейся в этих протоколах допросов информации [29, с. 17].

Столь многочисленные случаи обнаружения в показаниях обвиняемых достоверной и ценной для историков информации, разумеется, не перечеркивают того факта, что во множестве других архивно-следственных делах содержатся недостоверные показания, полученные обманом или «выбитые» следователями. Тем не менее они показывают ошибочность все еще встречающегося в научной литературе представления об «априорной» сфальсифицированности содержащейся в архивно-следственных делах информации обвинительного характера. Ситуация оказалась гораздо более сложной, чем полагали многие исследователи 1990-х гг.: данные на следствии НКВД показания обвиняемых могут носить как ложный, так и достоверный характер.

Но как же отличить достоверную информацию от ложной? Несмотря на то что следственные показания используются историками более чем активно, методология работы с этим видом источников в большинстве случаев остается не проясненной. «По этой теме... мы никогда и ничего не поймем», – меланхолично писал в 1997 г. в своем лекционном курсе «Источниковедение истории советского общества» В. В. Кабанов [30, с. 309]. Двадцать лет спустя изменилось немного: в подавляющем большинстве современных пособий по источниковедению отечественной истории новейшего времени следственные показания даже не упоминаются в качестве отдельного вида источников [31, 32], что наглядно свидетельствует о все еще царящей в научном сообществе методологической растерянности.

Тем не менее к настоящему времени разработано несколько подходов к работе со следственными показаниями сталинской эпохи. Пионерами в этом деле стали петербургские историки Б. В. Ананьич и В. М. Панеях, принимавшие участие в подготовке публикации уже упоминавшегося «Академического дела». Характеризуя полученные ОГПУ в рамках этого дела показания как результат «принудительного соавторства» подследственного и следователя, Б. В. Ананьич и В. М. Панеях, тем не менее, были убеждены в возможности выявления в следственных показаниях достоверной информации [8, 9]. Обратив внимание на наличие в протоколах допросов чужеродной для подследственных лексики, историки пришли к выводу: при анализе показаний обвиняемых необходимо провести работу по выявлению обвинительного «сценария» (как правило, задававшегося следователям ОГПУ-НКВД высшим партийным руководством); после этого «необходимо отбросить те элементы показаний, которые фиксируют общие места, установленные на основании сравнения близких по времени и составу обвиняемых следственных “дел”, с однотипными лексическими оборотами и штампами» [8, с. 346].

Таким образом, основой сформулированного Б. В. Ананьичем и В. М. Панеяхом методологического подхода становилась презумпция недостоверности любых показаний, совпадающих с линией обвинения; историкам предлага-

лось искать достоверную информацию в случайных свидетельствах подследственного, не укладывающихся в обвинительный «сценарий».

Вполне очевидно, что применимость подобного методологического подхода сильно ограничена; он работает только в отношении тех крупных политических дел, в отношении которых установлен их стопроцентно сфабрикованный характер. Во всех остальных случаях применение данного подхода приводит к неизбежным и неустранимым ошибкам. Так, в частности, некритическое применение «сценарного» метода Б. В. Ананьича и В. М. Панеяха к следственным показаниям декабристов породило абсурдный вывод о «сфабрикованности» декабристского дела, равно как и дел всех других тайных обществ начала XIX в. [33].

Формулируя «сценарный» метод выявления достоверной информации в следственных показаниях, Б. В. Ананьич и В. М. Панеях имели перед глазами лишь материалы «Академического дела». Последующее расширение круга доступных для исследователей архивно-следственных дел продемонстрировало, что выявление достоверной информации в показаниях обвиняемых по «обычным» делам ОГПУ является более простой задачей. В специальной работе, посвященной судебной-следственной документации НКВД, на это обратил внимание С. В. Журавлев: «Конечно, процессуальные нарушения имели место в 1930-е годы и в ходе следствия по “рядовым” политическим делам, однако здесь, с одной стороны, все делалось грубее и проще, а с другой – откровенные смысловые фальсификации и подтасовки документации следователями не носили массового характера, так как в этом не было необходимости» [34, с. 169, 170].

Как отмечает далее С. В. Журавлев, целиком «состряпанные» протоколы допросов сравнительно легко вычислить: «Во-первых, в силу явной абсурдности и противоречивости содержащихся в них данных, во-вторых, поскольку при составлении “липы” следователи не особенно заботились о правдоподобии вымысла, в-третьих, на основании фактов, имен или деталей, которые есть возможность перепроверить с помощью других источников» [34, с. 186]. В более сложных случаях, когда речь идет о своеобразном «коллективном творчестве» сломленного подследственного и следователя, фальсифицированные элементы показаний также могут быть выявлены исследователем: «Такого рода вынужденное “коллективное творчество” лучше всего выдают логические нестыковки и неправдоподобные детали в отношении обстоятельств вербовки, полученного задания, связанных и переданных им материалов, других участников шпионской группы и др.» [34, с. 187].

В полном соответствии с традициями отечественного источниковедения, С. В. Журавлев считает необходимым проводить полноценный анализ обстоятельств появления следственных показаний, включающий установление хронологии следственных действий, личностей следователей, динамики поведения подследственного. Что же касается непосредственно проверки достоверности содержащейся в показаниях информации, то ее, по мнению С. В. Журавлева, также следует осуществлять традиционным методом: путем привлечения независимых источников. «На первом этапе сведения об одном и том же факте или событии проверяются путем сопоставления показаний разных арестованных, содержащихся в различных следственных делах, зачастую ведшихся разными следователями в разный хронологический проме-

жуют времени. На втором этапе данные, полученные на следствии, анализируются при помощи других источников, прежде всего документов государственных и личных архивов, а также воспоминаний, материалов “устной истории” и др.» [34, с. 202, 203].

Предлагаемая ниже методика проверки достоверности информации, содержащейся в следственных показаниях сталинской эпохи, в своей основе базируется именно на рекомендациях С. В. Журавлева. Однако прежде чем перейти к изложению этой методики, мы позволим себе несколько наблюдений уточняющего характера.

Необходимо понимать, что применяемые следователем методы в значительной степени зависят от стоящих перед ним задач. Задачей следователя может быть осуждение подсудимого; в этом случае он будет пытаться зафиксировать показания, свидетельствующие о вине подсудимого, и передать дело на рассмотрение судебных или чрезвычайных судебных органов. Если же при этом начальство требует расследовать дела в отношении арестованных как можно быстрее (в 1937–1938 гг., например, заранее определялось количество признаний, которых должен был добиться в течение суток каждый следователь от арестованных), то в ход практически неизбежно идут различные методы получения требуемых показаний, включая и физическое воздействие.

Когда же перед следователем стоит задача не только подготовить дело обвиняемого к передаче в судебные органы, но и получить показания, имеющие оперативный интерес для органов госбезопасности, ситуация резко меняется. Следственная работа носит более тщательный характер, направлена на получение максимально достоверной информации, в том числе не имеющей прямого отношения к предъявленному обвинению. В «учебниках по чекистской работе» того времени специально обращалось внимание на необходимость выявления в ходе следствия информации, пригодной «не только для изучения методов работы противника, но и для использования добытых явок и каналов связи противника в контрразведывательных целях» [35, с. 198].

При постановке перед следователем подобной задачи возможность применения мер физического воздействия к подсудимому хоть и не исчезает полностью (об этом наглядно свидетельствуют пытки, применяемые в наше время разведывательными органами США в отношении лиц, подозреваемых в причастности к террористическим организациям [36]), но существенно сокращается. Перед следователем также не встает задача по «выбиванию» заведомо ложных показаний, ведь ложные показания подсудимого не могут быть использованы в оперативных целях. Приведенные в предыдущем разделе оценки исследователями достоверности показаний арестованных чекистов, представителей германской военной и дипломатической элиты, руководителей подпольных антисоветских организаций наглядно подтверждают данный тезис.

Стоит также отметить, что вопреки мнению многих исследователей наличие в тексте протоколов допросов нехарактерной для подсудимого «саморазоблачающей» лексики само по себе не является доказательством сфальсифицированности этих показаний. Выявление и отсеивание чужеродной лексики, оценок и характеристик, безусловно, является одной из задач исследователя-источниковеда применительно к следственным документам любой

эпохи, однако преувеличивать значимость наличия в протоколе чужеродных элементов не следует. Протоколы допросов записывались следователем (и записываются в наше время) лишь «по возможности дословно» [37, с. 208; 38, с. 112–114; 39, с. 49]; задачей протокола является не стенографическая фиксация речи подследственного, а юридическое оформление данных им показаний. Вследствие этого показания практически неизбежно содержат характерную для составлявшего протокол следователя лексику даже тогда, когда точно передают суть показаний допрашиваемого. Увлечшись выявлением чужеродной лексики в следственных показаниях, можно легко объявить «сфальсифицированными» достоверные свидетельства.

По нашему мнению, проверка достоверности следственных показаний сталинской эпохи должна проводиться в два этапа.

На **первом этапе** представляется необходимым установить следующее:

1. *К рассмотрению в каком порядке готовилось следственное дело: открытом судебном, закрытом судебном или внесудебном?* В случае, если дело готовилось для рассмотрения в рамках открытого политического процесса, его материалы с большей степенью вероятности могут оказаться сфальсифицированными.

2. *Какая задача стояла перед следователем: юридическая фиксация компрометирующих подследственного материалов с целью завершения дела или получение информации оперативного характера?* Ответ на данный вопрос может быть получен путем сопоставления предъявленных подследственному обвинений с вопросами, задаваемыми на допросах следователем. Когда вопросы следователя регулярно выходят за рамки предъявленных обвинений, носят настойчивый и детальный характер, можно сделать вывод о том, что задачей следователя является получение информации оперативного характера. Выяснение личности следователя, круга и характера дел, которые одновременно он вел, также дает возможность понять логику следственных действий.

3. *Существуют ли свидетельства о применении следователем пыток или иных форм принуждения к даче недостоверных показаний?* Такими свидетельствами могут быть заявления, сделанные подследственным в ходе следствия, на судебном заседании или в процессе реабилитации, материалы реабилитационных процессов 50-х – 60-х гг., показания арестованных за нарушение «социалистической законности» чекистов, воспоминания очевидцев. Также полезно обратить внимание на фигуру ведущего дело следователя и выяснить, нет ли данных о применении им пыток при расследовании других дел. Если достоверно установлено, что следователь ранее уже применял пытки по отношению к подследственным, то велика вероятность, что пытки применялись и в изучаемом деле.

4. *Не носят ли показания подследственного шаблонный и расплывчатый характер, свидетельствующий о возможной фальсификации их следователем?*

5. *Не происходило ли во время следствия резкой смены поведения обвиняемого?*

Отвечая на перечисленные вопросы, исследователь формирует *предварительное впечатление* о специфике изучаемого архивно-следственного дела и, следовательно, получает возможность *выдвинуть предположения* о нали-

чии или отсутствии фальсификаций в содержащихся в деле показаниях репрессированного.

На **втором этапе** изучения архивно-следственного дела исследователю необходимо дать ответ на один-единственный вопрос: «Подтверждаются ли показания, данные на следствии, независимыми источниками?» Ответ на этот вопрос – своего рода *ultima ratio*; он позволяет подтвердить или опровергнуть сформулированные исследователем на предыдущем этапе предположения и дать обоснованный ответ на вопрос о степени достоверности сообщаемой подследственным информации.

Мы можем точно знать, что дело носило публичный политический характер, что подследственный внезапно менял свои показания, что следователь применял пытки. Однако если зафиксированная в протоколах допросов информация подтверждается независимыми источниками – с источниковедческой точки зрения все это не имеет значения, вопрос о достоверности полученных на следствии показаний решен.

Разумеется, при проверке достоверности следственных показаний исследователю необходимо подходить к делу максимально ответственно и использовать методику двойной перепроверки данных.

К сожалению, довольно часто проверить достоверность полученных в ходе следствия показаний при помощи независимых источников оказывается либо чрезвычайно трудным, либо и вовсе невозможным. Однако исследователь не должен отказываться от попытки решения этой задачи – ведь в конечном счете, как справедливо отмечает В. С. Измозик, «при критическом отношении к источнику, очищая материалы архивно-следственных дел от откровенной лжи, извращений, подмены высказываний, исследователь может обнаружить немало ценных свидетельств, отсутствующих в других видах документальных материалов, лучше осмыслить саму атмосферу времени, зафиксировать мысли и чувства участников исторического процесса» [40, с. 155].

Библиографический список

1. **Литвин, А. Л.** Следственные дела как исторический источник / А. Л. Литвин // Эхо веков. – 1995. – № 2. – С. 170–176.
2. **Головкова, Л. А.** Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских / Л. А. Головкова // Альфа и Омега. Ученые записки Общества по распространению Священного Писания в России. – 2000. – № 4.
3. **Елпатьевский, А. В.** Следует ли публиковать документы фальсифицированных дел? / А. В. Елпатьевский // Отечественные архивы. – 2000. – № 5.
4. **Романова, С. Н.** «Дела по обвинению» православного духовенства и мирян, 1937–1938 гг. / С. Н. Романова // Отечественные архивы. – 2001. – № 4.
5. Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. – СПб., 1998. – Ч. 1–2.
6. **Лихачева, О. П.** Кто бросит камень по праву безгрешного / О. П. Лихачева // Невское время. – 1998. – 14 ноября.
7. **Панеях, В. М.** К спорам об «Академическом деле» 1929–1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах / В. М. Панеях // Россия и проблемы современной истории: Средневековье, новое и новейшее время : сб. ст. в честь члена-корреспондента РАН С. М. Каштанова. – М., 2003.

8. **Ананьич, Б. В.** «Академическое дело» как исторический источник / Б. В. Ананьич, В. М. Панеях // Исторические записки. – М., 1999. – Вып. 2 (120).
9. **Ананьич, Б. В.** Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929–1931 гг.». Вып. 1) / Б. В. Ананьич, В. М. Панеях // In memoriam. Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. – М.; СПб., 1995.
10. **Рокитянский, Я. Г.** Голгофа Николая Вавилова: биографический очерк / Я. Г. Рокитянский // Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД: Биографический очерк. Документы. – М., 1999.
11. **Рокитянский, Я. Г.** Н. В. Тимофеев-Ресовский в Германии и на Лубянке / Я. Г. Рокитянский // Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н. В. Тимофеева-Ресовского. Документы. – М., 2003.
12. **Репников, А. В.** Из опыта публикации документов следственных дел политического характера / А. В. Репников // Гуманитарный вестник. – 2012. – № 4. – С. 22.
13. **Репников, А. В.** Особенности публикации архивных следственных материалов (на примере подготовки к изданию следственного дела В. В. Шульгина) / А. В. Репников // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и сообщения на VI Всероссийской научной конференции, 16–17 июня 2009 г. – М., 2009. – С. 185.
14. **Ватлин, А. Ю.** Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области, 1937–1938 гг. / А. Ю. Ватлин. – М., 2004.
15. **Тепляков, А. Г.** Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. / А. Г. Тепляков. – М., 2008.
16. **Юнге, М.** Возможности и проблемы изучения Большого террора с помощью источников 1938–1941 и 1954–1961 годов (допросы карателей) / М. Юнге // История сталинизма: репрессированная российская провинция : материалы Междунар. науч. конф. (г. Смоленск, 9–11 октября 2009 г.). – М., 2011.
17. **Хаустов, В.** Сталин, НКВД и репрессии, 1936–1938 гг. / В. Хаустов, Л. Самуэльсон. – М., 2010. – С. 7.
18. **Ганин, А. В.** Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком / А. В. Ганин. – М., 2016.
19. Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / отв. сост. Н. А. Кривова. – М., 2000. – С. 55.
20. **Киянская, О. И.** Показания А. Гарри о положении иностранных корреспондентов в СССР (1930 год) / О. И. Киянская, Д. М. Фельдман // Вопросы литературы. – 2016. – № 4. – С. 321.
21. **Соколов, М. В.** Евразиец пишет генералиссимусу (По материалам архивно-следственного дела П. Н. Савицкого) / М. В. Соколов // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2012–2014 год / под ред. М. А. Колерова. – М., 2015.
22. **Соколов, М. В.** Пражский репортаж перед расстрелом: Александр Потехин. «Лицо эмиграции» (1932) / М. В. Соколов // Русский сборник. Исследования по истории России. – М., 2014. – Т. XVI.
23. Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных, 1944–1951 / сост. В. Г. Макаров, В. С. Христофоров. – М., 2009.
24. **Дюков, А. Р.** «Протекторат Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и не-реализованный сценарий утраты литовской независимости / А. Р. Дюков. – М., 2013.
25. **Хохлов, Д. Ю.** Архивные уголовные дела как источник по истории Второй мировой войны / Д. Ю. Хохлов // Труды Института российской истории РАН. – М., 2014. – Вып. 12.

26. **Ильмярв, М.** Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940) / М. Ильмярв. – М., 2012.
27. **Bubnys, A.** Lietuvių tautos sukilimas: 1941 m. birželio 22–28 d. / A. Bubnys, S. Jegelevičius, S. Knezys, A. Rukšėnas. – Vilnius, 2011.
28. **Bubnys, A.** Pasipriešinimo judėjimai Lietuvoje Antrojo pasaulinio karo metais: lenkų pogrindis 1939–1945 m. / A. Bubnys. – Vilnius, 2015.
29. Літопис УПА. Нова серія. Т. 9: Боротьба проти повстанського руху і націоналістичного підпілля: протоколи допитів заарештованих радянськими органами державної безпеки керівників ОУН і УПА, 1944–1945 / упор. О. Іщук, С. Кокін. – Київ ; Торонто, 2007.
30. **Кабанов, В. В.** Источниковедение истории советского общества : курс лекций / В. В. Кабанов. – М., 1997.
31. Источниковедение : учеб. пособие / отв. ред. М. Ф. Румянцев. – М., 2015.
32. **Сиренов, А. В.** Источниковедение : учеб. для академического бакалавриата / А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин. – СПб., 2015.
33. **Эдельман, О. В.** Рец. на ст.: Потапова, Н. Д. «Что есть истина?»: Критика следственных показаний и смена исторических парадигм (еще один взгляд на проблему «движения декабристов») / Н. Д. Потапова // Исторические записки. – 2000. – Вып. 3 (121). – С. 285–329 / О. В. Эдельман // Вестник Европы. – 2002. – № 4.
34. **Журавлев, С. В.** Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация / С. В. Журавлев // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под ред. А. К. Соколова. – М., 2004.
35. Японская разведка / сост. А. А. Гузовский, Г. М. Чайковский. – М., 1940.
36. The Senate Intelligence Committee Report on Torture. Committee Study of the Central Intelligence Agency's Detention and Interrogation Program. – Brooklyn ; London, 2014.
37. Криминалистика. Книга 1: Техника и тактика расследования преступлений : учеб. для слушателей правовых ВУЗов / под ред. А. Я. Вышинского. – М., 1935.
38. **Рыжаков, А. П.** Допрос: основания и порядок производства / А. П. Рыжаков. – М., 2014. – С. 112–114.
39. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. – М., 1935.
40. **Измозик, В. С.** Архивно-следственные дела 1920–1930-х гг. как исторический источник / В. С. Измозик // Исторические чтения на Лубянке. 15 лет. – М., 2012.

References

1. Litvin A. L. *Ekho vekov* [The echo of centuries]. 1995, no. 2, pp. 170–176.
2. Golovkova L. A. *Al'fa i Omega. Uchenye zapiski Obshchestva po rasprostraneniyu Svyashchennogo Pisaniya v Rossii* [Alpha and omega. Proceedings of the Society of the Sacred Scriptures Dissemination in Russia]. 2000, no. 4.
3. Elpat'evskiy A. V. *Otechestvennye arkhivy* [National archives]. 2000, no. 5.
4. Romanova S. N. *Otechestvennye arkhivy* [National archives]. 2001, no. 4.
5. *Akademicheskoe delo 1929–1931 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. Vyp. 2: Delo po obvineniyu akademika E. V. Tarle* [The academic case of 1929–1931. Documents and materials of the investigative case, produced by OGPU. Issue 2: Accusation of academician E. V. Tarle]. Saint-Petersburg, 1998, part 1–2.
6. Likhacheva O. P. *Nevskoe vremya* [Neva time]. 1998, 14 Nov.
7. Paneyakh V. M. *Rossiya i problemy sovremennoy istorii: Srednevekov'e, novoe i noveyshee vremya: sb. st. v chest' chlena-korrespondenta RAN S. M. Kashtanova* [Russia and modern historical problems: the Middle Ages, modern and contemporary history: collected articles devoted to a correspondent member of RAS S. M. Kashtanov]. Moscow, 2003.

8. Anan'ich B. V., Paneyakh V. M. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, 1999, iss. 2 (120).
9. Anan'ich B. V., Paneyakh V. M. *In memoriam. Istoricheskiy sbornik pamyati F. F. Perchenka* [In memoriam. Historical collection commemorating F. F. Perchenk]. Moscow; Saint-Petersburg, 1995.
10. Rokityanskiy Ya. G. *Sud palacha. Nikolay Vavilov v zastenakh NKVD: Biograficheskiy ocherk. Dokumenty* [Executioner's court. Nikolay Vavilov behind bars of NKVD: a biographic essay. Documents]. Moscow, 1999.
11. Rokityanskiy Ya. G. *Rassekrechennyy Zubr. Sledstvennoe delo N. V. Timofeeva-Resovskogo. Dokumenty* [The declassified bison. The envestigative case of N. V. Timofeev-Resovsky. Documents]. Moscow, 2003.
12. Repnikov A. V. *Gumanitarnyy vestnik* [Humanitarian bulletin]. 2012, no. 4, p. 22.
13. Repnikov A. V. *Arkhivovedenie i istochnikovedenie otechestvennoy istorii. Problemy vzaimodeystviya na sovremennom etape. Doklady i soobshcheniya na VI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, 16–17 iyunya 2009 g.* [Archival and source studies in Russian history. Interaction problems at the contemporary stage. Reports and speeches of VI All-Russian scientific conference, June 16th–17th, 2009.]. Moscow, 2009, p. 185.
14. Vatlin A. Yu. *Terror rayonnogo masshtaba. «Massovye operatsii» NKVD v Kuntsevskom rayone Moskovskoy oblasti, 1937–1938 gg.* [District-scale terror. “Massive operations” by NKVD in Kuntsevo district of Moscow region, 1937–1938]. Moscow, 2004.
15. Teplyakov A. G. *Mashina terrora. OGPU-NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [The terror machine. OGPU-NKVD of Siberia in 1929–1941]. Moscow, 2008.
16. Yunge M. *Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossiyskaya provintsiya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Smolensk, 9–11 oktyabrya 2009 g.)* [The history of Stalinism: the repressed Russian province: proceedings of an International scientific conference (Smolensk, October 9th–11th, 2009)]. Moscow, 2011.
17. Khaustov V., Samuel'son L. *Stalin, NKVD i repressii, 1936–1938 gg.* [Stalin, NKVD and repressions, 1936–1938]. Moscow, 2010, p. 7.
18. Ganin A. V. *Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom* [The routine of general staff officers during the rule of Lenin and Trotsky]. Moscow, 2016.
19. *Sledstvennoe delo patriarkha Tikhona. Sbornik dokumentov po materialam Tsentral'nogo arkhiva FSB RF* [The investigative case of partriarch Tikhon. Collected documents by materials of the central archive of FSB RF]. Resp. comp. N. A. Krivova. Moscow, 2000, p. 55.
20. Kiyanskaya O. I., Fel'dman D. M. *Voprosy literatury* [Problems of literature]. 2016, no. 4, p. 321.
21. Sokolov M. V. *Issledovaniya po istorii russkoy mysli: Ezhegodnik za 2012–2014 god* [Research on the Russian thought history: yearbooks of 2012–2014]. Moscow, 2015.
22. Sokolov M. V. *Russkiy sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian collection. Researches on Russian history]. Moscow, 2014, vol. XVI.
23. *General'y i ofitsery vermakhta rasskazyvayut... Dokumenty iz sledstvennykh del nemetskikh voennoplennykh, 1944–1951* [Wehrmacht generals and officers speak... Documents from nvestigative cases of german prisoners of war, 1944–1951]. Comp. V. G. Makarov, V. S. Khristoforov. Moscow, 2009.
24. Dyukov A. R. *«Protektorat Litva». Taynoe sotrudnichestvo s natsistami i nerealizovannyi stseneriy utraty litovskoy nezavisimosti* [“Lithuanian protectorate”. Secret cooperation with Nazis and the unrealized scenario of Lithuania's independence loss]. Moscow, 2013.
25. Khokhlov D. Yu. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN* [Proceedings of the Institute of Russian History of RAS]. Moscow, 2014, iss. 12.
26. Il'myarv M. *Bezmolvnaya kapitulyatsiya. Vneshnyaya politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdu dvumya voynami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-kh godov do anneksii*

- v 1940) [Silent capitulation. External policies of Estonia, Latvia and Lithuania between two wars and the loss of independence (from mid 1920s till annexation in 1940)]. Moscow, 2012.
27. Bubnys A., Jегelevičius S., Knezys S., Rukšėnas A. *Lietuvių tautos sukilimas: 1941 m. birželio 22–28 d.* [The Uprising of Lithuanian People: June 22nd–28th, 1941]. Vilnius, 2011.
28. Bubnys A. *Pasipriešinimo judėjimai Lietuvoje Antrojo pasaulinio karo metais: lenkų pogrindis 1939–1945 m.* [Resistance movements in Lithuania during World War II: Polish underground in 1939–1945]. Vilnius, 2015.
29. *Litopis UPA. Nova seriya. T. 9: Borot'ba proti povstans'kogo rukhu i natsionalichnogo pidpillya: protokoli dopitiv zaareshtovanikh radyans'kimi organami derzhavnoi bezpeki kerivnikov OUN i UPA, 1944–1945* [The UPA's chronicle. New Series. Vol. 9: Fight against the insurgent movement and the national branch: protocols of interrogations of the leaders of the OUN and the UPA arrested by the Soviet authorities of states security]. Comp. O. Ishchuk, S. Kokin. Kiev; Toronto, 2007.
30. Kabanov V. V. *Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva: kurs lektsiy* [Source studying in the history of the Soviet society: a lecture course]. Moscow, 1997.
31. *Istochnikovedenie: ucheb. posobie* [Source studying: teaching aid]. Resp. comp. M. F. Rumyantseva. Moscow, 2015.
32. Sirenov A. V., Tverdyukova E. D., Filyushkin A. I. *Istochnikovedenie: ucheb. dlya akademicheskogo bakalavriata* [Source studying: textbook for academic bachelor's degree students]. Saint-Petersburg, 2015.
33. Edel'man O. V. *Vestnik Evropy* [European bulletin]. 2002, no. 4.
34. Zhuravlev S. V. *Istochnikovedenie noveyshey istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika* [Source studying in the contemporary history of Russia: theory, methodology, practice]. Moscow, 2004.
35. *Yaponskaya razvedka* [Japanese intelligence]. Comp. A. A. Guзовskiy, G. M. Chaykovskiy. Moscow, 1940.
36. *The Senate Intelligence Committee Report on Torture. Committee Study of the Central Intelligence Agency's Detention and Interrogation Program.* Brooklyn; London, 2014.
37. *Kriminalistika. Kniga 1: Tekhnika i taktika rassledovaniya prestupleniy: ucheb. dlya slushateley pravovykh VUZov* [Criminalistics. Book 1: Techniques and tactics of criminal investigation: tutorial for law university students]. Ed. by A. Ya. Vyshinskiy. Moscow, 1935.
38. Ryzhakov A. P. *Dopros: osnovaniya i poryadok proizvodstva* [Interrogation: grounds and procedures]. Moscow, 2014, pp. 112–114.
39. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR* [The Criminal-procedural Code of the RSFSR]. Moscow, 1935.
40. Izmozik V. S. *Istoricheskie chteniya na Lubyanke. 15 let* [Historical reading in Lubyanka. 15 years]. Moscow, 2012.

Дюков Александр Рещидеович
научный сотрудник, Институт
российской истории Российской
академии наук (Россия, г. Москва,
ул. Дмитрия Ульянова, 19)

E-mail: a.dyukov@gmail.com

Dyukov Aleksandr Reshideovich
Researcher, the Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
(19 Dmitriya Ulyanova street, Moscow,
Russia)

УДК 930.2(47).084.5/8:347.943.1

Дюков, А. Р.

К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ-НКВД / А. Р. Дюков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 74–89. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-8.

АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА В СССР В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация.

Актуальность и цели. В начальный период Великой Отечественной войны в условиях адаптации советского населения к новой социально-экономической ситуации агитационно-пропагандистская деятельность имела особое значение. Цель работы – рассмотреть содержание и формы агитационно-пропагандистской работы в Пензенской области в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов Государственного архива Пензенской области. Особое место занимают материалы местного периодического издания – газеты «Сталинское знамя» (июль–декабрь 1941 г.). В работе применены следующие методы: историко-генетический, позволяющий выявить истоки и причины изменения агитационно-пропагандистской деятельности, обобщить факты и исторические данные; историко-сравнительный, нацеленный на выделение специфических черт агитационно-пропагандистской работы в регионе, их сравнение и сопоставление.

Результаты. Исследованы мероприятия местных властей по реализации ключевых направлений агитационно-пропагандистской работы: чтение лекций и проведение бесед, подготовка кадров, оформление наглядной агитации и т.д. Рассмотрены особенности в практике печатных органов. Раскрыто участие кинотеатров и библиотек в данной деятельности.

Выводы. Изучение агитационно-пропагандистской работы в первые месяцы Великой Отечественной войны позволило выявить особенные черты в практике местного руководства, культурно-просветительных учреждений Пензенской области, определить новые направления в дальнейшем изучении научной проблемы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, агитационно-пропагандистская работа, Пензенская область.

L. A. Koroleva

AGITATION AND PROPAGANDA IN THE USSR DURING THE INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (BY THE MATERIALS OF PENZA REGION)

Abstract.

Background. During the initial stage of the Great Patriotic War in the conditions of adaptation of the Soviet population to a new social and economic situation the agitation and propaganda activity was of particular importance. The purpose of this

work is to consider contents and forms of agitation and propaganda in Penza region in the first months of the Great Patriotic War.

Materials and methods. The research tasks were completed through using documents of the State Archive of Penza region. A specific place is held by materials of a local periodical – the *Stalinskoye Znamya* newspaper (July–December, 1941). The author used the historical and genetic method allowing to establish sources and the reasons of change of the agitation and propaganda activity, to generalize the facts and historical data; the historical and comparative method aimed at allocation of peculiar features of agitation and propaganda in the region, their comparison and collation.

Results. Actions of the local authorities in realization of the key directions of agitation and propaganda were investigated: lecturing and holding conversations, training, registration of evident propaganda, etc. Features of publication practice were considered. The involvement of movie theaters and libraries in this activity was unveiled.

Conclusions. Studying the agitation and propaganda in the first months of the Great Patriotic War has allowed to reveal special lines in practice of the local leadership, cultural and educational institutions of Penza region, to define new directions for further studying of the scientific problem.

Key words: Great Patriotic War, agitation and propaganda, Penza region.

Введение

Особая роль в начальный период Великой Отечественной войны отводилась агитационно-пропагандистской работе. Работники «идеологического фронта» должны были «нести правду в массы, звать по-боевому народ на победную схватку с кровавым фашизмом», и при этом надо было элементарно поддерживать здоровый нравственно-психологический климат в обществе, крепить веру в победу, помогать приспосабливаться к новым экстремальным условиям. Власти призывали партийные организации так, чтобы каждый человек усвоил, что в войне решался вопрос жизни и смерти Советского государства. Беседы, лекции, доклады, радиопередачи, киносеансы, листовки и лозунги, плакаты – все многообразие форм и средств политической агитации следовало использовать для разъяснения населению задач войны. В военных условиях к агитаторам предъявлялись повышенные требования: «Каждый агитатор обязан научить своих слушателей пользоваться средствами противовоздушной и противохимической защиты, уметь самому и научить других пользоваться револьвером, винтовкой, гранатой. Агитатор должен знать опознавательные знаки вражеских самолетов, их систему и вооружение» [1].

Материалы и методика

Источниковой базой исследования являются материалы Государственного архива Пензенской области (ф. Р-2038 – Исполнительный комитет Пензенского областного совета депутатов трудящихся (облисполком)), местной газеты «Сталинское знамя» (июль–декабрь 1941 г.). Использованы следующие методы: историко-генетический, дающий возможность определить причины и предпосылки перемен в агитационно-пропагандистской работе, обобщить источники и воссоздать общую картину пропагандистской работы; историко-сравнительный, ориентированный на выявление особенностей агитационно-пропагандистской деятельности в Пензенской области, их сравнение и сопоставление.

Обсуждение

Пензенские райкомы ВКП(б) для проведения агитационно-массовой работы на предприятиях дополнительно выделили 633 агитатора. С ними были проведены специальные семинары, на которых было рассказано о задачах большевистских агитаторов в обстановке военного времени. На семинарах выступали первые секретари райкомов партии. В довоенный период в Пензе обычно читалось 30–40 лекций в месяц; за первые 20 дней войны на предприятиях и призывных пунктах, в парках культуры было прочитано 98 лекций на оборонные темы.

С самого начала войны горком и райкомы ВКП(б) уделяли особое внимание агитационно-политической работе на мобилизационных пунктах области. Из числа учителей, врачей, инженерно-технических работников были подготовлены агитаторы и пропагандисты. Они провели с мобилизованными на фронт более 1000 бесед, прочитали столько же докладов [2]. Райисполкомы ВКП(б) дополнительно выделили 450 агитаторов. Особой активностью отличались агитаторы управления железной дороги, станции Пенза III, фармацевтической школы и т.д. В красных уголках домоуправлений они ежедневно читали сообщения Совинформбюро, газеты, рассказывали о фронтовых буднях бойцов, героических подвигах и т.п.

Партийный кабинет горкома ВКП(б) был реорганизован в городской агитпункт, где концентрировались все агитационно-пропагандистские и художественно-театральные силы города. Городской агитпункт снабжал местные предприятия и учреждения лозунгами и плакатами, кинопередвижками. При агитпункте было создано три бригады: лекторская, художественно-театральная и бригада агитаторов. Бригада лекторов из 30 человек за два месяца прочитала в городе 234 лекции. Кардинально изменилась тематика лекций. Стали преобладать темы боевого и оборонного характера, например «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», «Отечественная война 1812 года», «Разгром прусской армии русскими в семилетней войне», «Фронт и тыл советского народа против фашизма», лекции по противовоздушной и противохимической обороне и т.д. Лекции читались на предприятиях, в учреждениях, домоуправлениях города и т.п. Лекторы, как штатные, так и внештатные, очень серьезно относились к своим обязанностям, не считаясь с загруженностью на работе. Лекторы Федоров, Тутенков, Калмыкова, Новиков и др. читали лекции почти ежедневно. Так, внештатные лекторы в июле прочитали по 15–20 лекций. Улучшилась методическая работа с лекторами. Все новые лекции обязательно обсуждались на совещаниях. Бригада агитаторов-ораторов, состоявшая из 14 человек, выступала в парках, кинотеатрах, клубах. В кратких 15–20 минутных выступлениях они знакомили слушателей с фронтовыми новостями. За два месяца консультанты агитпункта провели 60 групповых консультаций. Художественно-театральная бригада за два месяца начала войны дала 294 концерта, в которых приняло участие более 200 артистов и любителей [3].

Продолжал свою работу и Пензенский Дом партийного просвещения, где сразу же была организована выставка исторических фотографий, фотодокументов, военной и антифашистской литературы, посвященная годовщине Октябрьской революции. Экспонировались копии картин «Сталин на Петро-

градском фронте», «Сталин и Ворошилов на Царицынском фронте» и пр. На витринах «На фронтах Отечественной войны» были вывешены портреты героев войны, фотографии боевых подвигов летчиков, артиллеристов, танкистов, пехотинцев [4].

Актуализировалась задача сохранения и укрепления кадров и агитколлективов в связи с мобилизацией на фронт. Так, из г. Кузнецка к октябрю 1941 г. выбыло около 30 % агитаторов [5, с. 291]. Пензенские партийные организации активно занимались подготовкой кадров для агитационно-пропагандистской работы – агитаторов, руководителей агитколлективов и т.п., организовывали агитбригады. Южный райком ВКП(б) г. Пензы в сентябре организовал пятидневный семинар руководителей агитколлективов промышленных предприятий и учреждений района, в котором приняли участие 73 человека. Отдел пропаганды Северного райкома партии г. Пензы провел двухдневный семинар для 111 агитаторов. Перед агитаторами выступили лектор горкома партии Жоврин с докладом о международном положении, секретарь Северного райкома Трушин с докладом о задачах агитаторов в военное время. Также отдел пропаганды Северного райкома партии для обслуживания домохозяек и жителей окраинных улиц организовал агитбригаду в составе 50 лекторов, политинформаторов, чтецов, певцов, декламаторов. Агитбригада раз в пятидневку выезжала на окраинные улицы и поселки с лекциями о Великой Отечественной войне, выступлениями артистов и школьного хора. 4 сентября агитбригада провела вечер с жителями Транспортной и Городищенской улиц и пос. Острова, на котором присутствовало 140 человек. Отдел пропаганды Заводского райкома партии г. Пензы в целях развертывания массово-политической работы среди домохозяек и жителей окраинных улиц организовал агитбригаду, вместе с которой выезжала кинопередвижка [6]. Партийная организация Пензенских паровозоремонтных мастерских придавала большое значение агитационно-пропагандистской работе. Агитаторы мастерских Филатов и Соколова регулярно через день посещали закрепленные участки, рассказывали населению о событиях на фронте, в стране и за границей, читали боевые эпизоды и другие интересные материалы из газет. Лучшими агитаторами на производстве являлись мастер кузнечного цеха Романов, мастер токарного цеха Филатов и бригадир ремонтно-технического цеха Кулаков. Они ежедневно проводили в цехах беседы и чистки газет, широко популяризировали стахановский опыт [7].

Кузнецкий городской комитет ВКП(б) проделал значительную работу по перестройке политической агитации и пропаганды в соответствии с задачами военного времени. Партийный комитет при горкоме ВКП(б) был реорганизован в городской агитационный пункт, состоявший из трех отделов – отечественной войны, военного и юридического. На агитпункте проводились консультации по всем вопросам. Консультантов (14 человек) подбирали из числа партийного и командного состава запаса; они дежурили ежедневно с 9 до 22 ч. За два месяца войны для получения консультаций агитпункт посетило более 1000 агитаторов. Полностью была перестроена тематика докладов, лекций, бесед. Всего за три месяца было прочитано 73 лекции, которые прослушали 8235 человек. При городском агитпункте был создан агитколлектив из партийного актива г. Кузнецка (61 человек). Всего на предприятиях, в учреждениях и на бывших избирательных участках было создано

27 агитпунктов. Особенное оживление наблюдалось на агитпунктах педагогического училища, пожарной охраны, овчинно-шубного комбината, на станции Кузнецк.

На лекциях в с. Мокшан присутствовало 400–500 человек. Лекцию «Фашизм – злейший враг человечества, науки и культуры», прочитанную лектором областного комитета партии Какушкиным в октябре, прослушало 650 человек. По желанию мокшанцев были подготовлены выступления «Молодежь в период отечественной войны», «Фашизм – злейший враг женщин», «Крах немецкой оккупации в 1918 году на Украине» [8].

Особая роль в военных условиях отводилась наглядной агитации: «Если в мирное время часто недооценивалась наглядная агитация и о таких вещах, как лозунг и плакат, вспоминали только в дни больших революционных праздников, то сейчас отношение партийных организаций и агитколлективов к наглядной агитации резко изменилось. Лозунг, плакат, диапозитивы, кинопередвижка сделались боевым оружием политической агитации как на предприятиях и в учреждениях, так и на бывших избирательных участках» [9].

Художники активно включились в агитационную работу. В г. Пензе было вывешено около 10 тыс. лозунгов, более 1000 красочных плакатов, распространено свыше 17 тыс. экземпляров листовок и брошюр. В парках было оборудовано более 40 витрин, где вывешивались сообщения Информационного бюро. Были созданы «Окна ТАСС» – агит-окна [10, с. 115]. Над выпуском первого номера «окон» работала бригада художников в составе Бочкарева, Вавилина, Евстигнеева, Козьмина и Лебедева. Литературный текст для первого и второго номеров был разработан поэтом М. Инюшкиным и писателем Я. Тайц. Работа по выпуску агит-окон проходила под руководством художника, профессора живописи П. И. Котова. Каждый номер агит-окон имел шесть тем-картин. В первом номере центральной темой-картинкой являлся образ матери-патриотки. Остальные картины говорили о героических подвигах советских людей на фронте, трудовой дружбе, сборе теплых вещей для бойцов Красной Армии и т.д. [11]. В Заводском районе г. Пензы насчитывалось 150 витрин, в которых вывешивали центральные и специальные фотогазеты; организовано 600 досок производственных показателей передовых людей предприятий и 400 досок почета с несколькими тысячами фотографий стахановцев военного времени – многостаночников и рационализаторов.

Кардинально перестроили свою работу печатные органы: «Товарищ Сталин говорил, что печать – “это самое острое и самое сильное орудие нашей партии”, что это единственное орудие, “при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом на своем, нужном ей языке”. Печатное слово не раз помогало большевистской партии собирать вокруг себя лучшие силы, поднимать народ на борьбу за свою свободу, за свою честь. Нечего и говорить, что сейчас, в дни Великой Отечественной войны советского народа, наше печатное слово, как и прежде, будет острым, сильным орудием нашей партии» [12]. Обычной практикой стало выпускать стенные газеты или боевые листки ежедневно. Например, стенные газеты при артели «Пекарь» и овчинно-шубного комбината г. Кузнецка выходили регулярно, печатали материалы о производственных достижениях, печатали указы уходящих на фронт и т.п. [9]. Широкое распространение получили листки-молнии, инициаторами появления которых были рабочие завода им. М. В. Фрун-

зе. Листки выходили под лозунгом «Все для фронта, все для победы»: «Этот лозунг стал девизом в работе всего коллектива. Он призывает каждого рабочего, каждого специалиста работать, не покладая рук, трудиться, не жалея сил, не считаясь со временем. К этому призывает каждая строчка боевых листов, каждый пример, рассказанный простым, лаконическим языком. Примеры эти отбираются для листовок-молний тщательно, продуманно. Главным в отборе этих примеров поставлено условие, чтобы они воспитывали новых стахановцев военного времени – двухсотников и трехсотников» [12]. В сентябре отдел пропаганды Заводского райкома партии г. Пензы провел совещание редакторов стенных газет, на котором присутствовали редакторы стенгазет завода им. М. В. Фрунзе, спиртозавода, ремесленного училища и других предприятий, учреждений и школ района. Редакторы прослушали инструктивно-методический доклад на тему «Задачи стенной печати в условиях военного времени» [13].

На экранах кинотеатров г. Пензы демонстрировались документальные киножурналы с фронта войны: «В них показана героическая борьба Красной Армии с оголтелым фашизмом, великое мужество советских воинов, упорно защищающих честь, свободу и независимость своей родины» [14]. Перед началом сеанса демонстрировались боевой киносборник «Победа за нами» № 1, киноочерк «На линии огня», «Союз-киножурналы» № 77–79 и др. На афишах кинотеатров г. Кузнецка преобладали картины о героизме русского народа, зверствах фашистов. С большим успехом демонстрировались фильмы «Александр Невский», «Щорс», «Фронтовые подруги», «Если завтра война», «Всадники», «Семья Оппенгейм», «Профессор Мамлок» и др. [15]. В сентябре Пензенская областная контора «Главкинопрокат» получила новый антифашистский кинофильм «Борьба продолжается», боевой киносборник «Победа за нами» № 4, журналы № 85 и 86 с фронта войны и журнал «Военнопленные» [16]. Боевой сборник «Победа за нами» включал в себя несколько короткометражных фильмов-новелл. «Ценность кино-новеллы состоит как в скорости съемки, ее мобильности, так и в том своеобразном, что вообще отличает новеллу как жанр. <...> Показать героизм советского патриота, его великолепную борьбу с напавшим фашистским зверьем – все это в живых, реалистических образах, в фильмах, идущих 10–15 минут, – таковы цели кино-новеллы» [17].

Пензенские библиотеки также включились в агитационно-пропагандистскую работу. В читальном зале Пензенской библиотеки им. М. Ю. Лермонтова в августе была организована выставка книг «Великая Отечественная война советского народа против фашистских агрессоров». Выставка состояла из нескольких разделов. В первом разделе «Красная Армия в боях за родину» можно было ознакомиться с книгами В. И. Ленина «В защиту социалистического отечества», К. Е. Ворошилова «Сталин и строительство Красной Армии», И. В. Сталина «О трех особенностях Красной Армии», брошюрой «Воин Красной Армии в плен не сдается» и др. Второй раздел выставки открывался лозунгом «Патриотизм и героизм советского народа на фронте и в тылу» и содержал книги Ф. Константинова «За родину, за честь, за свободу», Владимирова «Производительность работать все 480 минут», Пруденского «Многостаночники», Окуневой «О резервах повышения производительности труда». Один из разделов был посвящен ПВХО и ГСО. Книги, брошюры рас-

сказывали, как надо обращаться с противогазом, тушить зажигательные бомбы и пожары, как оказать первую врачебную помощь в цехе. Особый интерес представлял раздел «Сталин – великий полководец», содержащий текст присяги Сталина, портреты периода гражданской войны и т.п. [18]. В сентябре 1941 г. в читальном зале Пензенской библиотеки им. М. Ю. Лермонтова были прочитаны лекции «Оборона Петрограда», о международном положении, «Пушкин и Лермонтов – певцы русского народа», «Книги антифашистских писателей». Кроме того, в библиотеке действовала большая выставка художественной литературы писателей-антифашистов А. Барбюса, Г. Манна, Л. Фейхтвангера и др. В читальном зале при библиотеке Кузнецкого горкома ВКП(б) были организованы выставки, посвященные героям Отечественной войны советского народа, героическому прошлому русского народа, противовоздушной и противохимической защите, Красной Армии в годы гражданской войны и т.д.

Выводы

Таким образом, агитационно-пропагандистская работа в условиях войны не только выступала важным компонентом деятельности властей, но и была востребована советским населением. Разнообразные методы агитации и пропаганды были интересны и доступны, способствовали удовлетворению культурных и нравственных запросов людей, снижению социальной напряженности в обществе.

Библиографический список

1. **Кириянов, И.** Пропаганду – на военный лад / И. Кириянов // Сталинское знамя. – 1941. – 22 июля. – С. 3.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 495. Л. 5–6.
3. **Тихонов, В.** Агитпункты / В. Тихонов // Сталинское знамя. – 1941. – 29 августа. – С. 2.
4. Выставки, доклады, беседы // Сталинское знамя. – 1941. – 5 ноября. – С. 1.
5. Очерки истории Пензенской организации КПСС. – Саратов : Приволжское книжное изд-во, 1983. – 504 с.
6. Лекции по истории славянства // Сталинское знамя. – 1941. – 3 октября. – С. 4.
7. **Герасимов, Н.** Партийно-политическая работа в условиях Отечественной войны / Н. Герасимов // Сталинское знамя. – 1941. – 3 августа. – С. 2.
8. 650 слушателей на лекции // Сталинское знамя. – 1941. – 12 октября. – С. 3.
9. **Кичангина, С.** Наглядная агитация – наше боевое оружие / С. Кичангина // Сталинское знамя. – 1941. – 26 октября. – С. 2.
10. Факты. События. Свершения: К 325-летию города Пензы. – Саратов : Приволжское книжное изд-во (Пензенское отделение), 1988. – 184 с.
11. Художественные агит-окна в Пензе // Сталинское знамя. – 1941. – 12 октября. – С. 4.
12. Листки призывают // Сталинское знамя. – 1941. – 23 ноября. – С. 3.
13. Совещание редакторов стенных газет // Сталинское знамя. – 1941. – 19 сентября. – С. 3.
14. Киножурналы с фронта Отечественной войны // Сталинское знамя. – 1941. – 29 августа. – С. 3.
15. **Анохин, К.** Агитаторы Кузнецка в дни войны / К. Анохин // Сталинское знамя. – 1941. – 19 сентября. – С. 3.
16. Боевые кинофильмы // Сталинское знамя. – 1941. – 24 сентября. – С. 4.

17. **Котлов, А.** Победа за нами / А. Котлов, А. Зимин // Сталинское знамя. – 1941. – 12 октября. – С. 4.
18. Выставка книг «Великая Отечественная война» // Сталинское знамя. – 1941. – 3 сентября. – С. 4.

References

1. Kir'yanov I. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 22 Jul., p. 3.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO)* [State Archive of Penza region]. F. R-2038. Op. 1. D. 495. L. 5–6.
3. Tikhonov V. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 29 Aug., p. 2.
4. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 5 Nov., p. 1.
5. *Ocherki istorii Penzenskoy organizatsii KPSS* [Essays on the history of Penza organization of CPSS]. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, 1983, 504 p.
6. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 3 Oct., p. 4.
7. Gerasimov N. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 3 Aug., p. 2.
8. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 12 Oct., p. 3.
9. Kichangina S. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 26 Oct., p. 2.
10. *Fakty. Sobytiya. Sversheniya: K 325-letiyu goroda Penzy* [Facts. Events. Accomplishments. Devoted to the 325th anniversary of the city of Penza]. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo (Penzenskoe otделение), 1988, 184 p.
11. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 12 Oct., p. 4.
12. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 23 Nov., p. 3.
13. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 19 Sept., p. 3.
14. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 29 Aug., p. 3.
15. Anokhin K. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 19 Sept., p. 3.
16. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 24 Sept., p. 4.
17. Kotlov A., Zimin A. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 12 Oct., p. 4.
18. *Stalinskoe znamya* [The Stalinskoe Znamya newspaper]. 1941, 3 Sept., p. 4.

Королева Лариса Александровна

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
и философии, Пензенский
государственный университет
архитектуры и строительства (Россия,
г. Пенза, ул. Германа Титова, 28)

E-mail: la-koro@yandex.ru

Koroleva Larisa Aleksandrovna

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of history and
philosophy, Penza State University
of Architecture and Construction
(28 Germana Titova street, Penza, Russia)

УДК 94(470)

Королева, Л. А.

Агитация и пропаганда в СССР в начальный период Великой Отечественной войны (по материалам Пензенской области) / Л. А. Королева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 90–97. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-9.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ 1991–2014 гг.: РАЗНООБРАЗИЕ И СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Сегодня одной из новых форм общественной активности граждан являются православные общественные объединения, которые представляют собой разновидность современных институтов российского гражданского общества. Эта новая для православных граждан форма общественной деятельности вызывает много вопросов практического характера. Исследование опыта работы подобных общественных объединений в Крыму и Севастополе в 1991–2014 гг. способствует обогащению арсенала форм и методов работы данных объединений. Цель данной статьи – раскрыть деятельность общественных объединений православных в Крыму и Севастополе на протяжении двух предшествующих десятилетий в условиях политической трансформации регионального сообщества.

Материалы и методы. Реализация поставленной цели достигнута благодаря изучению и анализу документов нормативно-правового характера, регулирующих деятельность общественных объединений, внутренних архивов общественных объединений, статистических материалов государственных органов управления о деятельности религиозных объединений, архивов СМИ.

Результаты. В статье дается характеристика конфессиональной составляющей крымского регионального сообщества в середине 1990-х – начале 2000-х гг. Рассматривается деятельность общественных организаций православных Крыма и Севастополя в исторической ретроспективе на протяжении двух предшествующих десятилетий. Выделяются их специфика, характерные направления деятельности. Определяется вклад данных объединений в сохранение и укрепление русского культурного пространства в регионе в условиях политической трансформации в Украине на рубеже XX–XXI вв.

Выводы. Исследование деятельности организаций позволяет сделать вывод о важной роли данных организаций в отстаивании духовно-нравственных ориентиров регионального сообщества, сохранении русского культурного пространства, в формировании сознательного христианского мировоззрения. Внимание к данной проблематике способствует осмыслению специфики политических процессов, разворачивающихся в Крыму и Севастополе на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: общественные объединения, казаки, общественная консолидация, православные, русское культурное пространство Крыма и Севастополя.

**PUBLIC ASSOCIATIONS OF ORTHODOX CRIMEA
AND SEVASTOPOL IN 1991–2014:
THE VARIETY AND SPECIFICITY OF ACTIVITIES**

Abstract.

Background. Today one of the new forms of public activity are Orthodox Public Associations, which are a kind of modern institutions of the Russian civil society. This new (for Orthodox citizens) form of social activity raises many questions of practical nature. A study of the experience of similar public associations in the Crimea and Sevastopol in 1991–2014 contributes to the enrichment of the Arsenal of forms and methods of work of these associations. The purpose of this article is to reveal the activities of public associations of the Orthodox in the Crimea and Sevastopol over the previous two decades in the political transformation of the regional community.

Materials and methods. This goal was achieved through the study and analysis of documents of legal character regulating the activities of public associations, internal archives of public associations and statistical materials of the state management bodies on the activities of religious associations, the media archives.

Results. The article gives characteristics of the religious component of the Crimean regional community in the middle 1990s – early 2000s, discusses the activities of public organizations of the Orthodox Crimea and Sevastopol from a historical perspective, over the previous two decades. The author highlights their specificity, characteristic directions of activity. The article determines the contribution of these associations in maintaining and strengthening the Russian cultural space in the region in terms of political transformation in Ukraine at the turn of XX–XXI centuries.

Conclusions. The study of activity of the organizations allows to make a conclusion about the important role of these organizations in upholding spiritual and moral values of the regional community, preserving the Russian cultural space, forming a conscientious Christian worldview. The attention to this issue contributes to the understanding of the specificity of the political processes unfolding in the Crimea and Sevastopol at the turn of XX–XXI centuries.

Key words: public associations, Cossacks, social consolidation, Orthodox, Russian cultural space of the Crimea and Sevastopol.

Исследованию проблем межконфессиональных отношений в Крыму 1990-х – начала 2000-х гг. посвящено значительное число работ украинских, российских, крымских экспертов. Среди них труды А. В. Баранова [1], О. Д. Волкогиной [2], Е. В. Жеребцовой [3], Л. Нагорной [4], А. В. Ишина, А. Г. Шевчука [5], В. К. Григорьянца [6], Ю. А. Бабинова [7] и др. Заметим, что подавляющее число научных работ сосредоточено именно на крымской проблематике, что нельзя сказать об анализе ситуации в Севастополе, исключение составляет работа Р. Н. Белоглазова [8]. Сегодня деятельность общественных объединений православных Крыма и Севастополя 1991–2014 гг. является по-прежнему малоизученной.

Существенное изменение конфессиональной составляющей духовно-гуманитарной жизни крымского регионального сообщества первой половины 1990-х гг. было связано с появлением на полуострове новых конфессий, их религиозных обществ и объединений.

В начале 1990-х гг. на полуострове самой многочисленной конфессией было православие, представленное главным образом Симферопольской и Крымской епархией Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) и частично Крымской епархией Украинской православной церкви Киевского патриархата (УПЦ КП). Так, по сведениям информационно-аналитического отдела Севастопольской городской администрации (СГГА) в июне 1995 г. в Севастополе работало 33 религиозные общины разных конфессий, из которых к УПЦ МП относилось 15, УПЦ КП – 1 [9, л. 14]. Согласно отчету отдела по делам религий СГГА, в 2002 г. численность религиозных общин возросла и составила 86 общин, представляющих 27 конфессий, из них УПЦ МП – 44 общины, УПЦ КП – 2 [10, с. 404].

Украинские эксперты, основываясь на результатах социологических исследований, проведенных в 2008 г. в Крыму и Севастополе, констатировали, что самой многочисленной конфессией в Крыму по-прежнему оставалось православие. К УПЦ МП относилось 49,8 % опрошенных крымчан, к УПЦ КП – 11 % [11, с. 6].

Территория крымского полуострова входила в состав Крымской епархии Украинской православной церкви. В 1990 г. в ее структуре отдельно было выделено Севастопольское благочиние, как церковный округ Симферопольской и Крымской епархии Украинской православной церкви. Оно подчинялось правящему архиерею, архиепископу Симферопольскому и Крымскому [12, с. 6].

По состоянию на 1 января 2008 г. Симферопольская и Крымская епархия объединяла 532 прихода, 9 зарегистрированных монастырей [13].

С 1992 г. общественные объединения, инициированные православными гражданами Крыма и Севастополя наряду с остальными светскими объединениями, работали на основании Закона Украины «Об общественных объединениях». К середине 1990-х гг. среди населения происходит значительный рост интереса к религиозной жизни Православной церкви, ее традициям. Это способствовало появлению, а затем и успешной интеграции общественных объединений, учрежденных православными по духу и вере гражданами, в жизнь регионального сообщества. К тому же значительное число исторических памятников православной культуры на севастопольской и крымской земле, христианские святыни Херсонеса не только раскрывали духовный потенциал данной культуры, но и являлись базой для работы среди населения и подрастающего поколения. Формы консолидации православных в Крыму и Севастополе в начале 1990-х – 2000-х гг. были разнообразны. Среди них центры православного просвещения, объединения на базе приходов, объединения на профессиональной основе, молодежные центры и организации, казачьи организации [14, с. 33].

Одним из главных последствий либерализации конфессиональной политики в Украине после 1991 г. стал практически неконтролируемый поток на полуостров литературы оккультного содержания, появление и деятельность оккультных сект с сатанинской направленностью, навязывание молодежи определенных стандартов массовой культуры с элементами сатанизма. С целью преодоления данной тенденции 10 августа 1993 г. в Севастополе был открыт Центр православного просвещения – первое общественное объединение православных граждан города, которое развернуло активную просветительскую деятельность среди горожан [15, с. 472]. Данным видом деятельно-

сти стало активно заниматься и Севастопольское историко-богословное общество, появившееся в ноябре 1997 г. С января 1998 г. при участии Центра на периодической основе был организован лекторий для всех желающих «Сравнительное богословие и сектоведение», а также налажена работа отделения Центра по реабилитации жертв оккультизма и нетрадиционной медицины. С целью просвещения широких масс населения города с 1997 г. организуется выпуск печатного издания «Православный Севастополь». Подрастающему поколению уделялось особое внимание, поэтому 10 августа 1993 г. в Севастополе учреждается новое общественное объединение – Студенческое православное движение. А 17 февраля 2001 г. впервые в истории епархии состоялся съезд крымской православной молодежи в Симферополе. В нем приняло участие 1200 представителей всех приходов Симферопольской и Крымской епархии Украинской православной церкви. Важным итогом съезда было создание Объединения православной молодежи Крыма, призванное решать множество задач первостепенной важности, среди них активизация миссионерской и воспитательной деятельности, организация православного паломничества, возрождение духовного просвещения.

Деятельность общественных объединений православных охватила разные сферы жизни регионального сообщества. В 2001 г. по инициативе медиков, добровольно и безвозмездно оказывающих помощь малообеспеченным гражданам, было создано Общество православных врачей Крыма имени Святителя Луки (В. Войно-Ясенецкого) [16]. Работа в Обществе православных врачей являлась сугубо личным, добровольным делом каждого. Роль Министерства здравоохранения ограничивалась лишь помощью медикаментами, расходными материалами, которую оно в состоянии было оказать врачебному кабинету при епархии. Целью Общества являлось содействие развитию медицинской деятельности на основе православного вероисповедования и христианской нравственности, интеграция усилий врачей в этом направлении. Православную творческую молодежь Севастополя по благословлению благочинного Севастопольского округа в январе 2011 г. объединил православный клуб песни и творчества имени св. апостола Андрея Первозванного, деятельность которого была направлена на миссионерское служение Церкви. Двери клуба были открыты для православных музыкантов, поэтов, просто творческих людей, разделяющих каноны православной церкви.

Среди активно работающих республиканских и городских общественных организаций православных были отделения Всеукраинского общественного объединения в защиту канонического православия «Путь православных» во имя святого равноапостольного князя Владимира, созданного на съезде в Киеве в августе 2000 г. [10, с. 342]. В Севастополе отделение данного Всеукраинского общественного объединения было открыто в марте 2001 г. Среди активно работающих в Крыму было и Евпаторийское отделение данного объединения. Социальная сфера жизни регионального сообщества как наиболее уязвимая в период социально-политических трансформаций находилась в центре внимания прежде всего православных общественных организаций. В августе 2003 г. в Севастополе начал работать Городской центр охраны семьи и молодежи «Русичи». Помощь в отстаивании прав и интересов детей, многодетных семей, молодежи и незащищенных слоев населения была первостепенной задачей работы организации. Ее члены содействовали воз-

рождению духовности, укреплению русской культуры, русских национальных обычаев и устоев среди молодежи. Православно ориентированная организация через опыт активного участия в социальной деятельности предлагала своим участникам почувствовать важность и нужность своей социальной миссии.

Для охвата широких масс населения с целью популяризации культа добрососедства, христианского мировоззрения 9 марта 2005 г. при поддержке митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря было создано «Общество православных журналистов Крыма». В его состав вошли журналисты авторитетных СМИ, ведущие печатные издания полуострова. К основным направлениям работы организации относились формирование сознательного христианского мировоззрения, борьба с сатанинскими культами, тоталитарными сектами, религиозным экстремизмом.

С 2010 г. получает церковное одобрение Священного синода Русской православной церкви создание светских общественных объединений на базе приходов. Согласно Типовому уставу прихода Русской православной церкви Московского патриархата, принятому 10 октября 2009 г., при приходе (в случае наличия письменного разрешения Епархиального архиерея) могли создаваться добровольные объединения граждан в целях содействия уставной деятельности прихода [17].

Для координации взаимодействия общественных организаций с церковными учреждениями в 2010 г. был создан при Синодальном отделе по взаимоотношениям Церкви и общества Русской православной церкви Совет православных общественных организаций и объединений. Одной из основных задач Совета являлось планирование совместной деятельности как в рамках общецерковных программ и мероприятий, так и в организации мероприятий, приуроченных к празднованию Дней славянской письменности и культуры и Дня народного единства.

В отдельную группу общественных православных объединений можно выделить казачьи организации, одна из основных задач деятельности которых состояла в поддержке Русской православной церкви Московского Патриархата. Толчком к возрождению казачества в Крыму стал Указ президента Республики Крым Ю. Мешкова от 16 мая 1994 г. «О казачестве Крыма» [18]. Согласно документу за казачеством Крыма как культурно-этнической общностью признавалось право как на возрождение традиционного социально-хозяйственного уклада жизни, так и на создание общественных казачьих организаций с исторически сложившимися названиями в форме землячеств, союзов и других форм, действующих в соответствии с порядком, установленным для общественных объединений граждан.

Одной из старейших казачьих организаций Крыма являлся Крымский казачий союз. Он был образован в январе 1993 г. Его деятельность регулировалась законом Украины о регистрации общественных объединений граждан. К декабрю 2013 г. объединял более 20 казачьих организаций, являлся членом постоянного Международного координационного совета казаков Белоруссии, Украины, России. Одним из главных требований для вступления и службы в казачьих объединениях Союза было принятие и следование канонам православной веры. Руководство Союзом осуществлял Координационный совет

крымских атаманов, его главой являлся правящий архиерей Крымской и Симферопольской епархии.

Из числа крымских казачьих объединений, действующих на территории полуострова в начале 2000-х гг., следует отметить общественную организацию «Слава и Воля». Организация была учреждена в июле 2007 г. бывшими крымскими членами Украинского реестрового казачества, покинувшими его ряды. По словам создателя «Славы и воли», новая организация, в отличие от реестрового казачества Крыма, имела пророссийскую направленность. «Мы выступаем за союз Украины и России, объединение славянских народов, – рассказал А. Палочкин. – Если в основе реестрового казачества лежат традиции украинского казачества, в основе нашей организации – традиции донского» [19].

Данное объединение являлось одним из учредителей ежегодного Международного фестиваля «Крымские тулумбасы», который проводился с целью популяризации самобытной казачьей культуры, православных обычаев, прикладного творчества и народных промыслов казаков.

На большом казачьем круге, прошедшем на территории Бахчисарайского Свято-Успенского мужского монастыря в мае 2007 г., представители казачьих организаций из разных регионов – Бахчисарая, Симферополя, Алупки, Ялты, Судака, Севастополя, Красногвардейска, Джанкоя – также решили объединить усилия, создав новую организацию «Объединение казаков Крыма». Среди главных задач объединения были защита православной веры, воспитание молодежи в духе патриотизма, сохранение и развитие казачества. Координация деятельности крымских казачьих объединений для укрепления гражданского согласия в Крыму являлась приоритетной целью в деятельности данного самого многочисленного, политически активного объединения в Крыму вплоть до 2014 г.

На территории Севастополя одной из первых казачьих организаций являлся Союз казаков Севастополя, образованный в мае 2002 г. А уже в сентябре 2002 г. состоялся первый Большой совет казачества Севастополя, где присутствовало 175 представителей от Союза казаков Севастополя, Кубанского, Донского, Запорожского казачества [10, с. 348]. Севастопольские казаки с момента организации объединения осуществляли охрану детского дома № 2, некоторых школ Гагаринского района, часовни на Братском кладбище. Союз осуществлял большую воспитательную работу в рамках военно-патриотического поисково-мемориального отряда «Патриот».

В январе 2010 г. при непосредственной поддержке благочинного Севастопольского округа протоиерея Сергея Халюты был создан Координационный совет казаков при Севастопольском благочинии. Толчком к созданию Координационного совета послужило тесное сотрудничество Севастопольских казачьих общин – Севастопольского казачьего союза «Русь», Севастопольской пластунской сотни, Камышовской паланки Черноморского Отдельного Округа казачества Украины. Севастопольский координационный совет находился в тесном взаимодействии с казаками Совета атаманов Крыма, Крымского казачьего союза, общественной организацией «Слава и Воля», Крымским казачьим кадетским корпусом и многими другими. Казачьи объединения, входящие в Координационный совет при Севастопольском благо-

чинии, оказывали волонтерскую помощь в охране святынь по пути их следования на крымской и севастопольской земле.

Так, в июле 2013 г. в рамках празднования 1025-летия Крещения Руси в Херсонес во Свято-Владимировский собор были доставлены мощи святого равноапостольного князя Владимира, казаки Севастопольского казачьего союза «Русь» оказывали активное содействие в доставке их в храм, в организации доступа к ним всех желающих. В феврале 2014 г. во время пребывания в Свято-Владимирском соборе в Херсонесе святыни Дары Волхвов казаки обеспечивали порядок при доступе к святыне. За время ее нахождения на севастопольской земле к ней смогли приложиться более 60 тыс. человек. В июле 2014 г. во встрече мощей и иконы святой блаженной Матроны Московской активное участие также приняли казаки Севастопольского городского казачьего общества.

Помимо общественных объединений, действующих согласно Закону Украины «Об общественных объединениях», миссионерскую деятельность осуществляли и благотворительные фонды, действовавшие согласно закону Украины «О деятельности благотворительных организаций». Именно фонды становятся организаторами масштабных акций, связанных с доступом православных к духовным святыням, инициаторами благотворительной деятельности, направленной на возрождение духовных основ единения православных народов. Моральную, организационную, материальную и финансовую поддержку инициативам, направленным на духовное возрождение общества, оказывали фонды «Православный Крым», а также «Православный Севастополь», созданные в 2009 г.

Таким образом, общественные организации православных Крыма и Севастополя 1990-х – начала 2000-х гг. следует рассматривать как своеобразные центры консолидации православных по вере и духу граждан полуострова. Их основная роль состояла в объединении усилий членов регионального сообщества на основе общих духовных ценностей, при этом их деятельность была направлена на формирование в региональном социуме сознательного христианского мировоззрения, терпимости и толерантности. И хотя данные организации объединяли сторонников определенной конфессии, их деятельность была направлена на содействие решению актуальных проблем всего сообщества. Являясь важным фактором в укреплении духовных традиций русского культурного сообщества, данные организации способствовали сохранению его позиций в условиях политических трансформаций на рубеже XX–XXI вв.

Библиографический список

1. **Баранов, А. В.** Сложносоставной конфликт в современном Крыму: типология, внутрирегиональные факторы, стратегии субъектов политики / А. В. Баранов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2013. – Т. 9, № 3. – С. 119–128.
2. **Волкогонова, О. Д.** Политизация этничности в современной Украине: русская диаспора и межнациональные отношения в Крыму / О. Д. Волкогонова, А. Ю. Полунов // Россия и современный мир. – 2008. – № 2. – С. 144–163.
3. **Жеребцова, Е. В.** Специфика конфликтной ситуации в Крымском регионе в постсоветский период / Е. В. Жеребцова // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 1. – С. 225–233.
4. **Нагорна, Л. П.** Регіональна ідентичність: український контекст / Л. П. Нагорна. – Київ : ІНПЕНД імені І. Ф. Кураса НАН України, 2008. – 405 с.

5. **Ишин, А. В.** Православие и ислам в Крыму: проблемы взаимодействия / А. В. Ишин, А. Г. Шевчук // Пилигримы Крыма : сб. науч. ст. и материалов. – Симферополь : Крымский архив, 2003. – Вып. 2 (7). – С. 169–272.
6. **Григорьянц, В. Е.** К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях в Украине и АРК / В. Е. Григорьянц. – Симферополь : Крымский Архив, 2003. – 44 с.
7. **Бабинов, Ю. А.** К вопросу о толерантности в межконфессиональных отношениях / Ю. А. Бабинов // Гражданское общество и религия / под ред. О. Габриэляна. – Симферополь : Энергия Дельта, 2005. – С. 35–47.
8. **Белоглазов, Р. Н.** Приоритеты в межконфессиональных отношениях г. Севастополя (1991–2001 гг.): проблемы и перспективы / Р. Н. Белоглазов // Культура народов Причерноморья. – 2002. – Т. 37. – С. 195–201.
9. Справка Информационно-аналитического отдела Севастопольской городской государственной администрации за первое полугодие 1995 года // Научный архив Музея героической обороны и освобождения Севастополя (МГООС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 1288. С. 4.
10. **Куликов, И. И.** Севастополь на рубеже тысячелетий / И. И. Куликов, С. И. Кулик, А. А. Скрипниченко. – Севастополь : Арт-Политика, 2003. – 645 с.
11. АР Крим: люди, проблемы, перспективы // Національна безпека й оборона. – 2008. – № 10. – 88 с.
12. Севастопольское благочиние : справочник-путеводитель. – Севастополь : Задруга, 1997. – 232 с.
13. Симферопольская и Крымская епархия Украинской православной церкви Московского патриархата. Историческая справка. – URL: <http://crimea.orthodoxy.ru/main/history> (дата обращения: 01.09.2017).
14. **Островская, И. В.** Роль общественных православных организаций Крыма в консолидации регионального сообщества / И. В. Островская // Материалы X Междунар. науч.-образоват. Знаменовских чтений (г. Курск, 17–20 марта 2014 г.) / Курская епархия. – URL: <http://www.курская-епархия.рф/> (дата обращения: 01.09.2017).
15. Севастополь : энцикл. справочник / ред.-сост. М. П. Апошанская. – Севастополь : МГООС, 2000. – 872 с.
16. Перечень общественных формирований // Главное управление юстиции Министерства юстиции Украины в Автономной Республике Крым. – URL: <http://www.minjust.crimea.ua> (дата обращения: 11.09.2017).
17. Положение о церковном одобрении деятельности православных общественных объединений. – URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 01.09.2017).
18. О казачестве Крыма : Указ Президента Республики Крым № 63/94 от 16 мая 1994 г. // Вестник Правительства Республики Крым. – 1994. – № 3 (14). – С. 8.
19. Интервью с атаманом крымских казаков А. Палочкиным // Крымская служба новостей. – URL: <http://news.allcrimea.net> (дата обращения: 01.10.2017).

References

1. Baranov A. V. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expert examination: POLITEKS]. 2013, vol. 9, no. 3, pp. 119–128.
2. Volkogonova O. D., Polunov A. Yu. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world]. 2008, no. 2, pp. 144–163.
3. Zharebtsova E. V. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2008, no. 1, pp. 225–233.
4. Nagorna L. P. *Regional'na identichnist': ukrains'kiy kontekst* [Regional identity: Ukrainian context]. Kiev: IPIKND imeni I. F. Kurasa NAN Ukraïni, 2008, 405 p.
5. Ishin A. V., Shevchuk A. G. *Piligrimy Kryma: sb. nauch. st. i materialov* [Crimean pilgrims: collected articles and materials]. Simferopol': Krymskiy arkhiv, 2003, iss. 2 (7), pp. 169–272.

6. Grigor'yants V. E. *K voprosu o gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniyakh v Ukraine i ARK* [On the issue of state-confessional relations in Ukraine]. Simferopol': Krymskiy Arkhiv, 2003, 44 p.
7. Babinov Yu. A. *Grazhdanskoe obshchestvo i religiya* [Civil society and religion]. Simferopol': Energiya Del'ta, 2005, pp. 35–47.
8. Beloglazov R. N. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [The culture of peoples from the Black Sea territory]. 2002, vol. 37, pp. 195–201.
9. *Nauchnyy arkhiv Muzeya geroicheskoy oborony i osvobozhdeniya Sevastopolya (MGOOS)* [Scientific archive of the Museum of heroic defence and liberation of Sevastopol (MGOOS)]. F. 2. Op. 2. D. 1288. S. 4.
10. Kulikov I. I., Kulik S. I., Skripnichenko A. A. *Sevastopol' na rubezhe tysyacheletiy* [Sevastopol at the turn of millennia]. Sevastopol': Art-Politika, 2003, 645 p.
11. *Natsional'na bezpeka y oborona* [National security and defence]. 2008, no. 10, 88 p.
12. *Sevastopol'skoe blagochinie: spravochnik-putevoditel'* [The Sevastopol Deanery: reference guide]. Sevastopol': Zadruga, 1997, 232 p.
13. *Simferopol'skaya i Krymskaya eparkhiya Ukrainskoy pravoslavnoy tserkvi Moskovskogo patriarkhata. Istoricheskaya spravka* [The Simferopol and Crimean eparchy of the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchy. Historical reference]. Available at: <http://crimea.orthodoxy.su/main/history> (accessed Sept. 01, 2017).
14. Ostrovskaya I. V. *Materialy X Mezhdunar. nauch.-obrazovat. Znamenovskikh chteniy (g. Kursk, 17–20 marta 2014 g.)* [Proceedings of X International scientific and educational Znamenovskie readings (Kursk, March 17th–20th, 2014)]. Available at: <http://www.kurskaya-eparkhiya.rf/> (accessed Sept. 01, 2017).
15. *Sevastopol': entsikl. spravochnik* [Sevastopol: encyclopedic reference]. Ed.-comp. M. P. Aposhanskaya. Sevastopol': MGOOS, 2000, 872 p.
16. *Glavnoe upravlenie yustitsii Ministerstva yustitsii Ukrainy v Avtonomnoy Respublike Krym* [The head office of the Ministry of Justice of Ukraine in the Autonomous Republic of Crimea]. Available at: <http://www.minjust.crimea.ua> (accessed Sept. 11, 2017).
17. *Polozhenie o tserkovnom odobrenii deyatel'nosti pravoslavnykh obshchestvennykh ob"edineniy* [The statute of the church approval of the activity of orthodox public associations]. Available at: <http://www.patriarchia.ru> (accessed Sept. 01, 2017).
18. *Vestnik Pravitel'stva Respubliki Krym* [Bulletin of the Government of the Republic of Crimea]. 1994, no. 3 (14), p. 8.
19. *Krymskaya sluzhba novostey* [Crimean news service]. Available at: <http://news.allcrimea.net> (accessed Oct. 01, 2017).

Островская Инна Валериевна

соискатель, Кубанский государственный университет (Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149)

E-mail: ostrov-33@mail.ru

Ostrovskaya Inna Valerievna

Applicant, Kuban State University (149 Stavropolskaya street, Krasnodar, Russia)

УДК 94(470)

Островская, И. В.

Общественные объединения православных Крыма и Севастополя 1991–2014 гг.: разнообразие и специфика деятельности / И. В. Островская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 98–106. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-10.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-11

В. П. Митрофанов

НОВАЯ МОНОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ

V. P. Mitrofanov

A NEW MONOGRAPH ON THE HISTORY OF EARLY STUARTS' ENGLAND

Кондратьев, С. В. «Все могут короли, все могут короли?...» (Королевская власть и свобода подданных в парламентских дебатах и судебных тяжбах предреволюционной Англии) : монография / С. В. Кондратьев ; Министерство образования и науки Российской Федерации ; Тюменский государственный университет ; Институт социально-гуманитарных наук. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2018. – 196 с.

По истории раннестюартовской Англии, т.е. 1603–1640 гг., к настоящему моменту отечественными авторами написано немного работ, в которых затрагивались бы идеологические предпосылки английской революции середины XVII в., эволюции правовой мысли, а также вопрос о принудительных финансовых сборах с англичан [1–8]. До сих пор не было специальных исследований правовой мысли через призму трактатов, проповедей и речей политических деятелей в контексте политической борьбы в Англии указанного выше периода. Поэтому данная монография отличается безусловной новизной. Ее автор – известный современный российский историк Сергей Витальевич Кондратьев, перу которого принадлежит ряд значимых работ по истории правовой мысли предреволюционной Англии XVII в. [9, 10]. В своей очередной монографии он анализирует представления англичан первой трети XVII в. о королевской власти и свободе подданных, используя метод case-studies (с. 12), когда историк посредством изучения отдельных случаев выявляет не только типичное, но и нетипичное. Сергей Витальевич осуществляет это через анализ текстов трактатов, опубликованных парламентских выступлений, проповедей и т.п. «влиятельных и авторитетных персонажей», чьи идеи и рассуждения оказали большое влияние на идейную и политическую обстановку предреволюционной Англии первых Стюартов.

Книга по объему небольшая (196 с., 11,4 п.л.) и состоит из введения, четырех глав и заключения. В соответствии с заявленным методом исследо-

© 2018 Митрофанов В. П. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

вания автор анализирует пять «случаев», т.е. «голосов» конкретных персоналий предреволюционной Англии. Первый из них – «голос» короля Якова I Стюарта, второй – профессора римского права Джона Коуэлла, третий – священника англиканской церкви Роберта Сибторфа, четвертый – королевского капеллана Роджера Мэнверинга и пятый, по сути коллективный «голос», – представителей парламентской оппозиции в связи с «делом пяти рыцарей» и принятием «Петиции о праве».

В небольшом введении хотя и нет подробной характеристики источников, но ряд из них все-таки анализируется с точки зрения терминологии и ключевых понятий. Кроме того, источниковедческий и историографический анализ предпринимается в ходе исследования отдельных вопросов в главах монографии. Вполне четко обозначена цель и задачи монографии (с. 4–12).

В гл. I «Голос Якова» (с. 13–56) Сергей Витальевич, прежде всего, анализирует знаменитую речь Якова I Стюарта в парламенте в 1610 г. в контексте экономической и политической ситуации начала его правления, приводит аргументы короля в отношении обязанностей подданных предоставлять монарху субсидии и т.п. Автор привлек и высказывания английского юриста Джона Коуэлла из его трактата «Интерпретатор...», а также проповеди священников Роберта Сибторпа и Роджера Мэнверинга, которые были апологетами монаршей воли в отношении налоговых сборов и обязанностей подданных. В главе кратко отмечена борьба в ходе парламентских сессий периода правления Якова I по вопросам налогообложения подданных. В результате автор приходит к выводу, что речь монарха состояла из двух частей: в первой изложены универсальные принципы монархического правления и представлено видение места короля и монархии в человеческом мироустройстве (с. 54, 55), во второй монархом очерчены реальные практики и проблемы английского королевства того времени. Из нее, по мнению автора монографии, видно, что теоретически и практически в обычное время, отвечая на вопрос заглавия книги «Все могут короли?», следует вывод, что король не может всего (с. 55). Интересно, что одним из аргументов этого историк считает часто встречающийся в королевской речи глагол “to pray” (англ.: просить, молить), который он использовал в своем обращении к депутатам парламента. Очень важно, что в конце главы имеется вывод о понимании сути абсолютизма Яковым I, который, по мнению Сергея Витальевича, весьма далек по своей сути от его понимания в либеральной историографии XIX в. Для современного читателя в контексте обсуждений и споров по поводу известной работы британского историка Н. Хеншела это весьма показательно [11].

Исследуя во второй главе «голос» профессора римского права Джона Коуэлла, автор рассматривает главным образом его труд «Интерпретатор...», являвшийся, по сути, словарем юридических терминов, содержание которого очень не понравилось депутатам палаты общин своей трактовкой прерогатив королевской власти и парламента, а также обоснованием легитимности сбора субсидий с подданных. Утверждение Дж. Коуэлла, что король может принимать законы и вводить налоги без согласия парламента и подданных, по мнению автора монографии, «слишком сильно отличались от политико-правовых представлений большинства юристов общего права и депутатов парламента» (с. 68). Кратко показаны дебаты в парламенте 1610 г. по поводу оценки данного труда Дж. Коуэлла, а в их контексте и «голос» Якова I по этим во-

просам, которому все-таки под нажимом парламентариев и де факто пустой казны на тот момент пришлось запретить публикацию словаря Дж. Коуэлла. Сергей Витальевич показал некоторое отличие в понимании короля и юриста римского права сути королевской власти и прерогатив Короны. В итоге следует вывод о том, что в то время «пространство для согласия у монархии и подданных было достаточно» (с. 74).

В гл. III Сергей Витальевич анализирует «голос» настоятеля из Брэкли Роберта Сибторпа, который был одним из главных действующих лиц официальной кампании, развернувшейся в 1626–1628 гг. в поддержку требований монарха принудительных займов у своих подданных. Довольно обстоятельно рассматриваются аргументы священника, высказанные им в своей проповеди от 1627 г. «Апостольское послушание...» (с. 77, 78). Здесь автор монографии отмечает четыре основных апологетических положений священника. Особенно подробно он анализирует второе положение Сибторпа, в котором тот, обильно цитируя Священное Писание, а также исходя из собственных представлений о полномочиях королевской власти, доказывает правомерность государя собирать налоги, а подданных – беспрекословно платить их (с. 80–87). В главе отмечены и аргументы архиепископа Кентеберийского Джорджа Эббота, который отказался лицензировать издание текста проповеди Сибторпа и считал неприемлемым для английских подданных платить принудительные платежи Короне (с. 88–92). Архиепископ был категорически против положения Сибторпа об «абсолютном повиновении» подданных и занял активную позицию в отношении тех из них, кто отказался платить принудительные займы Короне. Сергей Витальевич справедливо полагает, что это способствовало активизации парламентской оппозиции во главе с Джоном Пимом в марте 1628 г.

Четвертый казус, рассматриваемый в монографии, – «голос» королевского капеллана Роджера Мэнверинга. Он прозвучал в его двух проповедях, произнесенных в присутствии Карла I Стюарта в 1627 г. Отмечается негативная реакция на них членов парламента. Первая проповедь, посвященная королевской власти и ее взаимоотношениям с подданными, анализируется с точки зрения ее теологической аргументации о происхождении и приоритете королевской власти и терминологии. Ключевыми понятиями проповеди были «повеление» монарха, «послушание» и «повиновение» подданных перед королем (с. 101–105). В главе отмечается шесть важных положений проповеди, которые сводились к праву короля собирать субсидии со своих подданных, повиновение монарху и его поддержка парламентом, сложность текущего момента для королевства, когда необходим сбор денежных средств с населения, упрек современников в расточении средств на пустяки и приравнение непослушания подданных в светских делах к отказу признать верховенство монарха в делах духовных. Такие люди, по мнению священника, не могут считаться «разумными» и добрыми христианами (с. 109, 110). Более подробно проанализирована вторая проповедь Мэнверинга в отношении религии (с. 110–129). Здесь также выделяются ключевые понятия проповедника, призванные опять-таки убедить подданных в любви, послушании и повиновении монаршей воли. Сергей Витальевич делает пять выводов, которые, по сути, сводятся к необходимости подданных уважать религию. Это убеждает и разум, из чего вытекает и почитание власти монарха. А почитание рели-

гии требует и добродетель, которая предполагает милосердие, уважение к религии – это и следствие обета человека перед Богом, а неуважение религии есть неуважение Бога (с. 127, 128). Читатель сам может судить, насколько логичными были эти доводы Мэнверинга. В заключение этого сюжета приводятся слова из концовки второй проповеди, в которой звучит призыв священника к подданным быть послушными монаршей воли. Рассматривая реакцию парламентариев в 1628 г. на проповедь Рождера Мэнверинга, автор монографии отмечает тот факт, что они усмотрели в ней замысел изменить устройство государства, а также учение о том, что человеческие законы не ограничивают власть и обоснования возможности «грабежа» подданных (с. 131). Интересны приводимые в тексте главы аргументы парламентариев (с. 131, 132) и выступление лидера оппозиции Джона Пима в палате общин, а также его проповеди в Лондоне и в оксфордском университете. Отметил автор монографии и выступление Уильяма Хаквелла в контексте выступлений Дж. Пима. Результатом их критики стало принятие парламентом декларации по проповедям Мэнверинга, которая обвиняла последнего не только в попытке «отвратить сердце короля от его народа», вызвать «раскол в королевстве», но и в преступлении против церкви (с. 134, 135). Автор монографии четко сформулировал в трех пунктах суть обвинений Мэнверинга парламентариями (с. 136) и привел квинтэссенцию выступления Джона Пима на совместном заседании Палаты лордов и Палаты общин, дав ее подробное содержание и на английском языке в сноске (с. 137, 138), а также ее анализ (с. 138–141). В завершении главы рассмотрены процедуры парламентского расследования и вынесение обвинительного решения в отношении Мэнверинга и последующие события, связанные с этим (с. 142–150).

В пятой главе, анализируя дело «пяти рыцарей» и «петицию о праве», автор прежде всего кратко описал сложившуюся политическую ситуацию в стране в связи с массовым отказом населения платить принудительные займы Короне и поиском властями путей разрешения назревавшего политического конфликта. Отмечены действия части оппозиции, выразившейся в подаче в ноябре 1627 г. пятерыми заключенными рыцарями (за отказ платить принудительный займ. – В. М.) иска в Суд Королевской скамьи с просьбой освободить их под поручительство приказом “*habeas corpus*”, так как они были заключены в тюрьму «произвольно», без предъявления обвинений. Понятно, что в той напряженной внутриполитической обстановке это уже означало сохранение правовых гарантий подданных от произвольного ареста (с. 158). Автор показал ход этого судебного процесса (с. 158–163), приводя аргументы адвокатов этих пяти рыцарей и аргументы обвинительной стороны, в которых явно звучит апологетика абсолютной власти короля в подобных вопросах. Приводятся «голоса» участников процесса в форме кратких цитат их выступлений на процессе. Логика последующих политических событий в Англии в период 1627–1628 гг. подвела автора монографии к анализу политических событий и парламентских дебатов вокруг «Петиции о праве» 1628 г. И здесь читатель «слышит» «голоса» членов парламентской оппозиции Ф. Сеймора, Дж. Элиота, Эд. Кока, Р. Крешелда, Дж. Селдена, а также королевских апологетов Ф. Нотерсоула, У. Стэнфорда, а затем и критику их апологетики со стороны опять-таки оппозиционеров Дж. Селдена, Дж. Брауна, Г. Шерфилда, У. Хаквилла (с. 165–169). Отметил Сергей Витальевич и поле-

мику на совместном заседании палат между Дж. Селденом и генеральным атторнеем Робертом Хитоном и его помощником (с. 169, 170), а также привел точки зрения ряда других членов парламента в отношении прав и свобод подданных, prerogative монарха, общего права и т.п. (с. 171–174). Историк дал объективную оценку парламентским дебатам, пяти предложениям членов Палаты лордов (с. 174), а также показал процесс выработки Палатой общин законопроекта (с. 175) и по сути дела рождение «Петиции о праве», идею которой выдвинул Эд. Кок. Сергей Витальевич вполне уместно привел точки зрения современных британских историков в отношении этого важнейшего документа (с. 176). Далее он отметил королевскую реакцию на «Петицию о праве», реакцию обеих палат парламента в ходе дебатов и т.п. Важно, что ключевые понятия и термины, прозвучавшие в ходе полемики парламентариев, автор приводит в оригинале на английском языке (с. 178–189). Однако вряд ли целесообразно было повторять в конце главы суждения парламентариев о Р. Мэнверинге (с. 189, 190), ибо этот казус рассмотрен подробно в предыдущей главе монографии. Вместе с тем нельзя не согласиться с Сергеем Витальевичем в том, что действительно в Англии того времени существовало вполне определенное представление о содержании и объеме прав подданных, да и о том, что королевская власть не может выходить за рамки очерченных правом prerogative (с. 190, 191).

В заключении, подводя итог исследованию «пяти казусов», автор отметил ряд важных моментов, на которые историки до этого мало обращали внимания. Прежде всего, это то, что юристы общего права, проповедники и депутаты парламента видели явную сакральность в происхождении королевской власти и ее абсолютистской сущности, что де она поддерживает порядок с помощью права, что само право тоже сакральное и универсальное, проверенное опытом поколений. Оно охраняет prerogative короля и вольности подданных. Но далее, полагает автор, мнения расходились: одни считали, что король может в исключительных случаях и во имя общих интересов пренебрегать установившимися правилами взаимоотношений, а другие расценивали это как посягательство на свою свободу и собственность. Однако, возможно, следовало здесь уточнить для не слишком искушенного читателя, кто были эти «одни» и «другие», какие слои английского общества стояли за ними? Автор вновь подчеркивает, что многие юристы, в том числе и Эд. Кок, многие политики полагали, что полномочия монарха определяются только общим правом, которое король не может менять по своему усмотрению. Попытки нарушить сложившийся баланс может подорвать древнее конституционное устройство Англии и вызвать различные потрясения. Интересна и важна другая мысль автора монографии о том, что в предреволюционной Англии сформировалось идейное наследие, к которому в дальнейшем обращались как роялисты, так и революционеры для обоснования своих позиций.

Для читателя важна и мысль автора о том, что у Стюартов было мало практических возможностей для реализации своих абсолютистских устремлений, а элиты, т.е. лидеры оппозиции, обладали значительными возможностями по нейтрализации инициатив короля и правительства. Понятно, что важнейшим инструментом этого были финансы, которые монарх не мог получить без санкции парламента. Автор полагает, что английская система об-

ладала значительной способностью к саморегулированию, но перестала работать при Карле I Стюарте. Почему это произошло? В монографии нет прямого ответа. Сергей Витальевич лишь высказывает свои предположения на этот счет, которые, по его мнению, должны быть проверены дальнейшим исследованием. С этим нельзя не согласиться. При этом возможно стоит вспомнить размышления британского историка Дж. Эйлмера о том, что в период ранних Стюартов английский абсолютизм приближался к французскому варианту абсолютизма, который по своей сути противоречил английской правовой традиции о сущности королевской власти и т.п. [12].

Книга Сергея Витальевича может побудить историков «услышать» и голоса более широкого круга политических деятелей, представителей буржуазии и нового дворянства, а возможно и крестьянства по различным политическим и экономическим вопросам предреволюционной Англии.

Научный стиль изложения материала в тоже время доступный и для читателей с разным уровнем подготовленности. Практически нет опечаток, исключение – названия в оглавлении «Глава III. Голос Роберта Сибторфа» (с. 3) и в тексте главы III (с. 75), а также «Глава IV. Голос Роджера Мэнверинга» (с. 3) и в тексте главы IV (с. 93).

Монография непременно будет востребована не только специалистами в области западноевропейского абсолютизма, но и студентами, аспирантами исторических факультетов вузов, специализирующихся по всеобщей истории.

Библиографический список

1. **Митрофанов, В. П.** Собственность и финансовые обязательства англичан (конец XVI – первая треть XVII вв.) / В. П. Митрофанов // История. – 2017. – Т. 8, вып. 8 (62). – URL: <http://history.jes.su/s207987840001893-1-1> (дата обращения: 11.08.2018).
2. **Паламарчук, А. А.** Английское общество, государство и право: концепции лондонских антиквариетов конца XVI – начала XVII в. / А. А. Паламарчук. – СПб. : Алетей, 2012. – 159 с.
3. **Паламарчук, А. А.** Композитарная монархия и правовой полиморфизм в раннестюартовской Англии: к постановке проблемы / А. А. Паламарчук // История. – 2018. – Т. 9, вып. 1 (65). – URL: <https://history.jes.su/s207987840002041-4-1> (дата обращения: 11.08.2018).
4. **Паламарчук, А. А.** Понять «Толкователя»: дело Джона Коуэлла и полемика о юрисдикции церковных судов в раннестюартовской Англии / А. А. Паламарчук // Средние века. – 2015. – Т. 76, № 3–4. – С. 101–121.
5. **Паламарчук, А. А.** Юрисдикция и методы ее регулирования в системе судебных институтов раннестюартовской Англии / А. А. Паламарчук // История. – 2014. – Т. 5, вып. 10 (33). – URL: <https://history.jes.su/s207987840000894-2-1> (дата обращения: 11.08.2018).
6. **Паламарчук, А. А.** Английские цивилисты и понятие абсолютной власти / А. А. Паламарчук // История. – 2016. – Т. 7, вып. 2 (46). – URL: <https://history.jes.su/s207987840001413-3-1> (дата обращения: 11.08.2018).
7. **Федоров, С. Е.** Раннестюартовская аристократия (1603–1629) / С. Е. Федоров. – СПб. : Алетей, 2005. – 525 с.
8. **Федоров, С. Е.** Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии / С. Е. Федоров, А. А. Паламарчук. – СПб. : Алетей, 2013. – 208 с.
9. **Кондратьев, С. В.** Идея права в предреволюционной Англии / С. В. Кондратьев. – Тюмень : Изд-во Тюменского государственного ун-та, 1996. – 171 с.

10. **Кондратьев, С. В.** Юристы в предреволюционной Англии / С. В. Кондратьев. – Шадринск : Производственное объединение «Исеть», 1993. – 125 с.
11. **Хеншел, Н.** Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Н. Хеншел ; пер. с англ. А. А. Паламарчук при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова ; отв. ред. С. Е. Федоров. – СПб. : Алетея, 2003. – 272 с.
12. **Эйлмер, Дж.** Восстание или революция? Англия 1640–1660 гг. / Дж. Эйлмер ; пер. с англ. А. А. Паламарчук, С. Е. Федоров. – СПб. : Алетея, 2004. – 264 с.

References

1. Mitrofanov V. P. *Istoriya* [History]. 2017, vol. 8, iss. 8 (62). Available at: <http://history.jes.su/s207987840001893-1-1> (accessed Aug. 11, 2018).
2. Palamarchuk A. A. *Angliyskoe obshchestvo, gosudarstvo i pravo: kontseptsii london-skikh antikvariev kontsa XVI – nachala XVII v.* [English society, state and law: conceptions of London's antiquarians of the late XVI – early XVII centuries]. Saint-Petersburg: Aleteya, 2012, 159 p.
3. Palamarchuk A. A. *Istoriya* [History]. 2018, vol. 9, iss. 1 (65). Available at: <https://history.jes.su/s207987840002041-4-1> (accessed Aug. 11, 2018).
4. Palamarchuk A. A. *Srednie veka* [The Middle Ages]. 2015, vol. 76, no. 3–4, pp. 101–121.
5. Palamarchuk A. A. *Istoriya* [History]. 2014, vol. 5, iss. 10 (33). Available at: <https://history.jes.su/s207987840000894-2-1> (accessed Aug. 11, 2018).
6. Palamarchuk A. A. *Istoriya* [History]. 2016, vol. 7, iss. 2 (46). Available at: <https://history.jes.su/s207987840001413-3-1> (accessed Aug. 11, 2018).
7. Fedorov S. E. *Rannestyuartovskaya aristokratiya (1603–1629)* [Nobility during the early Stuart period (1603–1629)]. Saint-Petersburg: Aleteya, 2005, 525 p.
8. Fedorov S. E., Palamarchuk A. A. *Antikvarnyy diskurs v rannestyuartovskoy Anglii* [The antiquarian discourse in the early Stuarts' England]. Saint-Petersburg: Aleteya, 2013, 208 p.
9. Kondrat'ev S. V. *Ideya prava v predrevolyutsionnoy Anglii* [The idea of law in prerevolutionary England]. Tyumen: Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo un-ta, 1996, 171 p.
10. Kondrat'ev S. V. *Yuristy v predrevolyutsionnoy Anglii* [Lawyers in pre-revolutionary England]. Shadrinsk: Proizvodstvennoe ob"edinenie «Iset'», 1993, 125 p.
11. Khenshel N. *Mif absolyutizma. Peremeny i preemstvennost' v razvitii zapadnoevropeyskoy monarkhii rannego Novogo vremeni* [The myth of absolutism. Changes and succession in the development of the West-European monarchy of the early modern era]. Transl. from English by A. A. Palamarchuk, L. L. Tsaruk, Yu. A. Makhhalova. Saint-Petersburg: Aleteya, 2003, 272 p.
12. Eylmer Dzh. *Vosstanie ili revolyutsiya? Angliya 1640–1660 gg.* [An uprising or a revolution? England in 1640–1660]. Transl. from English by A. A. Palamarchuk, S. E. Fedorov. Saint-Petersburg: Aleteya, 2004, 264 p.

Митрофанов Владимир Петрович

доктор исторических наук, профессор,
кафедра всеобщей истории
и обществознания, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Mitrofanov Vladimir Petrovich

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of general history
and social science, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: vm@em-england.ru

Митрофанов, В. П.

Новая монография по истории раннестюартовской Англии /
В. П. Митрофанов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 107–114. – Рец. на кн.: Кондратьев, С. В. «Все могут короли, все могут короли?…» (Королевская власть и свобода подданных в парламентских дебатах и судебных тяжбах предреволюционной Англии) : монография / С. В. Кондратьев ; Министерство образования и науки Российской Федерации ; Тюменский государственный университет ; Институт социально-гуманитарных наук. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2018. – 196 с. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-11.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Обращаем внимание авторов на то, что в соответствии с этическим кодексом журнала для обеспечения единообразия перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык (в сведениях об авторах и списке литературы) осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисовочными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике • история.

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел./факс (841-2) 36-84-87; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____
(подпись) (ФИО)

Дата « ____ » _____ 20__ г.